Соль

Глеб Павловский:

«Режим нулевых мыслил себя как временный»

ЖУРНАЛ СОЛЬ №01 СЕНТЯБРЬ 2010 SALTT.RU

Пермская деревянная скульптура: святые, ангелы и Бог.

«Журнал Соль» исследовал запасники художественной галереи, чтобы найти изваяния, которых еще не видел большой мир.

Пермь в 2010-м:

путеводитель по «культурной столице».

Илья Лагутенко:

«Большая Россия. Очень долго ехать».

Валькирии:

русские девушки при власти.

Жизнь ради бабок:

портрет эпохи глазами пожилых.

ЗАКАЖИТЕ LEXUS ES 350 УЖЕ СЕГОДНЯ.

Служба клиентской поддержки Lexus:
8 800 200-38-83

ES 350

Новый престижный седан ES 350 гармонично сочетает в себе высочайшую экспрессивность, изысканность и комфорт. Благодаря просторному автомобиль оснащен [illegible] и мягкой [illegible] оборудованием, позволяющим вам [illegible] роскошь. Умелое сочетание передовых систем безопасности делает ES 350 максимально [illegible] Lexus ES 350 — [illegible] по-[illegible]

ООО «АВТО-ПРИКАМЬЕ»
Уполномоченный партнер LEXUS
г. Пермь, ул. Героев Хасана, 81 Б
(342) 264-30-30

НОВЫЙ LEXUS ES 350 | КОМФОРТНЫЙ БИЗНЕС СЕДАН

NEW COLLECTION
2010—2011
make
love
not
war
МОДНЫЕ ЛЮДИ
Куйбышева, 10. 235-16-12
интернет-магазин — www.markmoda.ru
РЕКЛАМА

Журнал Соль. №01. Сентябрь 2010-го. Содержание

Колонка редактора

Любовь Мульменко **6**

Путеводитель

Пермь 2010-го, текст Ивана Колпакова **8**

Повестка

Интервью с Олегом Чиркуновым **20**
Письма: Раков, Левкин, Павлович, Данилов **26**
Парад: Россия и мир в августе 2010-го **36**
Другие голоса: бабушки **38**
Личная география: Илья Лагутенко **50**

Стихи

Всеволод Емелин **54**
Иван Давыдов **58**

Превью

Деревянная скульптура **60**
Фестивали «Текстура» и «Пространство режиссуры» **76**
Ревизоры: обзор травелогов про Россию **82**

Lab

Хокку Дмитрия Медведева **88**

Проекты

Нулевые: Глеб Павловский **90**
Валькирии: Мария Дрокова и другие девушки при власти **96**

Публикации

Новая пьеса Ивана Вырыпаева **102**
Проект «Квартира» Ольги Сорокиной **106**
Фрагмент новой книги Леонида Юзефовича **112**

«Жизнь ради бабок» на стр. **38**

«Пермская деревянная скульптура: святые, ангелы и Бог» на стр. **60**

«Женщина, куда вы прёте?» на стр. **96**

РЕКЛАМА
ПРОСТРАНСТВО РЕЖИССУРЫ
www.profestival.ru

Редактор номера: Любовь Мульменко

Вставай, страна огромная

Настройки «по умолчанию» почти всегда грубые и приблизительные – в общем, совершенно не те, которые нужны конкретному настоящему человеку и – шире – конкретному обществу.

По умолчанию в России, например, есть деление на «столицы» (то есть «столицу») и «провинции». Пермь в этом смысле – чуть ли не первый российский город, который пытается себя перенастроить. Освободиться от навязанных функций и обрести новые, полезные. Проще говоря, Пермь сейчас развивается, исходя из допущения, что «немосковское» и «провинциальное» – это не синонимы.

Аналогично: «Журнал Соль» – журнал пермский, но, хочется надеяться, не провинциальный. Пермь, равно как Москва, Петербург, Владивосток и прочие точки на карте, – живая часть большого мира. Если рассуждать так, то есть без географического снобизма, получается, что не важно, откуда ведется трансляция. Важна оптика: насколько объемна, контрастна и полноцветна картинка. Насколько она своевременна и адекватна.

В первом номере «Журнал Соль» демонстрирует возможности своей оптики, направляя ее на первое, что бросается в глаза – на родную страну.

Штатные колумнисты подводят итоги страх и ужас наводящего лета–2010, исследуют феномен псевдоностальгии по СССР, выясняют, есть ли жизнь после переезда из центра страны в глубинку, и пишут путевые заметки из вагона отечественной электрички.

Работая над номером, Любовь Мульменко напряженно думала о Родине

Илья Лагутенко, забыв на время о музыке (которая, понятно, гражданства не имеет), читает лекцию о занимательном страноведении. В проекте «Нулевые» о последней десятилетке со знанием дела говорит политтехнолог Глеб Павловский. Простые и премудрые русские бабушки в коротких монологах формулируют правила жизни в стране: какие были полвека назад – а какие теперь.

Конечно, Россия – очень большая и очень давно. Поэтому, видимо, люди, которые здесь живут, чувствуют себя дезориентированными в пространстве и времени. Каждая следующая власть, приходя, вручает народу часы и лоции, и даже если народу плохо от власти, ему хотя бы понятно, где он и когда.

В новейшей истории, правда, смена режимов настолько неочевидна, что общество как-то рассинхронизировалось и существует в разных поясах: кто-то спешит, кто-то отстает.

В сентябрьском выпуске «Журнал Соль» сверяет часы россиян, настраивает компас и пытается нарисовать правдивую карту страны. Которая хоть и изменилась за последние двадцать лет, но вовсе не так сильно, как кажется.

Читать в первую очередь:

Жизнь ради бабок
«По телевизору «Ефросинью» смотрю. Кино «Ефросинья». Сериал. О девушке. Там мужчина с женщиной».
Стр. **38**

Журнал Соль

Главный редактор: Иван Колпаков
Арт-директор: Евгения Мрачковская
Редактор номера: Любовь Мульменко

Директор по развитию: Иван Давыдов
Шеф-редактор: Андрей Громов
Заместитель главного редактора: Владислав Горин

Журналисты: Александр Бакланов, Полина Домовитова, Сергей Данилов, Иван Козлов, Екатерина Князева, Дмитрий Меркушев, Наталья Овчинникова, Евгения Пастухова, Ирина Постникова

Корректор: Ирина Архипенкова

Генеральный директор: Алена Данилкина

Руководитель отдела продаж: Александра Лагунова

Специалисты по работе с рекламодателями: Светлана Гладкова, Анна Лужбина

Технический директор: Сергей Яборов

Учредитель и издатель ООО «Соль»

Почтовый адрес редакции: 614068, Пермь, ул. Данщина, 5. Офис 2.
Адрес редакции и дирекции: 614068, Пермь, ул. Якуба Коласа, 11.

Телефоны: + 7 (342) 237-02-00, 237-14-00, 237-00-02, 237-00-76.
E-mail: info@saltt.ru

Все тексты номера на http://saltt.ru

В «Журнале Соль» используется шрифт Permian, разработанный Ильей Рудерманом по заказу Пермского центра развития дизайна.

© Журнал Соль.
Все права защищены. Воспроизведение текстов или их фрагментов, фотографий и иллюстраций невозможно без письменного разрешения редакции и без ссылки на «Журнал Соль». Воспроизведение текстов, опубликованных на сайте http://saltt.ru, допускается с условием активной гиперссылки на сайт. Точка зрения авторов может не совпадать с мнением редакции. Материалы, присланные в редакцию, не рецензируются, не возвращаются, но могут быть опубликованы – без уведомления автора. Редакция не несет ответственности за содержание материалов, опубликованных на правах рекламы.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ТУ 59 – 0414 от 13 августа 2010 г. выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю.

Номер подписан в печать 12 сентября 2010 года.
Отпечатано в ООО «Типография Астер»: 614041, Пермь, ул. Усольская, 15. Телефон / факс: +7 (342) 249-54-01.
Тираж 15000 экз. Заказ № 27822.

Текст: Иван Колпаков
Фотографии: Алексей Гущин, Иван Козлов, Ольга Сорокина, City Cats, Portacafe, Veterclub, Zlatibor

Пермь в 2010 году

Уникальные места, старые улицы, рестораны, клубы, злачные заведения.

Сибирская застава, окраина старой Перми

››

РЕЙНИС, БОРИС ПАСТЕРНАК, ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА, ЮМОРИСТ, МУЗЕЙ, МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ, ВУЗ, ПСАТ, РЕСТОРАНЫ, СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ, СИБИРСКАЯ, СТРИТРИЗ, СЦЕНА-МОЛОТ

Погулять

1. Улица Сибирская: Сибирская застава, особняк Дягилевых, Театральный сад

Улица Сибирская даже в нынешнем сильно модернизированном виде – настоящий архитектурный заповедник, если мы имеем в виду – прикинем-ка – ее участок от Парка им. Горького до Камы. Это Пермь купеческая, старая Пермь – приблизительно такой наблюдали ее городские обыватели и редкие путешественники в XIX веке. К несчастью, большая часть купеческой Перми (все окрестности) была уничтожена во второй половине XX – и в начале XXI вв. Сибирская, однако, сохранилась в лучшем виде: ее центральное витринное положение создает иммунитет от чрезмерно инициативных и особо одаренных девелоперов.

Сибирская застава. Прогулку правильно начать с ледового Дворца спорта «Орленок», который обещают в ближайшем будущем «реконструировать» так, что от его славного советского прошлого ничего не останется. Спускаясь к Каме, вы сперва наткнетесь на граненый обелиск, увенчанный орлом; это новодел 2003 года, не слишком точный клон Сибирской заставы, построенной в Перми в 1824-м к приезду императора Александра I. В XIX веке обелисков было два – копию сняли с одного из близнецов; голову можно сломать, размышляя, с какого именно и почему только с одного. Поглядите налево, сквозь чугунную ограду – и увидите узницу городского парка «бабушку-ротонду» (не путать с деревянной ротондой художника Александра Бродского), еще один символ Перми, такой же растиражированный, как многострадальный шпиль галереи. «Бабушку» тоже возвели к приезду Александра I, но только не думайте, что весь город построили к визиту царя; так уж вышло. Это место важное: Сибирская застава – окраина старой Перми, тут начинался Сибирский тракт, по которому на восток вели приговоренных к ссылке и каторге преступников, в том числе и политических, например декабристов.

В здании бывшего Благородного собрания (справа) теперь располагается Клуб УВД, а еще в нем проходят ярмарки мехов: правда, привилегированные сословия ими не интересуются

Особняк Дягилевых. В этом громадном доме провел детство и отрочество Сергей Дягилев, будущий создатель «Русских сезонов». Фамильный особняк Дягилевых, в который в приснопамятные времена еженедельно, как на работу, ходил весь местный свет, называли «Пермскими Афинами». Сейчас в нем находится старейшая классическая гимназия и музей Дягилева. Пусть вас не отпугнет известие о том, что внутри здания установлен памятник импресарио работы Эрнста Неизвестного как и можно ожидать – слоноподобный и лупоглазый.

Театральный сад. Хочется верить, что вы как следует насладитесь «скромным обаянием» (тем более что парадная Сибирская действительно источает не блеск, но слабое сияние) купеческой Перми, прогуливаясь от особняка Дягилевых до перекрестка Сибирской и Ленина, бывшей Покровской. Повертите головой: справа – Центральный гастроном, «Цэгэ», увечный, много раз перестраивавшийся дом, в котором когда-то функционировал первый местный книжный магазин, основанный ссыльным поляком Юзефом Пиотровским (см. «Пиотровский»). Наискосок от него, на другой стороне – кровавое, лишь в смысле цвета, здание администрации города и думы, некогда казенная палата. И наконец, напротив мэрии, отстраняясь от города низкой оградкой, тонет в пыльной зелени Театральный сад. В его глубине прячется прославленный Пермский театр оперы и балета, бывший городской театр, построенный в XIX веке на деньги местных жителей и отменно перестроенный в советское время. Театральному саду все нипочем: тут стоит в облезлом пальто пахан Ленин, мнущий кепку; поодаль от него в зарослях прячется фазан Пастернак: Юрятин из «Доктора Живаго», предположительно, списан с Перми; на праздно шатающихся горожан отрешенно и, в общем, довольно безжалостно глядит революционер Хохряков в бескозырке. «Тусоваться на Цэге» в девяностые означало пить пиво в театральном саду и играть на гитаре русский рок.

Мемориальный музей С. П. Дягилева
Сибирская, 33
+7 (342) 212-06-10

Пермский театр оперы и балета им. П. И. Чайковского
Петропавловская, 25а
8-809-300-80-30 (автоинформатор),
+7 (342) 212-30-87 (касса)
http://theatre.perm.ru/ru
http://community.livejournal.com/perm_opera/

2. Набережная

Прогулка по пермской набережной – лучший способ внимательно рассмотреть Каму, исполинскую холодную реку, которая где-то на юге, вступив в союз с Волгой, впадает в Каспийское море. Море! Тут не веришь и в само его существование.

Набережная невзрачна, зимой – пустынна, летом – страшна; весной и осенью – идеальна для променадов.

«...а за лесами» – подразумевается Кама, по всей видимости, сильно влияет на характер пермяков: людей неторопливых, если не сказать медлительных, рассудительных, спокойных, ленивых. Что еще? Кама – это такое специальное место, в котором русский человек, даже, скажем, либерал, вдруг проникается любовью к Отечеству и думает о Подвиге. «А Кама-то наша красавица!» – говорит обычно этот человек.

3. Комсомольский проспект

Он же Компрос, он же «Бродвей» или «Брод», он же Сталинский проспект («Тихий Компрос») и т. д. – главная улица Перми, заложенная еще в XVIII веке (Кунгурская) и комплексно перестроенная в середине XX века. Компрос – не просто место для прогулок (пермяки обычно ходят по нему вверх-вниз, и так год за годом, вне зависимости от сезона), это ось города, средоточие жизни; улица, которая как бы «сшивает» Пермь с ее недолго протянувшим двойником – мифическим Молотовым. Компрос начала – кафедральный собор, Компрос конца – сталинская «Башня смерти», краевое УВД. Удивительным образом Комсомольский проспект объясняет, что Пермь может быть уютной, осмысленной, местами даже красивой. Что нужно заметить во время прогулки (идем от галереи к «Башне смерти»): Архиерейский дом; часовню и славянскую школу Святого Стефана Великопермского; ЦУМ и пересечение с ул. Ленина – «пупок Перми»; памятник соленым ушам. Затем – Октябрьскую площадь; «Муравейник» (угол с ул. Пушкина); «Дом ученых» (жилой дом, угол с ул. Революции); кинотеатр «Кристалл». Наконец, Комсомольская площадь и «Башня смерти». Последний пункт программы – «Тихий Компрос» и площадь перед Дворцом культуры им. Солдатова (конец 1940-х), с фонтанами, скамейками, тенями жителей гор. Молотов. ››

РЕЛИФ, БОРИС ПАСТЕРНАК, ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА, ВОПРОС, МУЗЕЙ, МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ, ЯУЗ, ПСАТ, РЕСТОРАНЫ, СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ, СИБИРСКАЯ, СТРИТРЕЗ, СЦЕНА-МОЛОТ

Увидеть

1. Деревянная скульптура в галерее

Коллекция деревянной скульптуры – главное из того, что следует посмотреть в Перми. Собрание это украсило бы любой музей мира: художественной галерее просто крупно повезло, она хранит в своих запасниках и залах великие шедевры.

Деревянную скульптуру иногда называют «пермскими богами»: этот неудачный термин по отношению к собранию впервые использовал Луначарский; в 1928-м он посетил Пермь, осмотрел коллекцию и был настолько потрясен, что написал статью для «Советского искусства» – вот ирония – которая так и называлась, «Пермские боги». Вместе с тем, «пермские боги» – это, скорее, археологические артефакты: мелкая пластика пермского звериного стиля, бронзовые фигурки птиц, животных, людей.

Коллекция деревянной скульптуры (более 370 резных изображений XVIII – начала XX вв.) была собрана в 1920-е годы Николаем Серебренниковым. «Стоит отметить», сказал бы путеводитель, что все эти изваяния – «народное искусство». Скульпторы – мужики от сохи, они видели Христа как соседа – плоское финно-угорское лицо, раны с запекшейся кровью, взгляд тоскливый, лесной. Бродишь по залу, а Исусы пристально глядят на тебя, и долго еще потом не можешь отделаться от ощущения, что продолжают глядеть – где бы ты ни был. Поход к богам – не праздная экскурсия. Будьте готовы испытать потрясение – как Луначарский восемьдесят лет назад; просится каламбур про «вытрясти душу» – так вот, кроме шуток, эти – деревянные, крашенные, рукой крестьянина вырезанные идолы – из вас ее вытрясут.

Иисус в галерее выглядит вполне по-человечески

Обратите внимание и на здание, в котором находится ПГХГ, – бывший Спасо-Преображенский собор, главный архитектурный символ Перми, немного обезображенный в 2010-м инициативными церковными чиновниками, которые щедро позолотили шпиль, прежде интеллигентно оцинкованный.

Фоторепортаж из запасников галереи читайте на стр. **60**.

Пермская государственная художественная галерея
Комсомольский проспект, 4
+7 (342) 212-95-24
http://www.gallery.permonline.ru

2. Музей современного искусства на Речном вокзале

Вообще говоря, PERMM – грандиозный эксперимент. Во-первых, Пермь – город консервативной культуры, которую уже почти сто лет как вращает ось «университет – театр – галерея». Возникновение музея современного искусства не просто сместило, как говорят, акценты; оно создало геомагнитную аномалию, подменило местную понятную ньютоновскую физику – относительной эйнштейновской. Короче, все стало вверх тормашками. Во-вторых, что логично, музей, отрицающий надежный дореволюционный механизм, вращавший пермскую культуру, объявил себя «новым мотором» (термин сенатора Сергея Гордеева, профинансировавшего в 2008-м выставку «Русское бедное» – с нее-то музей и начался). Речной вокзал – штаб «пермской культурной революции».

Все это, конечно, делает PERMM важной достопримечательностью. Музей работает практически без перерывов: большие выставки, плюс специальные события, фестивали, концерты и чтения, мастер-классы Пермского центра развития дизайна (он тоже квартируется на Речном) и так далее. В сентябре-октябре 2010-го в PERMM будут показывать «Недосягаемых» – сольник Валерия Кошлякова. Обещают: ранние работы 1990-х, фрагменты инсталляции «Полигимния» (Венецианская биеннале–2003), инсталляцию «Облако» (2004), проект «Саркофаг» (2006), «Недосягаемые» (2009).

Обойдите сталинский Речной со всех сторон, посмотрите на страшный осыпающийся фасад (здание только начинают всерьез реконструировать); труп огромного плюшевого медведя, похожего на слона; деревянные машинки недетских размеров; граффити украинских художников Гамлета и Минина – «Чайка, чайка, не скучай-ка!». А потом оглянитесь на Каму, которой возня со строительством нового Гутгенхайма – по барабану. Как, впрочем, и вся остальная Пермь, и вы лично, дорогой гость города.

Музей современного искусства PERMM
Орджоникидзе, 2 (речной вокзал)
+7 (342) 219-91-72
www.permm.ru
http://rechnoy.livejournal.com

ПУТЕВОДИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ТЕКСТ, ФОТО, РОССИЯ, ПЕРМЬ, ОПУБЛИКОВАНО

3. Театр «Сцена-Молот»

Одним не нравится новая драматургия, другим современная режиссура, третьим – лично продюсер Эдуард Бояков, но, вне всякого сомнения, «Сцена-Молот» сегодня – сильнейший театр Перми и один из самых замечательных провинциальных театров России. Причем «Сцена-Молот», как и музей PERMM, дефрагментирует реальность пермской культуры, замахиваясь, вообще говоря, на самое святое – «осевой театр», который тут один, и имя ему балет. Правда, конфликт менее очевидный: в Перми театров вообще-то много, «Сцена-Молот» не штаб культурной революции, Бояков еще дружелюбнее Гельмана.

«Сцена-Молот» прописана в Театре-Театре (худрук которого, что характерно, министр культуры Борис Мильграм), в бывшем его малом зале. Фасад «Сцены-Молот» украшен флагами, напоминающими декорации к фильму Алана Парсонса «Стена».

В репертуаре театра: «Чукчи» Павла Пряжко в постановке Филиппа Григорьяна; «Засада» Юрия Клавдиева в постановке Юрия Муравицкого с репером Сявой в главной роли; «Агата возвращается домой» Линор Горалик в постановке Григорьяна и Боякова – в одной из версий спектакля играет Алиса Хазанова. Премьеры осени 2010-го: «Наташина мечта» Дамира Салимзянова (по пьесе Ярославны Пулинович), «Коммуниканты» Владимира Агеева (по пьесе Дениса Ретрова).

Алиса Хазанова в роли Агаты – тоже в каком-то смысле спецэффект

Во второй половине сентября 2010-го «Сцена-Молот» – одна из площадок фестиваля современного театра и кино «Текстура»; ключевая площадка, поскольку фестиваль инициировал Эдуард Бояков, а совет «Текстуры» возглавила его подруга актриса Ингеборга Дапкунайте. Подробнее об этом фестивале читайте на стр. **76**.

Театр «Сцена-Молот»
Ленина, 53 (здание Театра-Театра)
+7 (342) 236-07-67, +7 (342) 236-10-92 (заказ билетов)
www.stage-molot.ru

4. «Музей пермских древностей» на вокзале Пермь I

К сожалению, «Музей пермских древностей» – это выставка, а не музей, как можно было бы предположить, глядя на ее название: местный минкульт позволил себе маленькую хитрость. Выставка, правда, длинная, и, надо полагать, ее еще пролонгируют – уж больно много зрителей.

Место действия – бывшее здание вокзала Пермь I (следует читать: «Пермь первая»), расположенное через дорогу от PERMM. Зафиксирован, в частности, такой факт: нигде в России речной вокзал не находится так близко от железнодорожного. Правда, речной уже превратился в музей, а Пермь I – пока в процессе (РЖД не сдается). Прежде чем пойти на выставку, полюбуйтесь зданием: это изящный провинциальный вокзал конца XIX века, с деревянными башенками, с весьма любопытными барельефами. Внутри тоже кое-что сохранилось: например, тонкие чугунные колонны.

В «Музее древностей» скелеты не хранят в шкафу

Что касается, собственно, «музея». В двух просторных залах обитает разношерстная палеонтологическая публика. Центральная часть экспозиции, что, кстати, совершенно неочевидно для неспециалиста, посвящена флоре и фауне пермского периода (палеозойская эра, 299–251 миллионов лет назад). Создатели выставки не ограничились одними только иностранцевиями и эстеменозухами, обитавшими на Земле как раз в это время; так что «пермские древности» – тоже, в принципе, милое лукавство. «Музей» – выставка про эволюцию, про палеонтологию вообще; это сборный концерт, для участия в котором приглашены многие доисторические твари. У зверорящеров – отдельный большой номер, но сыграть свою партию предложено и другой живности; в том числе и легендарному пермскому мамонту, скелет которого реконструировали как раз к открытию выставки.

На сайте «Соли» можно посмотреть замечательную компактную видеоэкскурсию по «Музею пермских древностей».

«Музей пермских древностей»
Орджоникидзе, 5 (вокзал Пермь I)
+7 (342) 257-18-06, +7 (342) 279-50-84 (Пермский краевой музей)
http://mamont-perm.livejournal.com/ >>

РЕЙТИНГ, БОРИС ПАСТЕРНАК, ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА, ЮМОРИСТ, МУЗЕЙ, МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ, ВУЗ, ПСИХ, РЕСТОРАНЫ, СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ, СИБИРСКАЯ, СТРИПТИЗ, СЦЕНА-МОЛОТ

Поесть и выпить: рестораны

1. Ресторан «Златибор»

«Златибор» из тех ресторанов, в которых помнят, что это такое: вкусно есть

«Златибор» – симпатичный сербский ресторан: с оштукатуренными стенами, тяжелыми деревянными стульями, кувшинами и баночками, национальными тряпочками на стенах; короче, со всем тем милым китчем, который присущ белградским кафанам. Кормят здесь так же щедро, как и на Балканах: сербский шеф-повар (его зовут Саша Младенович) – явно не номинальная позиция на кухне заведения. Поэтому и заказывать следует именно национальные блюда: холодец и каймак, сыр, вяленую ветчину; естественно – плескавицу, чевапчичи, ражничи, вешалицу, баранину под сачем; балканское вино. Берите одно блюдо, вам хотя бы с ним справиться. Как и в других сербских ресторанах по всему миру, в «Златиборе» шумно выпивают большими компаниями, но это не должно вас остановить – не знаю почему. Потому, наверное, что ресторан действительно хороший, а хороших ресторанов в Перми мало.

«Златибор» не очень удобно расположен: вроде бы и в центре, но где-то во дворах. Лучше всего до ресторана ехать на такси. После ужина в «Златиборе» можно прогуляться до Феодосьевской церкви, которая в пяти минутах ходьбы. Этот храм в неорусском стиле одним из первых отреставрировали в 1990-е. На стене соседа-универсама долго красовалось граффити «Золото на ваших куполах – ворованное».

Ресторан сербской кухни «Златибор»
Кирова, 200
+7 (342) 233-19-33, 238-59-99
http://zb.perm.ru

Феодосьевская церковь
Борчанинова, 11

2. Кафе «Порта»

В «Порту» ходят не только поесть, но и «чисто позырить»

«Витрина пермского общепита». Не то чтобы это ресторан, в который непременно захочется вернуться, но все в нем сделано надежно, гипоаллергенно: сдержанный интерьер; итальянская еда, похожая на итальянскую еду; вышколенные официантки. Присутствует также японское меню, но это фата-моргана любого русско-итальянского заведения, да и не беда. В «Порте» ужинают депутаты местного Законодательного собрания, «культурные и общественные деятели» и проч. Встречаются иногда и приличные люди. В конце концов, главное в «Порте» – хорошая кухня, а не коллекция светских насекомых.

Кафе «Порта»
Комсомольский проспект, 20
+7 (342) 217-11-07
http://www.portacafe.ru/

3. Паб «Шпинат»

Крошечный паб в самом центре Перми – на пересечении улиц Пушкина и Горького, наискосок от католической церкви. Английский шеф-повар; пироги, тосты с паштетом, десерты; заранее можно заказать воскресный обед с индейкой на большую компанию. В «Шпинате» полагается пить шотландское пиво Belhaven – особенно сладок стаут McCallum's, совсем, как выясняется, некрепкий (4,1%). В «Шпинате» случается happy hour; иногда – впрочем, довольно редко – здесь играют на саксофоне. Столик лучше забронировать заранее – вечером в выходные в «Шпинате» аншлаг. Что еще хорошего? Красивые и разговорчивые девушки-бармены. Единственный минус заведения: местная вытяжка не справляется с сигаретным дымом.

Spinach
(британский паб «Шпинат»)
Пушкина, 9
+7 (342) 212-41-40

ПУТЕВОДИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ТЕКСТ, ФОТО, РОССИЯ, ПЕРМЬ, ОПУБЛИКОВАНО

Развлечься

1. Клуб «Ветер»

Вообще-то о «Ветре» среди клубных гурманов принято отзываться пренебрежительно – дескать, провинциальный, тухлый, скучный; что нисколько не вредит его репутации: «Ветер» с самого своего открытия (2008) и по сей день – «главный пермский клуб». Вечеринки, начатые, скажем, в Room Bar (Ленина, 92; обширная карта коктейлей; пляшут на подоконниках), или в ресторане Les Marches (Газеты «Звезда», 27; европейская кухня; фестиваль устриц; белые воротнички и тяжелые золотые цепочки), или в номере отеля «Хилтон Гарден Инн Пермь» (Мира, 45б; четыре звезды; просторный конференц-зал), или в общежитии педуниверситета (Петропавловская, 117; 50 Cent с ноутбука; домашняя пицца) – неминуемо заканчиваются «Ветром», где красивые пермские девушки встречаются с некрасивыми пермскими мужчинами.

Интерьер «Ветра» напоминает о тех славных временах, когда стразы носили даже бычьи шеи. Бархат, диваны, позолота, полутьма, конфетти, мягкие випочки, жесткий фейс-контроль, девушки в вечерних нарядах и на высоких каблуках, мужчины – ну, мужчины в разном. «Мы зарабатываем на выпивке», – любит повторять управляющий «Ветра» Миша Вишневский; выпивка льется рекой. Смущает в «Ветре» только вот что: однажды, заглянув на вечеринку, вы внезапно можете попасть на концерт, предположим, артиста Данко. Короткий, под фанеру, но хоть под землю провались, как потом людям в глаза смотреть.

Клуб «Ветер»
Сибирская, 16
+7 (342) 243-34-83,
+7 (342) 276-77-94 (Роман),
+7 (342) 276-77-93 (Ирина),
+7 (342) 298-20-05 (Михаил)
http://veterclub.ru

2. «Караоке-холл» на ул. Газеты «Звезда», 5

Двухэтажный «Караоке-холл» с большими экранами, удобными диванами, дешевой выпивкой и чрезвычайно медленным обслуживанием. Славу заведению сделал Марат Гельман: если директор Речного вокзала находится в Перми, вы непременно встретите его именно в этом караоке – в районе, скажем, полуночи, в любой из дней. Гельман обязательно исполнит для вас и других ценителей: «Let my people go» старика Армстронга и «Старика Козлодоева» старика Гребенщикова, – и в подтверждение своего выступления спляшет.

Также доподлинно известно, что в «Караоке-холле» на Газеты «Звезда» писатель Владимир Сорокин пел «Червону руту», продюсер Эдуард Бояков – «Аргентину – Ямайку», модельер Александр Петлюра танцевал стриптиз, режиссер Валерия Гай Германика выгуливала свою флегматичную собачку. Обратите внимание на доспехи рыцаря (нижний зал): считается, что это первый памятник Гельману на территории России.

По вторникам вход в караоке бесплатный, а значит, можно наблюдать пермяка в естественной среде обитания. Пермяк, в отличие от Гельмана, менее требователен к музыкальному репертуару: самец пермяка седлает Лепса и выигрывает, самка – Таню Буланову – и тоже не остается незамеченной.

Karaoke-hall
Газеты «Звезда», 5
+7 (342) 257-05-05

3. City Cats

Про мужской клуб City Cats есть локальная шутка: именно так – Сити-Кацем – называли за глаза бывшего сити-менеджера Перми Аркадия Каца. Кроме того, согласно легенде, в клубе City Cats был побит разгневанными аборигенами дизайнер Артемий Лебедев. Сообщается: пермяк возмутился тем, что Лебедев (арт-директор Пермского центра развития дизайна) тратит бюджетные деньги на стриптизерш. Новость, впрочем, получила опровержение.

City Cats – крупное предприятие. «Клуб расположен в здании бывшего купеческого особняка... На трех этажах клуба гости, не опускаясь до уровня порно-бордельного времяпрепровождения, получают ассортимент мужских развлечений», – сообщается на сайте City Cats.

Классический стриптиз с шестом, закуточки для приватных танцев, массажный салон, лесбо-шоу «За стеклом», BDSM-room, «дискотека» с полуголыми пермячками. Девушки, говоря откровенно, не очень симпатичные, но очень самоотверженные. Поездка в клуб, как правило, важный пункт программы пребывания випгостя в Перми. Есть, конечно, и камерные заведения («Яма», «Рай», «Розовый пеликан»), но City Cats как-то больше способствует разгулу – и потому уже клуб попал в наш путеводитель.

Мужской клуб City Cats
Орджоникидзе, 23
+7 (342) 219-91-34,
+7 (342) 219-93-30
www.citycats.ru

››

РЕЛИЗ, БОРИС ПАСТЕРНАК, ДЕРЕВЯННАЯ СКУЛЬПТУРА, КОМПРОС, МУЗЕЙ, МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ, ПУЧ, ПСАТ, РЕСТОРАНЫ, СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ, СИБИРСКАЯ, СТРИТРЕЗ, СЦЕНА-МОЛОТ

Бонусы: что-нибудь эдакое

1. Эспланада

Эспланада – громадный странный пустырь в самом центре города. На одной его оконечности – белый кубик Театра-Театра. На другой – парадный брежневский «Дом советов», перед которым установлен новейший бетонный монумент за авторством Николая Ридного: слово «Власть», лежащее навзничь на сырой земле. В самом центре эспланады – клочковатая аллея и памятник «Единство фронта и тыла», который местные жители называют «трезубцем»: Родина-мать и солдат почему-то глядят на театр, а рабочий – на «Дом советов».

Эспланада – якобы самая большая площадь Европы. У пермяков, впрочем, все – «самое большое»

2. Город Мотовилиха

Мотовилиха (вошедшая в состав Перми только в 1917-м) лежит вдали от туристических маршрутов и тем хороша – ее старая часть достаточно рунизирована, чтобы не утратить сходство с настоящей, дореволюционной уездной Россией. Стоит потратить время и добраться сюда на такси (полчаса от центра), чтобы осмотреть комплекс белокаменного Свято-Троицкого Стефанова монастыря, прилегающую к нему (sic) Красную площадь, окруженную старыми домами. Здесь все так же, как сто лет назад: время обошлось с этими местами чрезвычайно деликатно. Рядом, в нескольких минутах ходьбы – реконструированный в 2010-м Райский сад (бывший сад Свердлова), Мотовилихинский пруд, центр Мотовилихи.

Свято-Троицкий Стефанов мужской монастырь
Висимская, 4а
http://stefan-monastyr.narod.ru/info.htm

3. Музей истории Пермского университета

На другом конце города находится лучший из малых музеев Перми – Музей истории Пермского университета. Он расположен в самом сердце кампуса, в здании истфака, с которого университет когда-то и начался. Основная экспозиция: хроника становления первого уральского вуза. Но особое внимание нужно обратить на художественный отдел (состоящий из древнеегипетских и античных артефактов) – полноправный наследник «Музея древностей и искусств», функционировавшего в университете в первые годы его существования. Экскурсии только по записи.

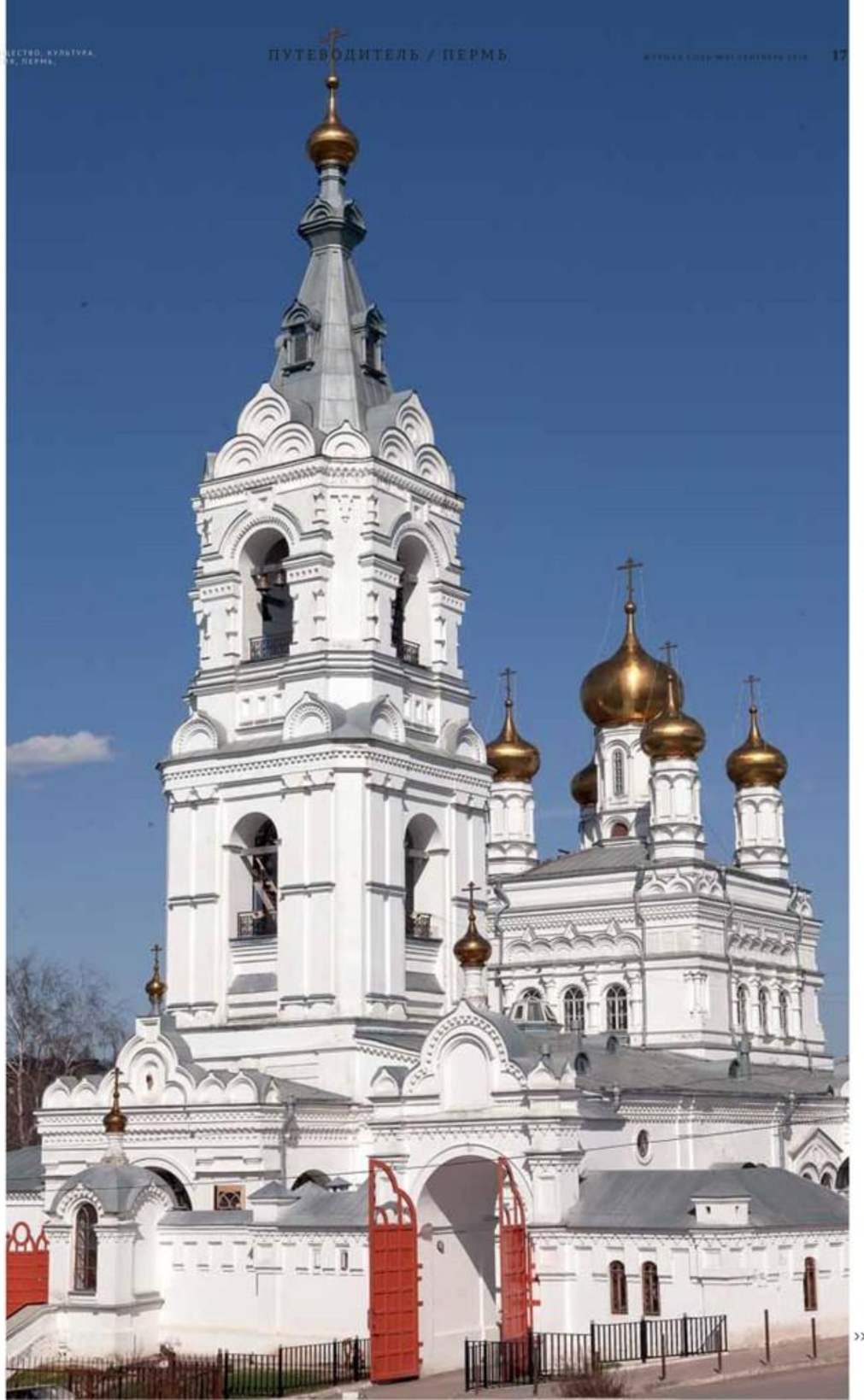
Музей истории Пермского университета
Букирева, 15
+ 7 (342) 2-396-592

4. Книжный магазин «Пиотровский»

Открывшийся совсем недавно «независимый книжный магазин» «Пиотровский» (названный так в честь основателя первого книжного в Перми – ссыльного поляка Юзефа Пиотровского) прославился уже на всю Россию. Помимо того что магазин предлагает отличную коллекцию литературы (нон-фикшн и малотиражная художка), в «Пиотровском» еженедельно проходят лекции писателей, литературоведов, философов, круглые столы и дискуссии. «Пиотровский», как и следовало ожидать, сравнивают с «Фаланстером» – и не безосновательно: московские книготорговцы консультировали основателей пермского букстора.

НКМ «Пиотровский»
Луначарского, 51а
+7 (342) 243-03-51
http://piotrovsky_book.lj.ru

ПУТЕВОДИТЕЛЬ, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ТЕКСТ, ФОТО, РОССИЯ, ПЕРМЬ, СЛУЧИЛОСЬ

Свято-Троицкий Стефанов монастырь великолепно отреставрирован; правда, пугают масштабные работы по приведению внутренней территории в порядок: даже в России «ландшафтный дизайн» уже не столь бессмысленный и беспощадный

››

Меченая карта

Поход на Пермь. Улицы, музеи, рестораны, клубы: адреса.

1 ПЕРМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ
Комсомольский проспект, 4
+7 (342) 212-95-24

2 МУЗЕЙ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА PERMM
Орджоникидзе, 2
+7 (342) 219-91-72

3 «МУЗЕЙ ПЕРМСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ»
Орджоникидзе, 5
+7 (342) 257-18-06

4 МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ С. П. ДЯГИЛЕВА
Сибирская, 33
+7 (342) 212-06-10

1 ПЕРМСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА им. П. И. ЧАЙКОВСКОГО
Петропавловская, 25а
+7 (342) 212-30-87

2 ТЕАТР «СЦЕНА-МОЛОТ»
Ленина, 53
+7 (342) 236-07-67

3 НКМ «ПИОТРОВСКИЙ»
Луначарского, 51а
+7 (342) 243-03-51

1 РЕСТОРАН СЕРБСКОЙ КУХНИ «ЗЛАТИБОР»
Кирова, 200
+7 (342) 233-19-33

2 КАФЕ «ПОРТА»
Комсомольский проспект, 20
+7 (342) 217-11-07

3 SPINACH
Пушкина, 9
+7 (342) 212-41-40

1 КЛУБ «ВЕТЕР»
Сибирская, 16
+7 (342) 243-34-83

2 KARAOKE-HALL
Газеты «Звезда», 5
+7 (342) 257-05-05

3 МУЖСКОЙ КЛУБ CITY CATS
Орджоникидзе, 23
+7 (342) 219-91-34

Пермская государственная художественная галерея

Музей современного искусства PERMM

«Музей пермских древностей»

Мужской клуб City Cats

Karaoke-hall

Пермский театр оперы и балета им. П. И. Чайковского

Кафе «Порта»

Клуб «Ветер»

Spinach (британский паб «Шпинат»)

Мемориальный музей С. П. Дягилева

Эспланада

Театр «Сцена-Молот»

Ресторан сербской кухни «Златибор»

Феодосьевская церковь (церковь Вознесения)

НКМ «Пиотровский»

ул. Окулова, ул. Орджоникидзе, ул. Ленина, ул. Кирова, ул. Советская, ул. Петропавловская, ул. Попова, ул. Куйбышева, ул. Осинская, ул. Свердловская, ул. Александра Матросова, ул. Крисанова, ул. Решетникова, ул. Борчаninова, ул. Луначарского, ул. Большевистская, ул. Комсомольский проспект, ул. Петропавловская, ул. Сибирская, ул. 25 Октября, ул. Максима Горького, ул. Николая Островского, ул. Петропавловская, ул. Ленина, ул. Кирова, ул. Большевистская, ул. Луначарского, ул. Пушкина, ул. Краснова, ул. Сибирская, ул. Революции, ул. Малая Ямская, ул. Газеты «Звезда»

Вопросы: Андрей Громов
Фотографии: Ольга Сорокина

Элиты не справились со своей задачей

Губернатор Пермского края Олег Чиркунов – о триумфах и падениях российской экономики.

Олег Чиркунов, нынешний губернатор Пермского края, занимался бизнесом еще в начале девяностых. Потом он стал сенатором, а еще позже главой региона. Однако бизнес его до сих пор процветает. Чиркунов обладает редкой возможностью взглянуть на то, что происходило с экономикой и предпринимательством в девяностые и нулевые не только изнутри, но и с точки зрения власти, государства.

– Олег Анатольевич, что для вас двухтысячные? Как вы оцениваете происходящее в это десятилетие в экономической жизни?

– На самом деле двухтысячные – это сказочный период для страны. Ни с того ни с сего господь Бог создал нам уникально благоприятные условия: на внешних рынках оказалось востребованным наше сырье, и мы вошли в мировую экономическую систему, причем на вполне цивилизованном уровне. Тут сошлись многие благоприятные факторы.

Двухтысячные – это триумф российской экономики, триумф российской сырьевой экономики. Однако у этого триумфа есть и оборотная сторона. Когда с неба падают рубли в крупных купюрах, трудно нагибаться за копеечкой. И в итоге мы очень многое упустили. В первую очередь, внутренний рынок. Полки наших магазинов завалены импортными товарами. Я не против разделения труда, но понимаете, когда речь идет о примитивных товарах, то хотя бы элементарная логика сокращения транспортных издержек предполагает, что эти товары делаются на месте, а не ввозятся из-за рубежа.

И это еще не самое опасное, не самое главное упущение. Вот мы говорим о товарах, которые на полках магазинов... Но ведь сейчас мало того что товары надо произвести – тот, кто производит, сейчас особенно на этом не богатеет, а богатеет тот, кто их придумал, запатентовал, защитил юридически, создал вокруг них миф.

Фондовый рынок двухтысячных по сути — международный МММ. Только вместо Лени Голубкова — биржевые аналитики.

С этим у нас беда. Интеллектуальный рынок, рынок идей и их внедрения – мы совсем упустили... Тут разрыв еще больший, чем с товарами на внутреннем рынке. Бесполезно придумать, например, iPad в Перми или даже в Москве. Какой бы он ни был прекрасный, удобный и высокотехнологичный, мы не сможем его продать. Если мы его придумали, мы должны связаться с теми, кто купит разработку (вряд ли за большие деньги) и произведет под своим брендом. Ну а зачем встраиваться в сложные взаимосвязи, выстраивать борьбу за место на рынке идей, если все можно купить на доходы с продажи сырья?

– По вашим словам получается, что сказочный период благоденствия не выглядит таким уж сказочным и прекрасным. Такое ощущение, что на выходе проблем стало не меньше, а даже больше, чем до начала этой сказки. Но, может, так и надо, может, так и нормально – вот и кризис пережили вроде?

– На самом деле еще нет никакого кризиса. Пока цена нефти высокая – кризиса настоящего нет. Но когда нефть «упадет», вот тогда и будет настоящий кризис. И все эти упущенные копеечки по нам очень больно ударят. Нас ждут очень серьезные испытания.

– А какой уровень падения цен на нефть, по вашему мнению, будет для нас критическим? Вот я в свое время брал интервью у [нынешнего главы Росатома Сергея] Кириенко, и он говорил, что в 1998 году, когда он был премьером, цена в 10–12 долларов за баррель была бы для него счастьем... недостижимым счастьем. А теперь вот говорят, что 30 или даже 40 долларов за баррель будут для нас катастрофой.

– Да, я знаю эту историю ... поэтому и называть конкретные цифры не имеет смысла. Я думаю, что цена на нефть будет такой, что мы все это прочувствуем... Она будет такой, чтобы стать для нас испытанием. И все поймем – пришло время испытаний. И очень важно к этому готовиться не как к трагедии, а именно как к испытанию. Думаю, что как раз сейчас пришло время для осознания и конкретных действий. Сейчас пришло время понять все риски и действовать.

– Может, дело в структурных перекосах, которые нельзя исправить без разрушительных, катастрофических последствий?

– Придет еще время, когда все будут искать и даже наверняка найдут виновного во всех наших будущих бедах. И это будет несправедливо и неправильно. Тут нет никаких конкретных виновных. Нет никаких таких решений, которые бы все испортили или, наоборот, спасли. Общество – такой механизм, который на самом деле очень мало зависит от чьей-то, пусть и властной, воли. Нельзя скомандовать «шагом марш!» – и начинаем диверсификацию, или «шагом марш!» – и все идем в инновации. Это так не работает.

«Нас ждут очень серьезные испытания»

К тому же я не думаю, что произошло что-то необратимое. Повторюсь, я не жду катастрофы, я жду испытаний, а испытания – это нормально, это естественная составляющая развития. И двухтысячные сыграли свою роль в этом развитии. Мы сейчас уже стали забывать, но в начале двухтысячных мы жили совсем в другой стране. Чиновники набивали себе карманы самыми дикими способами и в самых невероятных размерах. И это все считалось нормой. Я еще помню времена, когда чиновник достаточно крупного уровня мог за столиком в ресторане обсуждать с коллегами, сколько он заработал на торговле своими властными ресурсами. Люди буквально хвастались: этот поднял соточку, этот стырил такое-то предприятие. Ну и так далее...

– А разве сейчас этого нет?

– Нет, сейчас все-таки совсем другая ситуация. Опыт жизни в новой экономической реальности создал новый менталитет. Чиновники 1990-х не работали в этой реальности, они не работали с костями, с издержками. Просто не понимали, что это такое. Для них существовали только доходы. Они могли только брать, заниматься непосредственной продажей своих властных ресурсов. Сегодня же у всех, особенно у тех, кто пришел во власть из бизнеса, в голове ясное представление о том, что бывают не только доходы, но и расходы. Это принципиально другая позиция, принципиально другое сознание.

– Я очень хорошо помню, как в начале двухтысячных поперли вверх российские производители. Та же пивоваренная промышленность, пищевые, потребительские компании... И при этом года через два-три, к 2005–2006-му, они почти все были проданы либо западным владельцам, либо крупным российским игрокам. Почему многие успешные предприниматели решили не развивать бизнес дальше, а продаться и выйти из игры?

– Так устроен бизнес. Есть виды бизнеса, которые на определенном этапе могут развиваться только как часть крупной сети, крупного бизнеса. Кто-то создает свою точку, потом начинает развиваться – делает магазин, потом несколько магазинов, потом кто-то собирает это в сеть, потом кто-то объединяет их под торговую марку... Так же и с пивными компаниями. Это все естественный процесс развития. Человек сделал свое предприятие, продал его, получил деньги, но ведь дальше-то он что-то с ними должен делать... И вот тут мы приходим к главной на самом деле проблеме двухтысячных, главной беде – к фондовым рынкам. Их разрушительное влияние сказалось не только на нашей, но на всей мировой экономике. ››

– То есть получается, наша беда – «сырьевое проклятие» – наложилась на мировую беду, проклятие «фондовых рынков»?

– Скорее, наоборот. Главное зло тут все-таки фондовые рынки. Фондовый рынок двухтысячных был по сути международным МММ. Когда я работал в бизнесе, я не мог понять одной простой вещи: почему, когда ты выстраиваешь управление компанией, борешься за место на рынке, много и тяжело работаешь, то зарабатываешь 15, 20, ну 25 процентов годовых, а когда ты просто вышел на фондовый рынок, то зарабатываешь от 30 процентов и выше...

– Причем даже не на рисковых активах.

– Тут главный вред – это представление, что ничего не делать и просто лежать на диване, считая спекулятивную прибыль, выгодней, чем выстраивать бизнес. Ситуация на фондовых рынках сбила нормальную систему мотиваций и доходности. Как это должно работать? Положил деньги в банк – тебе капает три-пять процентов, вышел на фондовый рынок – поскольку тут все же есть риск, и хоть какие-то твои мыслительные действия, то получаешь 8–10 процентов; а все, что выше, требует создания и ведения бизнеса. А когда в двухтысячные все перевернулось с ног на голову, то мотивация заниматься бизнесом, вкладывать в него деньги, практически исчезла. Вот я, например, всегда понимал, что это пирамида, но накануне кризиса я едва не сорвался. Если честно, у меня уже были гадкие мыслишки – продать все свои активы и вложиться в фондовый рынок.

– Буквально как с МММ: когда ты поднимал трубку узнать время и тебе каждый день говорили, сколько ты бы мог заработать, если бы вложился в эту пирамиду. Даже тем, кто все понимал, было очень трудно удержаться. И многие в итоге не удержались.

– Тут то же самое, только вместо Лени Голубкова – биржевые аналитики. Я, к счастью, все-таки удержался, и на момент начала кризиса у меня не было на фондовом рынке ни одного рубля. Ни одного! Но я был буквально на грани. Еще немного... Ну, может быть, не на фондовый рынок, но в какие-то пассивные инвестиции я бы ушел. А ведь я держался буквально до последнего – вокруг все повально уходили из бизнеса на фондовый рынок.

Мы вот говорим, что у нас какие-то структурные перекосы, что у нас с мотивами в России что-то не так... Не в России – главный сбой мотивации произошел все-таки в мировой экономике. Господь Бог дал возможность пошиковать всем... И остановил все это. Сначала остановил их, потому что фондовые рынки – главное зло. Но на очереди мы и наша сырьевая экономика – это меньшее зло, но все-таки тоже зло.

Сейчас наступила пора силовых структур. Теперь они начали молотить бабки: заводить уголовные дела, прекращать уголовные дела. Бизнес же знает, к какому адвокату идти, чтобы дело по налогам было прекращено.

– Понятно, что это мировые процессы, но все же не везде они так сильно ударили по развитию бизнеса. Все-таки бизнесмены – натуры деятельные, и многим из них не так чтобы очень интересно лежать на диване и считать проценты. Может, у нас дело было не только в неадекватности фондового рынка, но и в том, что заниматься бизнесом в России стало слишком тяжело?

– А где легко? Везде тяжело. Просто по-разному. И у нас есть свои минусы и свои плюсы... Плюсы – у нас все еще развивающийся рынок и найти себе на нашем рынке пространство для деятельности, если есть стартовый капитал, конечно, куда легче, чем в большинстве других стран. Другое дело, что ты вкладываешь деньги, участвуешь в тендерах, а рядом с тобой парень просто пошел к мэру, получил землю, а потом продал ее с огромной прибылью, не вложив в нее ничего. Тут, конечно, задумаешься, а стоит ли тебе корячиться. У нас невероятные вещи на самом деле происходят. Я знаю сделки в Перми, когда человек покупает землю за два миллиона долларов, тут же перепродает ее за 40 миллионов, а эти уже в свою очередь закладывают ее в банк за 150 миллионов. Ну, и как вы, находясь с этими людьми в одном экономическом пространстве, можете серьезно рассчитывать, что на эти два миллиона будете спокойно зарабатывать свои 12 процентов?

– А что малый бизнес? Тут-то фондовые рынки не могли оказать большого влияния. При этом в двухтысячные происходит сворачивание мелкого бизнеса. А многие говорят буквально о его методичном уничтожении.

– Нет. Не было никакого уничтожения. С малым бизнесом всегда было плохо. Малый бизнес развивается там, где есть непосредственный рынок сбыта. Вот все началось с мелкой торговли шоколадками, там, жвачкой... можно было сделать киоск, торговать. Но потом, когда потребительский рынок стал цивилизоваться, появились магазины, супермаркеты – места ларькам и шоколадкам не осталось. Для мелкого предпринимательства нужны были новые ниши, новые сферы деятельности, но их почти не появилось. В первую очередь, потому что государство их не освобождало или освобождало очень медленно и неохотно. Государство отдало в начале 1990-х свои позиции в сфере товаров народного потребления, но потом почти ничего больше не сдало. Крупный бизнес тоже не освободил ниши для мелкого производства болтиков и шпунтиков – в этом плане они по большей части остались советскими предприятиями, которые живут за глухим забором и выполняют всю непрофильную работу сами, почти ничего не передавая на аутсорсинг, даже коровники и столовые. Малый бизнес оказался никому не нужным, ему не отдали новых рынков, ему оказалось просто негде работать. Зато вместо этого государство открыло массу возможностей зарабатывать через себя. И все активные силы были, по сути, вытолкнуты в эти спекулятивно-административные ниши. Вместо того чтобы отдать свои функции, оно дало возможность зарабатывать на административных рынках.

– Кстати, тут самое время спросить о главном бизнесе – об административном. Как он развивался в двухтысячные, что происходило с возможностями заработков (воровства) чиновников, как менялись их возможности и приоритеты?

– Ну, это целая история. Все началось в конце 1980-х – тут шла торговля правами продажи сырьевых ресурсов: в первую очередь, торговали разрешениями на экспорт. Потом началась эпоха таможенных платежей, а точнее их отсутствия. Были, как рассказывают, таможенные посты в Москве и Питере, с которых товар по документам просто не выходил, как бы там оставался навсегда. Этот период я испытал на себе в полном объеме. Простая дилемма: рисковать или разориться. Идти на эти схемы было страшно, а растаможивать «в белую» – невозможно. Приходилось пользоваться вполне легальными услугами обществ слепых, глухих и инвалидов.

«Сейчас пришло время понять все риски и действовать»

– А приватизация?

– Я бы не стал преувеличивать роль чиновников в приватизации – она, как я предполагаю, была невелика. Богатели те, кто рядом, а чиновники сидели на скромном проценте. Чтобы заработать рубль, чиновнику надо было продать за бесценок на тысячу. Затем, в конце 1990-х, настала пора взаимозачетов. Государство и муниципалитеты размещали свои заказы, но не оплачивали их. На старте сумма контракта значительно завышалась, а после этого находился налогоплательщик, которому предоставлялся дисконт процентов так тридцать, и проводился взаимозачет обязательств. Чиновники, как мне представляется, меньше 10 процентов за осуществление взаимозачета не брали. Аналогичным образом расплачивались и со всеми государевыми компаниями, в первую очередь, с энергетиками и железнодорожниками. В это же время бизнес бился за размещение государственных денег в частных банках, платя за это немалые откаты. Результат – массовый невозврат бюджетных средств из-за крушения банков.

В начале двухтысячных взаимозачеты прекратились, а откаты за размещение государственных и муниципальных заказов по завышенным ценам остались. Особое значение имело строительство как отрасль с большой стоимостью контрактов. Затем наступил этап предоставления земельных участков под строительство. Причем еще в 1999 году землю в центре Перми можно было купить за копейки – никто ничего не строил, никто ничего не развивал, никто никуда не вкладывал. Но уже в 2002 году цены выросли многократно, и счет пошел на десятки миллионов – тут-то и подключились чиновники. В середине двухтысячных наступил период целенаправленного банкротства государственных и муниципальных предприятий с целью завладения земельными участками в городе и пригороде под потенциальное жилищное строительство.

– А что сейчас? Что сейчас торгуется на административном рынке?

– Сейчас, на мой взгляд, наступила пора силовых структур. Теперь они начали молотить бабки: заводить уголовные дела, прекращать уголовные дела. Бизнес же – простой бизнес – знает, к какому адвокату идти, чтобы заплатить ему известную цену – у нас это три миллиона рублей – чтобы уголовное дело по налогам было прекращено. И нет никакого криминала. Все чисто: вы обратились к адвокату, он оказал вам услугу и получил деньги. Вам даже следователь, который ведет ваше уголовное дело, может порекомендовать такого адвоката.

– Все бизнесмены, с которыми я говорил в последнее время, жалуются на созданную именно в двухтысячные налоговую систему. Говорят, что налоговая система практически губит любое дело с нормальной долей прибыли.

– Врут! Пусть они вспомнят 1990-е, пусть вспомнят нестабильность законодательства, беспредел налоговых органов. Это был вполне драматический переходный период. Сначала все было можно, можно, можно – а потом оказалось, что налоги надо было платить. В эти ножницы очень многие попали. Санкции были очень жесткие. ››

Самое большое преступление государства в этой сфере было как раз тогда. Сначала Конституционный суд принял решение, что налогоплательщик выполнил свои обязательства в тот момент, когда отдал платежку в банк. Бред! И бизнес моментально отреагировал на этот бред – он принес платежки по налогам в падающие банки, в банки-однодневки. Проходит полтора года, и Конституционный суд не отменяет это свое решение, а выносит определение, в котором появляется формулировка «недобросовестный налогоплательщик» (это определение Конституционного суда датировано июлем 2001 года – *А. Г.*). И от толкования этой формулировки стала зависеть судьба бизнеса и личная свобода огромного количества предпринимателей. В результате кучу людей пересадили, куча людей разорилась. Так что в двухтысячные ситуация с налогами не ухудшилась, а нормализовалась. Она нуждается в серьезной корректировке, но это совсем не похоже на налоговый беспредел 1990-х.

– А какая именно корректировка нужна, по вашему мнению?

– И у нас неправильный налог на прибыль, потому что далеко не все можно списать на расходы. Нормальная ситуация, когда под налог на прибыль попадают только те суммы, которые ты изымаешь из оборота, а все, что ты тратишь на развитие бизнеса, можно списывать. Собственно, по большому счету, тут системная диспропорция: облагать надо, в первую очередь, потребление, а наша налоговая система нацелена на обложение производства.

– Есть ли что-то, что вы бы назвали главным грехом двухтысячных?

– Я думаю, что самое страшное, что произошло в двухтысячные, – это разгул безответственного потребления. Самые дорогие машины в Москве, самые дорогие рестораны в Москве. И эта неадекватная роскошь и неадекватное потребление стало стандартом жизни элит. Я когда был бизнесменом и попадал в Москву, то от цен в ресторанах у меня был шок, но когда живешь постоянно в этой среде (я стал жить в Москве, когда был сенатором), начинаешь мириться со всем этим и невольно принимаешь это как данность. Но общество не может и не должно столько тратить на себя, столько проедать, прогуливать, понимаете? Не может жилье и каждодневное потребление столько стоить.

– Вы считаете, этот потребительский разгул был неизбежен в ситуации сырьевого изобилия? Или это какая-то аномалия?

– Я думаю, что элиты не справились со своей задачей. Верхушка общества – интеллектуальная, административная – они не смогли задать адекватные нуждам страны и общества стандарты. Вышел сплошной парад тщеславия. И все подсели на этот стиль жизни, как на наркотик. Когда ты привык к избыточному потреблению, то очень трудно от него отказаться. Нормального обратного пути уже нет. Уже и семья твоя к этому привыкла, и тут чего бы ты там ни думал, но у тебя из горла семья вытащит все, к чему привыкла. И это безответственное потребление экономически и социально – уже не только локальная проблема элит. Непомерно высокие цены на элитные дома, машины, рестораны влияют на всю потребительскую сферу, на потребительские стандарты жизни обывателей. В итоге – у нас все живут не по средствам, все дико дорого и всем не хватает на жизнь. ◘

«В итоге у нас все живут не по средствам, все дико дорого и всем не хватает на жизнь»

DMS DIRECT MAIL SERVICE

ДМ-Агентство «DMService»
Тел./факс: (342) 259-02-92
Электронная почта: dm@dmsperm.ru

Строим эффективные маркетинговые коммуникации инструментами DM!

- Курьерская служба
- Формирование и актуализация баз данных
- Letter-shop
- Комплексные ДМ-проекты

www.dmsperm.ru

РЕКЛАМА

АПОКАЛИПСИС, ВЛАСТЬ, НАВОДНЕНИЯ, ПОЖАРЫ, СМИ, ТЕРАКТЫ, ХИМКИНСКИЙ ЛЕС, ЮРИЙ ШЕВЧУК

ВЛАСТЬ, КУЛЬТУРА, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО, ТЕКСТ, РОССИЯ, СОЛЬ@OLOLO.RU

Текст: Вячеслав Раков
Иллюстрация: Андрей Носков

Не забуду это лето

Раньше пели: «Горят-горят пожары – всю неделюшку». О московских пожарах 1812 года. Нынешним – те явно не ровня. У этих – эпический размах. Но кого сейчас интересует эпос? Что-то с памятью нашей стало: вместо прежней, эпической – эпизодическая.

Лето – личное время года и апофигей частной жизни. Обыкновенно оно «короче» остальных сезонов – не только для школьников и отдыхающих, но и, осмелюсь сказать, для тех, кто на службе и при исполнении. И они верят в то, что их отпуск выпадет на летнее время, и заранее им дорожат. А оно проходит прямо на глазах – до обидного быстро. Политика летом тоже уходит в отпуск или становится отдаленным, плохо различимым за пенным прибоем фоном летних отпусков. Поэтому лето, как правило, не только самое личное и быстрое, но и самое тихое время года. Отдыхает все, кроме флоры и фауны. Та цветет и размножается.

Но порой случаются проколы – и из маленькой личной жизни лето становится небольшим отрезком истории климата и всеобщей истории. Таким, кажется, стало минувшее лето, явно не пожелавшее быть паинькой – комфортной упаковкой человеческого досуга. Я попытаюсь оглянуться на него, еще не остывшее, и отыскать в нем нечто большее, чем приятную паузу в наших напряженных буднях.

Начну, пожалуй, с астрологии. То есть с шутки. Хотя на дне каждой хорошей шутки лежит своя собачья серьезность. Собственно, мы для того и шутим, чтобы не заплакать, глядя на упорно не желающую улыбаться жизнь. Итак, читаем астрологический прогноз: «2010 год запомнится многим как очень неспокойный год, переворачивающий судьбы людей самым кардинальным образом. Ничто не будет вам даваться легко в этом году. За все придется бороться и выкладываться по полной программе. Сильных людей этот год испытаний сделает еще крепче и выносливее. Слабые же люди рискуют сойти с дистанции». Дальше год делится на три периода, самый сложный из которых в прогнозе приходится на лето. «Остаться в стороне в этом бушующем шторме и сохранить незыблемым свой уклад смогут только очень выдержанные люди. Большинство же будут вовлечены в круговорот событий с часто непредсказуемым развитием».

Если поверить в то, что перед нами честный прогноз, составленный где-нибудь в самом начале года, то для прогноза это неплохо. С летом он угадал. Оно запомнится нам, прежде всего, погодой. Она была настроена a la militaire, то есть слегка апокалиптически. Огонь и вода просто сорвались с цепи. А введением в это природное неистовство стали вулканические извержения. Сначала проснулся и долго бухтел исландский вулкан Эйяфьятлайокудль (да...), что стало причиной закрытия некоторых европейских аэропортов и своего рода введением в лето 2010-го. Он заткнулся только 24 мая, но не прошло и трех дней, как в Латинской Америке начали извергаться уже два вулкана: Пакайя в Гватемале и Тунгурауа рядом с крупнейшим эквадорским городом Гуаякиль. А в самом конце лета в Индонезии на острове Суматра началось извержение спавшего 400 лет вулкана Синабунг. Из-за извержения 12 тысяч человек были вынуждены покинуть свои дома, расположенные поблизости от опасной горы. Эти извержения стали символическим эскортом этого лета.

А вслед за тем наступил черед жары и наводнений. Согласно сообщению телекомпании CNN, июнь 2010 года стал самым теплым за всю историю метеонаблюдений. Для европейской России самое пекло пришлось на июль и первую половину августа. Вероятно, впервые в мировой истории самым горячим местом планеты стала ее самая холодная часть, если не считать полюсов. Демонстративный сбой глобального климатического режима. Началось все с обычной долгой засухи, погубившей урожай, а продолжилось огненным нашествием. Раньше пели: «Горят-горят пожары – всю неделюшку». Это о московских пожарах 1812 года. Нынешним пожарам те явно не ровня. У этих просто эпический размах. Но кого сейчас интересует эпос? Разве что счесть эпическим произведением президентский указ о введении чрезвычайной ситуации в пяти центрально-российских областях и в республиках Мордовия и Марий Эл.

Сейчас все забывается очень быстро. Что-то с памятью нашей стало: вместо прежней, эпической – эпизодическая. Боюсь, что о пожарах мы будем помнить только благодаря их экономическому следу: поднявшимся на продукты питания ценам. Или же благодаря тревожному ожиданию следующего лета, которое, как предсказывают некоторые, обещает быть не менее жарким.

Теперь о прочем, в том числе о политике. Что мы можем здесь вспомнить? В первой половине июня произошли межэтнические столкновения на юге Киргизии. По более надежным – неофициальным данным – погибло свыше тысячи человек. Это следующее после апрельской революции извержение небольшого киргизского вулкана и, возможно, не последнее.

За рамки спорта обычно выходит значение мирового футбольного первенства. Победа в нем испанцев – нечто особенное. Вечные неудачники мировых финалов, загнанные футбольной судьбой куда-то на задворки счастья, испанцы отвоевали потерянные полвека назад территории славы, как некогда кастильские плоскогорья, совершив вторую в своей истории реконкисту, начавшуюся два года назад, когда они стали чемпионами Европы. Честь им и хвала. Они настоящие испанцы.

С пластилиновым народом можно не церемониться: власть его мнет и придает ему удобную для нее форму. Пока же мы не в шоколаде, а в пластилине.

А вот событие из разряда курьезов: в индонезийской провинции Папуа обнаружено ранее неизвестное племя. Это внушает надежду на то, что какие-то крохи со стола Великих географических открытий мы еще можем подобрать – если и не на суше, то хотя бы под водой. Так не хочется все знать.

Героем лета для многих и лично для меня стал Юрий Шевчук. Сейчас, вероятно, можно просто Юра. Как раз на рубеже весны и лета, 31 мая, он имел достопамятную беседу с российским премьером. Ее полную версию можно посмотреть и послушать в Интернете. Уже одно это оправдывает названную мобильную институцию. Шевчук не сказал ничего нового, но то, как он это не сказал, вызывает симпатию. Мы ведь не в Америке, где президент приносит извинения гражданину, пригласив его посидеть вместе за столом в Белом доме. В конце лета Шевчук вновь произвел маленькое извержение гражданской энергии, выступив на митинге-концерте в защиту Химкинского леса.

Протесты против прохождения автотрассы через этот лес стали самой заметной гражданской акцией минувшего лета. В итоге президент приостановил строительные работы в лесу. Урок: наша власть отвечает только на организованный гражданский протест. Иногда положительно, иногда – силой. Силой – когда чувствует, что за протестом нет массового недовольства. Если оно имеется, она начинает осторожничать: чувство опасности у нее обострено, как у любой власти и у любого хищника. В противном случае она не склонна замечать наши проблемы. Это правило давно пора зазубрить. И потихоньку выходить из пластилинового состояния. С пластилиновым народом можно не церемониться: власть его мнет и придает ему удобную для нее форму. Пока же мы не в шоколаде, а в пластилине.

Самым горячим (не в природно-климатическом смысле слова) регионом планеты остаются исламские страны Среднего Востока и наш Кавказ. Это область, где, не переставая, идет война. Теракт в уезде Аргандаб. Двойной теракт в Багдаде. Теракты в пакистанском городке Якка-Ганд. Беспорядки в Карачи. Крупнейшее в истории Пакистана наводнение. Теракт на Баксанской ГЭС.

Сильнейшие наводнения и аномальная жара не обошли этим летом и Европу. У многих на этой почве сдавали нервы. Не исключено, что и у 52-летнего таксиста из британского графства Камбрия, который 2 июня устроил стрельбу по людям, убив 12 и ранив 25 человек.

Прежде мы только догадывались, каким морем страдания мы окружены. Сейчас, благодаря СМИ, телевидению, Интернету и мобильным камерам, мы не только слышим об этом, но и видим это. Отсюда ощущение, что все происходит рядом и нас почти обдает взрывной волной очередного теракта. «Кругом войным-война» (Андрей Санников).

Огонь, вода и далее по вкусу – таков нынешний летний коктейль. Мы его, скорее, проглотили залпом, чем вытянули соломинкой. Так легче.

Вячеслав Раков

Пермь

Поэт, историк, культуролог

Текст: Борис Павлович
Иллюстрация: Андрей Носков

Не-провинциал в не-провинции

В Москве так и говорят: «поедем в экспедицию в Екатеринбург», – даже если речь идет исключительно о прогулках по центру города. Потому что если поездка в Анталию – это путешествие в чужую страну, то поездка в Екатеринбург – в чужой мир.

Я родился в Ленинграде и вырос в Петербурге. Когда Ленинград стал Петербургом, выяснилось, что это культурная столица России. Но в культурной столице очень скверная экология и никто не пускает в театр ставить спектакли, поэтому в один прекрасный момент я отправился жить и работать в Киров.

Елена Ковальская, редактор московской «Афиши», когда мы обсуждали совместный летний проект в Вятке, подметила, что если человек отправляется в Турцию, то это называется «турпоездка», а если на Урал – «экспедиция». В Москве так и говорят: «поедем в экспедицию в Екатеринбург», – даже если речь идет исключительно о прогулках по центру города. Потому что если поездка в Анталию – это путешествие в чужую страну, то поездка в Екатеринбург – в чужой мир.

Как это ни удивительно, обратно в Петербург меня не тянет. Скорее наоборот: интересно открывать новые пространства на восточном направлении. Ровно год назад я впервые оказался в Перми и обзавелся там прекрасными друзьями. Теперь вот пишу свои обрывки, сидя где-то на полпути из города, утомленного титулом культурной столицы, в город, на культурную столицу отчаянно претендующий.

Для начала надо определить, в чем экстремальность данных условий. В разбитых дорогах, разрушенной системе социального обеспечения, тотальной бедности населения? Нет, в самом феномене специфического статуса провинции. Провинция – это не периферия, это нечто онтологически иное. Давайте обратимся к истории вопроса. Своим появлением феномен провинции обязан Римской Империи. Поглощая чужие земли, государства, целые культуры, Империя лишала их центра – политического, экономического, культурного. Точнее, она навязывала им понятие о центре, которого во многих языческих сообществах просто не существовало. То есть жили себе эти образования тысячи лет без центра, а потом пришли римляне и сказали: теперь у вас есть центр, и он – там!

Итак, теперь центр этих культур, не важно, наличествовал он или нет до прихода Империи, перемещался в далекий и чуждый Рим. Михаил Эпштейн, размышляя о провинции, пишет, что провинция находится как бы не в себе, она чужая не кому-то или чему-то, а себе самой, поскольку ее собственный центр изъят из нее и перенесен в какое-то другое пространство или время. Таким образом, мы можем констатировать, что провинция – это глубоко увечный, требующий перманентной внутренней компенсации организм. С удивлением приходится слышать реплики о привилегированности русского провинциализма, якобы позволяющего сберечь (читай – законсервировать) особые духовные богатства. Да, жемчужины русского интеллектуального наследия возникли именно здесь, в провинции, но все-таки – благодаря или вопреки парадигме неизбывной провинциальности?

Жили себе эти образования тысячи лет без центра, а потом пришли римляне и сказали: теперь у вас есть центр, и он там!

Итак, мы говорим о провинции не как о пространственной аккредитации (черты явно провинциального мышления мы на каждом шагу встречаем в нареченных двух столицах – Москве и Петербурге), а как об особой внутренней установке на невозможность осознать себя целостным. Целостность разрушает невозможность соотнестись с собственным центром (где же он, центр?..) И, как следствие, – с собственными границами. «Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», – констатирует гоголевский городничий. Отсутствие центра вызывает и другие смысловые сдвиги. Киров ни на что не претендует, он всем своим существованием бытийно утверждает великий феномен – российскую провинцию. Жить в Кирове – значит, жить в экстремальных условиях российской провинции. Я решил сам для себя написать учебник выживания в этих условиях. Возможно, мои навыки окажутся полезными и для кого-то еще.

Этим объясняется особая ситуация бытования в русском космосе бескрайних просторов и в то же время душной толчеи, на что обращают внимание многие русские писатели и философы (кульминация этого противоречивого единства – в прозе Андрея Платонова). Вернее, дело не в отсутствии центра, а присутствии где-то «не здесь».

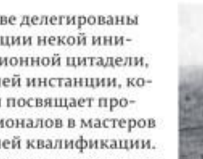
Многие молодые кировчане думают, что «не здесь» – это в Москве. Иллюзия! «Где ж лучше? – Где нас нет».

Провинциальная бытийная установка порождает свои уникальные мифы – скажем, миф о «предельной реализации». Практически каждого россиянина (и уж точно каждого кировчанина) уверили: чтобы ему состояться как профессионалу и как человеку, необходимы особые социальные условия.

Отсюда рождается миф номер один – «оставаясь в провинции, состояться на сто процентов нельзя». Вряд ли среднестатистический кировчанин, покидающий малую родину в поисках лучшей доли, четко представляет, что ему необходимо для самореализации. Он знает лишь одно – «в Кирове ничего нет». А с этим трудно спорить. Если речь идет об особых условиях полноты бытия, то их тут нет. Обратная сторона этого же мифа – представление о том, что любое культурное явление состоялось лишь тогда, когда оно было признано и апробировано в Москве.

Миф номер два – «состояться на сто процентов можно лишь в Москве (Петербурге)». Москве делегированы функции некой инициационной цитадели, высшей инстанции, которая посвящает профессионалов в мастеров высшей квалификации. Особенно остро это ощущается в исполнительском искусстве: если ты не выступаешь в Москве, значит, с тобою что-то не так.

Что же остается нам, культуртрегерам провинции? Анамнез провинциальности вряд ли поможет избавиться от ее симптомов. Вывод один: надо быть не-провинциалом в не-провинции. Если провинциальность есть категория внепространственная, то это вполне возможно.

Борис Павлович

Санкт-Петербург–Киров

Театральный режиссер

Текст: Дмитрий Данилов
Иллюстрация: Андрей Носков

Друг человека

Как там Серега? Да вроде ничего. Как там Николай Степанович? Да вроде нормально. Как там Зинаида? Да ничего. Как там Михалыч? Михалыч умер. Да, а что, как, от чего? Рак. А. Да. Ну, давай.

Бывает, человек живет себе, живет и вдруг загрустит, затоскует, заскучает. Человеку скучно, он не знает, чем себя занять, и мается, мается. Может быть, человек потерял работу или у него работы вовсе не было, и вот ему нечего делать. Или, может быть, характер работы человека таков, что работа оставляет большие временные промежутки для скуки и маеты. Когда человек ходит каждый день на работу, у него обычно не остается времени для маеты, тоски и грусти, а у этого человека времени для тоски, скуки и маеты имеется с избытком, может быть, он вообще на пенсии или, наоборот, еще не достиг возраста, когда надо ходить каждый день на работу, или он, допустим, инвалид, или, может быть, у него имеются какие-то постоянные источники средств к существованию, может быть, он сдает квартиру или живет на проценты от огромного банковского вклада, или его обеспечивают богатые родственники, трудно сказать.

В общем, человеку грустно, скучно, и он мается.

В этой ситуации можно много чего сделать. Можно, например, пойти в кино или на футбол, или на соревнования по какому-нибудь другому виду спорта, встретиться с друзьями, совершить длительную пешую прогулку, почитать интересную книгу, поиграть в компьютерную игру, употребить психоактивные вещества, предаться какому-нибудь дурацкому хобби типа выпиливания, выжигания или вырезания, посмотреть телевизор. В общем, есть масса вариантов поведения в ситуации скуки и маеты. В данном случае человек выбирает четвертый из перечисленных вариантов – «встретиться с друзьями», вернее, не во множественном, а в единственном числе – «встретиться с другом». Или еще можно сказать – «навестить друга».

Да, навестить друга. Навестить друга. Навестить друга.

Человек заранее знает, что эта встреча не будет приятным, веселым развлечением, встреча с другом не развлечет его и не будет особо интересной, человек вообще не ожидает от встречи с другом ничего особенного, вряд ли она развеет скуку и маету, а, может быть, даже и усугубит, но надо ведь что-то делать, надо ведь хоть что-нибудь делать. Надо навестить друга.

Друг человека живет не то что бы очень далеко, но и не близко. До него не дойдешь пешком и не доедешь на метро или на другом городском общественном транспорте. До друга надо ехать на другом транспорте, общественном, но не городском.

Человек видит синие поезда метро, стоящие на путях депо «Выхино». Человек видит надписи «Толерантность — это болезнь» и «Люберцы — русский город».

Человек встает рано утром, выходит из дома, едет на станцию Выхино, покупает билет до станции Голутвин за 170 с чем-то рублей, некоторое время ждет на платформе среди жиденькой толпы утренних пассажиров, подходит электричка Москва – Голутвин, человек занимает место у окна, электричка трогается, а человек смотрит в окно.

Человек смотрит на проплывающие мимо объекты скользящим, рассеянным взглядом, но ему все-таки удается довольно многое увидеть.

Человек видит синие поезда метро, стоящие на путях депо «Выхино».

Человек видит высокие коричневые дома района Жулебино рядом с платформой Косино.

Человек видит надписи «Толерантность – это болезнь» и «Люберцы – русский город» на бетонной стене гаражного комплекса на подъезде к Люберцам.

Человек видит сосны у станций Малаховка, Удельная, Быково.

Человек видит старые дачи среди сосен у станций Ильинская, Отдых, Кратово.

Человек видит огромную разноцветную бабочку, нарисованную на торце девятиэтажного дома в Раменском.

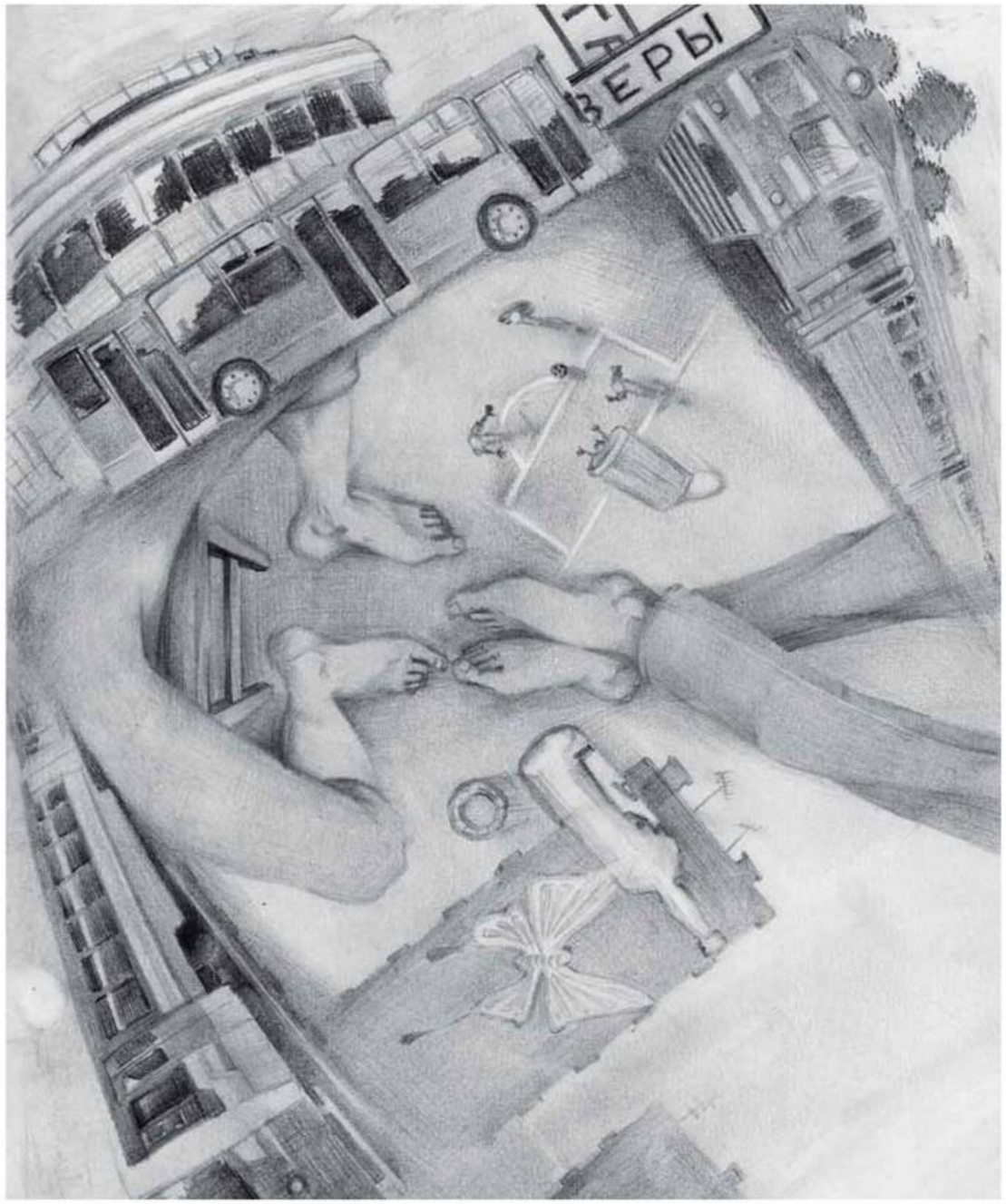
Человек видит разбитую, искореженную, но при этом относительно новую электричку в депо рядом с платформой 47-й км.

Рано утром, в Выхино, было пасмурно и накрапывал дождь, а сейчас, что называется, распогодилось, человек видит утреннее высокое голубое небо, сосны, просторные поля около платформы Совхоз, и ему становится не то что бы хорошо, но как-то немного полегче.

В другом конце вагона расположилась группа молодых людей в железнодорожной униформе – синие пиджаки, белые рубашки, синие галстуки, фуражки. Молодые люди в железнодорожной униформе шумят, гогочут, смеются. Один из железнодорожных молодых людей то и дело издает протяжный утробный вой.

В вагоне одновременно появляются две торговые женщины. Одна торговая женщина говорит: предлагаем вашему вниманию вот такие вот крючки для ваших тяжеленных сумок, а также иголки, нитки, красители. Другая торговая женщина говорит: пирожки.

И практически тут же в вагоне появляется юркий торговый мужчина с авторучками, авторучки, выкрикивает юркий торговый мужчина, авторучки, авторучки, пробежал, пробежал, убежал. ››

Человек видит страшноватый полуразрушенный красный кирпичный дом на подъезде к станции Бронницы.

Человек видит скопление белых маршруток у станции Бронницы. Станция Бронницы располагается довольно далеко от города Бронницы, километрах в двенадцати, за Москвой-рекой, и эти белые маршрутки доставляют пассажиров от Бронниц до станции Бронницы и обратно.

Человек видит маленькую зеленую будочку с надписью «Переезд 58».

Человек видит скопление странных гаражей у платформы Белоозерский. Маленькие приземистые гаражи стоят не вплотную друг к другу, как подавляющее большинство гаражей на территории Российской Федерации, а отдельно, хотя и рядом. Перед дверью каждого гаража устроено несколько ступенек вниз, интересно, что там находится, в этих гаражах, каким, интересно, транспортным средствам требуются ступени, чтобы войти в гараж или выйти из него.

Человек видит живописные просторы, открывающиеся справа по ходу движения у станции Конобеево.

Проезжая платформу 88-й км, человек видит вдалеке гигантскую плосковерхую гору, частично землистого цвета, частично белоснежную.

Человек видит многочисленные дымящие трубы химического производства в районе станции Воскресенск. Можно предположить, что частичная белоснежность огромной плосковерхой горы в районе 88-й км как-то связана с химическим производством в районе станции Воскресенск.

Человек видит у станции Пески небольшой водоем, полностью заросший какой-то ярко-зеленой гадостью.

Человек видит маленькую деревянную церковь у платформы Конев бор.

Человек видит вдалеке церкви и домики старой части Коломны.

Человек видит ярко-зеленый трамвай на трамвайном круге у платформы Коломна.

Навстречу человеку идет мужчина с разбитым в кровь лицом. Он тянет за собой тележку, на которой лежит большой белый мешок.

Электричка вместе с находящимся внутри нее человеком прибывает на станцию Голутвин.

Человек покидает электричку, по пешеходному мосту переходит на другую платформу, а потом на третью, она так и называется – платформа № 3, совсем коротенькая. У платформы № 3 стоит небольшой красивый современный дизель-поезд из трех вагонов, чем-то отдаленно напоминающий скоростной поезд «Сапсан». Этот дизель-поезд ходит по маршруту Голутвин – Озеры, по боковой ветке, ответвляющейся от основной магистрали Рязанского направления.

Человек входит в средний вагон дизель-поезда и занимает место у окна.

В вагоне удобные мягкие кресла, над дверями – световые табло. Комфорт.

Пассажиров немного. Преобладают люди среднего и старшего возраста. На соседнем сиденье сидит мужичок-грибник в резиновых сапогах и с ведром. Кажется, в вагоне присутствуют и другие грибники.

Дизель-поезд коротко свистит и начинает очень медленное движение вдоль окраины Коломны. Человек смотрит в окно.

Человек видит трамвайные пути, вдоль которых идет поезд.

Человек видит двухэтажные окраинные домики Коломны.

Слева по ходу движения протекает Ока. Ее не видно за деревьями и домами, но ее присутствие ощущается.

Остановочный пункт Бачманово. В дизель-поезд погрузилось неожиданно много людей. Преобладают люди среднего и пожилого возраста, преобладают грибники.

Одна пожилая женщина рассказывает другой пожилой женщине: вчера здесь ехала, полвагона рабочих было, с завода, как они орали, как орали, ты, говорит, меня уважаешь, вот так они орали. Ужас, ужас, говорит вторая пожилая женщина первой пожилой женщине.

Человек видит огромные заводские корпуса. Возможно, оравшие рабочие работают именно на этом заводе или на каком-нибудь другом. В Коломне много заводов.

Остановочный пункт Сычево. Снова добавились люди. Вагон наполнен людьми.

Человек смотрит в окно и практически ничего не видит, кроме леса и иногда мелькающих среди леса следов человеческой деятельности.

Остановочный пункт Лысцовская. Из поезда вышли грибники, человек десять, и углубились в лес.

Человек видит сначала сплошной лес, а потом несколько домиков вокруг остановочного пункта Семеновский.

Человек видит большую пустую площадку, на которой раньше, судя по всему, располагался завод или склад. На земле видны следы кирпичного фундамента, и повсюду навалены кучки отсыревших деревянных поддонов.

Одна пожилая женщина говорит другой пожилой женщине: вон, смотри, все растащили, до кирпичика, одни поддоны остались. Да, да, говорит вторая пожилая женщина первой пожилой женщине.

Человек видит лес, человек видит лес.

Веселый дядька-кондуктор проверяет билеты. Дядька-кондуктор вопросительно смотрит на человека, человек говорит: Озеры; дядька-кондуктор говорит: сорок девять пятьдесят; человек дает дядьке-кондуктору пятьдесят рублей, дядька-кондуктор дает человеку пятьдесят копеек и кусок бумаги с напечатанными и написанными от руки буквами и цифрами.

Человек видит остановочный пункт 18-й км, лес, домики. Опять выходят грибники.

Человек видит узкоколейку, выходящую из лесной чащи.

Человек видит остановочный пункт Карасево, лес, домики.

Человек видит остановочный пункт Кудрявцево, лес, домики. Дизель-поезд покидает большое количество пассажиров. Грибники удаляются в лес, а жители или посетители деревни Кудрявцево гурьбой бредут к деревне Кудрявцево.

Человек видит, что вокруг остановочного пункта Даниловская нет вообще ничего, кроме леса.

Человек видит разъезд 30-й км, лес, домики, руины кирпичного здания. Заросший травой железнодорожный путь уходит в лесную чащу. Пассажиров в поезде практически не осталось.

Дизель-поезд разгоняется и довольно долго несется сквозь сплошной лес без остановок. Человеку становится почти хорошо.

Человек видит сооружение, связанное с электричеством, кажется, это называется «подстанция».

Остановочный пункт 38-й км. Это уже окраина Озер.

На путях валяется какая-то белая порошкообразная гадость.

Дизель-поезд останавливается у зеленого деревянного вокзала.

Расстояние в 40 километров дизель-поезд преодолел за один час семнадцать минут.

До Озер можно было бы добраться гораздо более простым, человеческим способом – прямым автобусом от Выхино, но человеку почему-то нравится ездить именно так – сначала до Голутвина, а потом на этом медленном лесном дизель-поезде.

Человек покидает дизель-поезд и идет по тихой, почти безлюдной улице Фрунзе в сторону центра.

Навстречу человеку идет мужчина с разбитым в кровь лицом. Он тянет за собой тележку, на которой лежит большой белый мешок.

Человек проходит мимо здания районной администрации, пересекает Советскую площадь, идет по улице Ленина мимо старых деревянных домиков, брежневских девятиэтажек, торговых центров, автостанции, церкви в стиле классицизма.

Человек пересекает улицу Ленина, проходит мимо продовольственного магазина «Станем друзьями», сворачивает в 8-й Луговой переулок, подходит к серому пятиэтажному дому номер 4, входит в один из подъездов, поднимается на один из этажей, звонит в одну из квартир. Друг человека открывает дверь.

Можно было бы описать друга человека, его внешность, осанку, повадки. Например, написать, что у него залысина, или что он румян и бодр, или что он толстый или худой или низенький или двухметровый, и что цвет лица у него землистый и губы тонкие или толстые, и что одет он неопрятно, в треники и в майку, или, наоборот, аккуратен и ухожен, какая разница, есть у него залысина или нет или он вообще лысый и в трениках он или просто в трусах или в майке или в пиджаке, это совершенно неважно, у него, в общем, совершенно обычная внешность, как говорится, без особых примет, и описывать тут нечего.

Можно было бы еще описать обстановку в квартире, написать, насколько она запущенная, грязная и убогая или, наоборот, сияет чистотой, какая в квартире мебель и бытовая техника, какие книги стоят в книжном шкафу, да какая разница, какие книги, обычные книги, такие же, как и у всех, обычная квартира, самая обыкновенная хрущевская однушка, если уж так интересно, какова эта квартира, можно просто сесть поудобнее, расслабиться, закрыть глаза, сделать несколько глубоких вдохов и произнести про себя несколько раз: «однушка-хрущевка в старой серой пятиэтажке в городе Озеры Московской области по адресу 8-й Луговой переулок, дом 4», и все сразу станет понятно. Образ этой квартиры засияет в мозгу болезненным светом и останется в памяти навсегда, на всю жизнь, до самой смерти.

Человек и друг человека сидят в квартире друга человека, пьют крепкий алкогольный напиток и, в общем, разговаривают. Разговор их состоит по большей части из молчания и слов ну, давай, но и другие слова тоже время от времени произносятся.

Человек и друг человека обсуждают обстоятельства жизни друг друга. Ну как ты? Да ничего. А ты как? Да ничего. А с работой как? Да ничего, вроде.

Человек и друг человека обсуждают обстоятельства жизни общих знакомых. Как там Серега? Да вроде ничего. Как там Николай Степанович? Да вроде нормально. Как там Зинаида? Да ничего. Как там Михалыч? Михалыч умер. Да, а что, как, от чего? Рак. А. Да. Ну, давай.

Ну, давай. Ну, давай. Ну, давай.

Через некоторое время человек засыпает в кресле, а друг человека засыпает на табуретке.

Поперся в такую даль, потратил кучу времени, выпил почти литр водки. Вместо того чтобы. Казалось бы.

Спать, сидя на табуретке, не очень удобно, и друг человека заваливается на левый бок, падает с табуретки и продолжает спать на полу.

Друг человека трясет человека за плечо, человек просыпается, ночь, человек и друг человека идут в ночной магазин, покупают слабоалкогольный напиток и крепкий напиток, возвращаются в квартиру друга человека.

Выпивание, говорение. Разговор, если это можно назвать разговором, теперь идет о футболе.

«Локомотив»-то как с «Лозанной», а. Да. А «Зенит»-то как с «Осером», а. Да.

Кураньи-то как, а. Да. А Бухаров-то как, а. Да.

Семин-то как, а. Да. А Спалетти-то как, а. Да.

Бердыев! Бердыев! – восклицает вдруг, ни с того ни с сего, друг человека, поднимая пьяные глаза к потолку.

Бердыев – это да.

Человек опять засыпает в кресле, а друг человека, прежде чем упасть с табуретки, успевает добраться до дивана.

Поздним утром человек выходит из одного из подъездов дома номер 4 по 8-му Луговому переулку города Озеры, бредет по 8-му Луговому переулку мимо магазина «Станем друзьями», переходит улицу Ленина и добредает до автостанции. Здание автостанции – круглое, современное, серо-синее, красивое. Такие автостанции построили в первой половине нулевых годов во всех районных центрах Московской области по мудрому распоряжению областного руководства.

Человек покупает билет до Выхино. Обратно он решил поехать более естественным, простым путем. Человек испытывает легкое похмелье, хочется домой, и у него нет настроения ехать на дизель-поезде, мимо лесов и крошечных остановочных пунктов ветки Озеры – Голутвин.

Человек занимает место в автобусе у окна согласно купленному билету и моментально, еще до отправления, засыпает, потом ненадолго просыпается, когда автобус проезжает высокую красивую церковь в Бронницах, и снова засыпает, и окончательно просыпается уже на подъезде к Выхино, когда автобус сворачивает с МКАД на Рязанку.

Человек выходит из автобуса, проходит по подземному переходу под путями метро и железной дороги, садится в другой автобус и возвращается домой.

Человек стоит у окна и смотрит в открытое окно на почти уже совсем темное небо и виднеющиеся вдали дома и огни города Люберцы. Если бы он курил, то он бы непременно курил бы сейчас, как это обычно делают курящие люди в задумчивости. Но человек не курит, поэтому он не курит, а просто смотрит в открытое окно.

Человек смотрит на небо и на Люберцы и глуповато улыбается. Хотя, казалось бы, чего улыбаться-то. Поперся в такую даль, потратил кучу времени, выпил почти литр водки, и вообще. Вместо того чтобы. Казалось бы.

Человек вспоминает дачи и сосны Малаховки, странные гаражи Белоозерского, просторные поля в Конобеево, дизель-поезд, похожий на «Сапсан» в миниатюре, маленькие остановочные пункты среди лесов и глуповато улыбается.

Продолжая глуповато улыбаться, человек закрывает окно, гасит свет в кухне, идет в комнату, ложится в постель и засыпает так называемым сном невинного младенца с блаженной глуповатой улыбкой на лице.

Текст написан специально для «Журнала Соль»

Дмитрий Данилов

Москва

Прозаик, журналист

Текст: Андрей Левкин
Иллюстрация: Андрей Носков

Упорядочить память!

Ликвидировать комиссию по фальсификации истории, чтобы не мельтешила и не вселяла иллюзий в некрепкие умы – какая история, когда никто ничего не помнит? Сделать обновляемый проект, который производил бы справочники для вспоминающих былое.

Я прочитал общественно-политическую книгу. В ее заголовке главным было слово «семидесятые» (я тут приблизительно, чтобы не наводить точно на автора: вдруг он обидится, а это не о том, не в книге вообще дело). Просто в 1970-е я функционировал уже вменяемо, почему бы не сверить ощущения.

Увы, автор оказался 1965 года рождения, так что даже к концу 1970-х ему было всего-то пятнадцать, отчего даже непонятно, зачем он вообще взялся за это время. Ну, может, заказ. Или вся его жизнь так и была определена этими годами, то есть детством и отрочеством. Ему виднее.

Другое дело, что на ощущениях детства и отрочества целую книгу не напишешь: когда не про себя, а про время. Ему пришлось привлекать опыт родителей и старшего брата, отчего в книге возникли линии жизни номенклатуры среднего (или выше среднего уровня) – по отцовской линии и еврейских родственников по материнской. Отсюда темы продуктовых пайков, госпансионатов и регулярного проведения лета в Прибалтике. Что, в целом, имеет не слишком много отношения к описанию семидесятых. Они тут получатся несколько маргинальные.

Но даже и не в этом дело, а в том, как собираются всякие приметы десятилетия. Их там – что ли, потому что жизнь автора была несколько отдельной – довольно мало. Несколько раз появляется хоккейная клюшка с плоским крюком, лыжные прогулки. Все это мило, но это ж не мемуары, а о времени. Мало зацепок, короче.

Явно ощущая, что продукт получается – даже привлекая родственников – не очень толстым, в ход идут уже и вовсе странные истории. Типа перевода на русский слов над воротами Шереметьевского дома, того самого deus, который консервирует omni с неизбежной далее А. А. Ахматовой и ее отношениям с государством, что вроде бы ни с какой стороны не относится ни к автору, ни к семидесятым. А далее есть даже телефонный разговор Пастернака со Сталиным по поводу Мандельштама. Ну и все что между этими временами, да и вообще все подряд. Может, это автор демонстрировал, какие пласты исторической памяти были востребованы им в 1970-е, кто ж знает. Но вряд ли все же.

Наконец, он снова вспоминает про 1970-е, пересказывает содержание некоторых повестей Трифонова и сообщает, что там и есть вся правда про эти годы. Но опять же о каком тут свидетельстве современника может идти речь, когда данный очевидец вступил в этот исторический период пятилетним? Но здесь не рецензия, я просто поясняю, в чем проблема.

Вот в чем: есть семидесятые или другое десятилетие. А никакой, скажем, понятной карты этих лет – нет. Перед каждым, кто хочет сказать об этом недавнем прошлом, – чисто болото памяти. Он и бредет по нему, находя себе какие-то кочки. А была бы карта или мостки – ходили бы по ним, свободно предаваясь воспоминаниям и не заботясь о том, на какой следующий факт опереться. Но нет в обществе конкретного образа этого времени, и что тут делать частной памяти? Вообще, какой смысл бороться против фальсификации истории, когда она даже не регистрируется по ходу дела? Невозможно содержать историю страны, опираясь на отношения в каком-нибудь Политбюро.

Реальностью занимаются в частном порядке. В Сети есть всякие такие подборки: «Вы жили в семидесятые, если...» (в 1980-е, в 1990-е). Далее – список фраз, названий, ситуаций, цен, предметов, продуктов. Типа: «До сих пор вы вздрагиваете, если кто-то рядом произнесет писклявым голосом: «В эфире – пионерская зорька!» Или вполне социологическое наблюдение: «1980-е... Расцвет токсикомании – о толуоле еще никто не знает. Катят бензик, клей резиновый Б и лак НЦ». Но рядом снова: «Мама посылала вас в булочную за «калорийными булочками» по 9 коп.» или «Помню вкусные плюшки по 15 и 22 копейки (сейчас таких нет)» – что, в общем, не есть описание действительности.

Лучше «Зарница – военная игра пионэраф!:)», но и тут не понять суть дела, тем более – точно разместить историю во времени. Опять же «калорийные булочки» можно сказать, но что это означает для читателя? Кто в теме – тот вспомнит, но в том и проблема, что все вспоминают, кто во что горазд, всякий раз заново, отчего никакой глубины и панорамы параметров. В итоге – не возникает базы, в которую каждый может грузить свои воспоминания, четко видя временную сетку. И валяется все это на разных сайтах, не сведено и, разумеется, профессионально не прокомментировано. Почему так?

Или другой, тоже сетевой вариант – сообщества в блогах. Единственное отличие от подборок в том, что тут предпочитают картинки. Это вроде отчетливее, поскольку имеются фотографии спичечных коробков, игрушек, троллейбусов и т. п. Не говоря уже о картинках изделия № 2 Баковской фабрики, которые маячат в Сети со времен изобретения Интернета.

Но фотография или картинка еще хуже, чем обрывок воспоминаний в словах. Картинка и есть картинка. Чаще нельзя понять, к какому времени она относится. Комментарии ничего не уточняют, они сводятся к «ах, я помню» или «ах, у меня тоже такое было». Время тут совсем утрачивается. Ну вот будет картинка мясорубки, и что? Какое десятилетие, мясорубка – это хорошо или плохо? Все эти дела происходят по одному шаблону, отвечающему какому-то минимальному осознанию – а шаблону все равно, с чем это осознание связано и какова его глубина. Под видом воспоминаний о каких-то годах репродуцируются даже не воспоминания, а эмоция – что в голову пришло, то и главное, чтобы сказать «ах!». В итоге то же резиновое изделие № 2 становится каким-то вневременным фетишем, вполне представляя собой сам вариант подобных исторических изысканий. Даже не изысканий, а попыток вспомнить себя.

Имеются фотографии спичечных коробков, игрушек, троллейбусов. Не говоря уже о картинках изделия № 2 Баковской фабрики. Но картинка еще хуже, чем обрывок воспоминаний в словах.

Откуда следует что? Ликвидировать комиссию по фальсификации истории, чтобы не мельтешила и не вселяла иллюзий в некрепкие умы – какая история, когда никто ничего не помнит? Сделать обновляемый проект, который производил бы справочники для вспоминающих былое. С четкими и отчетливыми позициями: что продавалось, как выглядело, что слушали и так далее. Вот бывают же на Западе списки чартов с невесть какого года. Так и тут, семидесятые: базовая корзина потребителя, музыка, кино, книжки, цены, продукты, запахи, транспорт и т. п. Чтобы все было затверженно как, у Швейка, там, где приводится эталонная судьба, не позволяющая служить в армии: «I. Отец – алкоголик. II. Мать – проститутка. III. Сестра (утопилась). IV. Сестра (поезд). V. Брат (с моста). VI. Дедушка – жену, керосин, поджог. VII. Бабушка (цыгане, спички) + и т. д.».

Так и здесь. Семидесятые: творожный сырок – 14 копеек, проезд на трамвае – 3 копейки, соки продают в стеклянных конусах, джинсов нет, по телевизору показывают «Спокойной ночи, малыши» и все это смотрят. Перерабатывая и дополняя документы.

В итоге воспоминания будут происходить на научной основе. Каждый новый желающий предоставить свою личную память в общественное пользование не будет повторять общие места. Подобные справочники можно отправлять в школы в качестве материалов по родной истории, улучшая по ходу дела взаимопонимание между родителями и детьми.

А потом, в ходе успешной работы в рамках этого проекта, дело дойдет и до фиксации нынешнего дня. Тут-то наконец общество и сойдется с реальностью. ◘

Андрей Левкин

Рига – Москва

Литератор, главный редактор «Полит.ру»

Текст: Иван Козлов

Россия и мир в августе 2010-го

Лес сгорел, клоуны разбежались

Лесные пожары утихают — идет волна скандалов и отставок должностных лиц.

«Повод проехаться»

Художник Анатолий Осмоловский наконец-то открывает карты и рассказывает, зачем катался в молодежный лагерь на озере Селигер. «В то время была жуткая жара в Москве. И поездка была поводом проехаться 300 километров на большой скорости под кондиционером».

Экологически вредные люди

В США копы убили экотеррориста Джеймса Ли, который взял заложников в здании телеканала Discovery. После себя он оставил объемный манифест. «Все программы на канале Discovery Health-TLC должны перестать поощрять рождение новых паразитических человеческих младенцев и прекратить героизировать этот процесс».

Русские легавые

Российское правительство предлагает переименовать «милицию» в «полицию». Рунет сплоченно вступается за ментов: зря, что ли, Пригов про «милицанера» писал?

Кадыров. Просто Кадыров

Глава Чеченской Республики больше не хочет называться «президентом». Он считает, что в России должен быть только один президент — нескольких она, вероятно, не выдержит. «Я готов принять любой термин, обозначающий должность главы субъекта, кроме названия «президент». Отныне Кадыров — «глава республики».

Без Кремля в голове

Валерий Кубарев, считающий себя потомком династии Рюриковичей, растревожил общественность, заявив о своих претензиях на Московский Кремль. «Мы-то живы и свои подвиги не делегировали современной власти. Пусть придумывают свои гербы и строят свои дворцы и не пользуются нашими».

Химки не дались

Не зря активисты строили противотанковых ежей и грудью защищали дерева от вандалов. После обращения, поступившего от «Единой России», президент Дмитрий Медведев приостановил строительство трассы, проходящей через Химкинский лес.

«Я Боно, музыкант»

Легендарная группа U2 дает в Москве концерт, причем одну из песен солист Боно исполняет вместе с Юрием Шевчуком — умом, честью и совестью российской интеллигенции.

«Путин доездился»

Резко падает рейтинг властного тандема. Ситуацию комментирует политолог Станислав Белковский: «Публичное избиение Анатолия Борисовича Чубайса на лобном месте, которое выполнял бы Владимир Владимирович Путин в костюме палача, освежило бы его образ».

Ликвидация Триумфальной

Власти Москвы решают проблему несанкционированных оппозиционных митингов радикально — Триумфальная площадь закрыта на время строительства подземной парковки.

Текст: Любовь Мульменко при участии Елизаветы Чукреевой, Ивана Колпакова
Фотограф: Ольга Сорокина

Жизнь ради бабок

Очевидно, что наиболее знающие, вдумчивые, обстоятельные и подкованные эксперты в России – это бабушки. Ежедневно по всей стране в городах и селах, в очередях и на лавочках у подъездов, в местных отделениях Сбербанка и поликлиниках созывают они импровизированные конференции и симпозиумы, посвященные горячей повестке дня. И судят о событиях в стране гораздо жестче и беспристрастнее, чем любая оппозиционная пресса – или, скажем, «Журнал Соль».

На стороне бабушек – еще и сама бабушка-история. Только старушки всерьез помнят, что творилось в России последние лет семьдесят, они обладают невероятным по объему и продолжительности мониторингом СМИ; у них, в конце концов, развитое чувство справедливости, помноженное на кротость.

По просьбе «Журнала Соль» бабушки, распевая частушки собственного сочинения, цитируя Жириновского и признаваясь в любви сериалу «Ефросинья», нарисовали внятный портрет эпохи, в которой мы живем.

Тамара Афанасьевна, 80 лет

Ниче никто не наблюдает

Москва как Новая деревня. Квазиколбаса против мяса. Шелковьё вместо веселья.

А хорошего ничего не видно. Хорошего нам не подают и не дают. За ценами никто не следит. Ниче никто не наблюдает. Лекарства мы щас должны получать хорошие, а нам дают только самую... Как выразиться, не знаю.

По телевизору – там «пухпах»! Муж смотрит, а я нет.

Вот детское, мультики – это я могу. «Играй гармо-о-онь...» В неделю раз. Ну новости, «Вести», а больше ниче мне не надо. Я и так ночью-то плохо сплю.

Газеты. Когда картинки посмотрю, когда заглавие прочитаю. Мелочь не вижу. 81-й год, че хочете? В феврале будет 81, доживу если. Неохота уже жить-то. Так хоть бы маленько за продуктами следили! Продукты какие ни поешь, живот надуешь, а тебе ниче нет такого. Нигде ведь продуктов-то не стало. Как еще Жириновский говорил, когда по телевизеру показывали, понюхал колбасу и говорит: «Мой нос не обманешь! Там капли мяса нет!» В другой раз выступал он: я, говорит, на анализ унес, так, помоему, получилося – там нет колбасы-то.

Я и в Москве не раз бывала. Мне не нравится Москва. Там домА. У нас еще пореже наставлены, а там рядышком дома. Продохнуть нечем. Машин много там – господи! Там и людей много. Я вон с мужем приезжала, прошло уже 32 года. Я говорю: «Виктор! А че это мы вроде в Москве?» – «А ты где думала?» А мне кажется, мы как у себя, в Перми. Женщина шла-шла, захотела, загнула – пьяну-у-ущая! – падат и сикат. В Москве! Ну-у я приехала в Пермь – я хохотала, всем рассказывала. А она за дерево держится, а не держаться – так упала б. Чуть со смеху не умерла. Хуже нашей Новой деревни (тут деревня, как числилась, под горой-то).

Никто не заходил! А нынче оставьте-ка. *(Страшным голосом)* Железная дверь, решетки на окнах. *(Торжествующе)* А воры все равно ходят!

Раньше я и пела, и частушек много сама составляла. *(Поет)* «А мы с миленочком на мельнице мололи толокно, у миленочка-пожарного штаны уволокло» (*хохочет*). Я всяких

Женщина шла-шла, захотела, загнула — пьяну-у-ущая! — падат и сикат. В Москве! Ну-у я приехала в Пермь — я хохотала, всем рассказывала.

Правнучка у нас уже есть, семь лет с половиной, нынче в школу пойдет. Да дети всегда дети. Я двоих своих вырастила: сына, дочь. Ну и дочь родила у меня – так мы рОстили внука нашего. Да вроде они у меня росли тоже умными, потом, конечно, стали и курить, и пить, а внуку вот 30 лет нынче.

Любовь... Нынче, мне кажется, уже нету. Нынче уже сами себя не любим, не то чтобы другого. Вот по числам я скажу. Вот мне 80 лет, я жила, родилась в деревне... Мне кажется, раньше у нас вот и в деревне люди были проще. Друг с другом поговорят, поделятся. И! Мы как закрывалися: двери закрыты, палочку так поставил, чтобы вид как бы был: хоть чужой, хоть свой пришел деревенский, хоть из чужой деревни – ой, дома никого нет.

знаю. *(Кокетливо)* Хороших и плохих. Со мной если вечером посидеть, погулять – дак всего бы наслушались. Я бой-баба была и девка такая же. Если я на вечерку не приду, так придут ко мне домой и говорят: «Степанида Антоновна, вы чего Тамару не отпустили?» – «Да я ее когда держу!» «Ты че не пошла?» А я говорю: дак че, не захотела, да и не пошла. А придут – так ведь не оставят, уволокут. А сейчас... Че такие годы-то – неинтересно... *(Смеется)* А раньше и дни рождения в поселке, и все...

И носить-то вроде было нечего. Но наденешь платьишко – бегаешь, радуешься, ново пошито, все миленько, дышит. Веселье такое! А щас все шелковьё. Но вот хоть шелковьё, хоть не шелковьё – все равно веселья нет. ››

Тамара Афанасьевна – за любовь, веселье и качественную колбасу

Валентина Георгиевна, 73 года

Кто кого общупает, кто кого раздевает

Курение и секс назло режиму. Собачка Даша для здоровья. Футбол – отменить.

Я сама городская *(не без гордости)*. Родилась в Кунгуре.

Мне вот пенсии хватало 120 рублей. И на книжку складывала, и на курорт могла съездить. А сейчас мне мои десять тысяч... Ну у меня там прибавили три тыщи... И мне не хватат. Я получила седня, че, четыре тыщи за квартиру отдала. Ну ладно еще две тыщи *(пауза)* на гроб себе полОжила. Кто-то же меня похоронить должен *(нервно смеется)*.

У меня три внука. Одному 22, второму 17, третьему семь. Точно такие же, как и мы были. Просто они бойкие. Раньше тоже бойкие были, но не такие. Но это не хорошо и не плохо.

Реклама, реклама, какие-то... Посмотришь и не поймешь – че к чему? Смотреть нечего. Только новости я смотрю. Вторую программу свою. Первую, вторую. С миром все хуже и хуже – вот че происходит. С Землей-то становится. Щас пожары-то вот считайте, наводнения – все дорого будет. Наших денег уже не хватит. Я голод перенесла в войну. Сейчас не хочу.

Иностранцы мне все одно. Мне что китайцы, что американцы – какая разница. Лишь бы войны не было, и все. И голода.

В другую страну я бы никуда не поехала.

Я не знаю, кому там мешала Советская власть. Мне не мешала. У меня отец в этой организации работал.

Да и сейчас то же самое! Друг друга убивают! Так же получается. Кто как хочет, так и живет. Щас детям-то нечем заняться! Посмотришь: где-то секс, там кака-то любовь да че. Раньше у нас как-то и танцы были, какие-то... собирались, где-то что, но пьянств таких не было, как сейчас эти наркоманы. Раньше если не девка, значит, на нее никто не смотрит! Она уже не нужна! А сейчас смотрят, чтобы была уже пройдоха хорошая. Всех прошла. Скоро школу откроют с ремонта, так здесь вообще безобразие будет. Кто кого общупает, кто кого раздевает. Есть девочка одна вот тут, с парнем приходит, так парень ее отталкивает, а она вешается на него, вот прямо на голову вешается. У нас здесь учительница живет Маргарита Иванна, она позорит – так та все равно. Назло! Курит.

Раньше у нас как-то и танцы были, какие-то... собирались, где-то что, но пьянств таких не было, как сейчас эти наркоманы.

Я футбол не люблю, у меня дети смотрят. Мне наплевать это, когда сборная России выигрывает. У меня муж любил хоккей. Смотрели они ночами раньше, сейчас внук смотрит, зять, умер недавно, – смотрел. А мне уже в девять часов надо спать. Все, я устала, у меня ноги болят, хоть на стенки вешайся.

Лишь бы пенсия была и лекарства. Или хоть говорили бы, что лекарства нет. А то три часа простоишь – а его и нет! В другую аптеку придешь – а там то же самое. К врачам придешь, а они на нас: «Да что вы хотите, вы уже ста-а-аренькие, да вот то-то, то-то». Никакой помощи. Раньше разговаривали по-нормальному, а сейчас если не заплОтишь – так кто с тобой разговаривать будет?

Но в другую страну не поеду, нет, своей хватат. Свое так свое. Привычка, конечно. Кому-то куда-то ехать надо беспрестанно, а я уже в 73 года куда поеду.

Собачке моей полтора. Молоденькая. Мне зять ее взял. У тебя, говорит, ноги больные – ты будешь лежать. А с ней ты хоть немножко будешь ползать. Даша зовут. Бегает, играет. Дашенька. ››

Валентина Георгиевна жизнью в России не довольна по всем статьям, но эвакуироваться не хочет

Мария Михайловна, 80 лет

Там топит – здесь горит

Индейцы майами – предвестники Апокалипсиса. Молодой Малахов лучше старого. Библия больше комсомола.

Четыре класса – мое образование. Нашу деревню затопило. Камской ГЭС. В 57-м. Я уже замужем была.

Четыре класса закончила, потом в колхозе работала. Лошадей гоняли на молотилке. Молотили когда. Снопы возила. Коров пасла ходила. Отец умер... Ну, пил, ямщиком работал, время было дореволюционное.

В городе я живу с 44 года. Убежала из колхоза. Стали отправлять на лесозаготовки. Я щас-то полтора метра, а тогда была ребенок.

В 51 году я вышла замуж за военного. Муж у меня был воронежский. 27 лет мотались по белу свету. Челябинская область, потом Ижевск пять лет, Удмуртия, Амурская область, город Владивосток, оттуда в Совгавань, прожили три года, потом перевели его в Уссурийск, из Уссурийска в Приморский край, а оттуда нас отправили в Германию. За все 27 лет нашей жизни военной, пять лет, можно сказать, – сказка. Мы уехали когда из Смолянинова, хлеб с горохом был. А туда приехали, в Германию, а там в витринах ну как у нас сейчас. Окорока висят, гуси, утки! Рыба свежая. Какую тебе надо, такую и дадут.

В 73 году 3 января сюда приехали в этот дом. Его демобилизовали и квартиру дали. А потом он умер в 78 году. В марте умер, а в июле ему был бы 51 год. *(Очень тихо)* Рак. Может, на нервной почве. Переживал очень. За солдат стоял, переживал. Очень плохо кормили. После войны. Мороженой капустой.

По телевизору «Ефросинью» смотрю. Кино «Ефросинья». Сериал. О девушке. Там мужчина с женщиной.

Живу одна теперь. По телевизору «Ефросинью» смотрю. Кино «Ефросинья». Сериал. О девушке. Там мужчина с женщиной. Дед охранником, что ли, работал, а она была из богатой семьи, жена этого деда, и вот они убежали, из тюрьмы-то. Ушли они в тайгу, построили дом. А девочка эта, значит, Ефросинья. Мужчина был геолого-разведчик, что ли. Эта Ефросинья была его дочь, и с женой они полетели куда-то на самолете, и самолет упал в болото. И эту девочку совсем маленькую эти старики подобрали. И она у них там за дочь росла. Она уже большая, ей 20 лет сейчас.

Еще смотрю... «Давай поженимся». Потом этот... Малахов ведет. Молодой. Того старого редко смотрю. И смотрю сейчас «Дыши со мной». Тоже сериал. Русский. Хороший фильм про нашу жизнь. Показано, молодые как живут сейчас. Как влюбляются, как... гуляют. Там Рудова, знаете? Макарский играет. Такие артисты-то. Хорошие. Поменялись женами. Один гулял, значит, потом бросил жену – и к другой. Вот это нынешняя жизнь. Большинство. Вот я познакомилась с ним с первым и все, он один-единственный. И дочь так же. Дочь вышла за военного. Артиллерист. Два инсульта, внук ночевал возле него на стуле. Парализовало. Три года уже не вставал. Одиннадцать лет прошло.

Одной скучно. Была бы сестра у меня. Вот внуки иногда. Все для детей. Сегодня будут вон 12-й год показывать. Посмотреть придется. «2012». То, что какие-то майи предсказывают, что конец света будет. Просто интересно. Уже не раз передавали, что конец света будет. А я вот так и думаю, что будет конец света. А думаю потому, что там топит – здесь горит. Этого ж не бывало никогда так. Ну там в Европе это, топило, дожди были. А у нас посмотрите нынче, какие пожары. Вот я и хочу посмотреть, что они предсказывают, эти майами.

Но я в Бога верю. Как теперь не верить? Старуха. А раньше запрещали, муж коммунист был. Я комсомолка была. Дети были некрещеные. А теперь крестились вместе с дочерью. У меня есть иконка. А дочь купила... книгу. Как?.. Библию. Ее. ››

Мария Михайловна помнит свою жизнь наизусть с датами и явочными пунктами – могла бы нарисовать карту

Людмила Николаевна, 86 лет

Бог и сейчас нужен

Колосись, гречиха. Стройся, землянка в Сибири. Ловись, рыбка большая и маленькая.

Что-то я забыла девяностые. Мне тогда 65 было. А сейчас 87-й. Я в саду работала и, помоему, в охране. Только помню, что Ельцин встал на место Горбачева, на место Ельцина Путин, а от него мне все письма приходили. Все начальство городское мне письма посылало.

Старею и старею. Когда работала на ТЭЦ – самое лучшее время было, ни о чем не думала, еще не на пенсии была.

Замужем дважды была, детей рожала, две дочки, сыновей нет. Первый мужчина на военном складе работал. Мы в общежитии жили, там и познакомились. Я еще первую папироску зажгла при нем, он по губам как даст – и сжег губы. Я говорю: «Как целоваться-то будем?» *(Хихикает)* «Ничего, подождем, заживет». Вот я ему спасибо говорю до смерти. У него, видимо, жена была, потому не поженились. И уехал в Краснодарский, что ли, край. Доченька у меня осталась.

А вторая уже не любовь была. Поженились мы с ним, зарегистрировались, вторую дочку родила, и жили долго. И развелись, лет 13 младшей дочери было.

А потом Федя был. С ним 20 лет почти прожили. Умер от старости. У младшей дочери тоже муж умер, вместе с ней теперь живем.

(Дочь с соседнего кресла). Раньше нам что говорили – до 18 половой жизнью не заниматься. Вот в 18 замуж и выходили. А если бы жили – познали бы друг друга, разбежались. Другого бы нашла. Потому что человека можно узнать, мужчину, по крайней мере, – по поведению, когда напьется. А не такое, что жили-жили, вот напился, и все, поросенок пошел гулять.

Раньше есть нечего было – колосья собирали на поле в ведерко. Однажды председатель колхоза пришел, напинал, колосья вывалил. Но я там сидела, отдыхала сколько-то, нашелушила, зерна в карманы натолкала.

Мы в общежитии жили, там и познакомились. Я еще первую папироску зажгла при нем, он по губам как даст — и сжег губы.

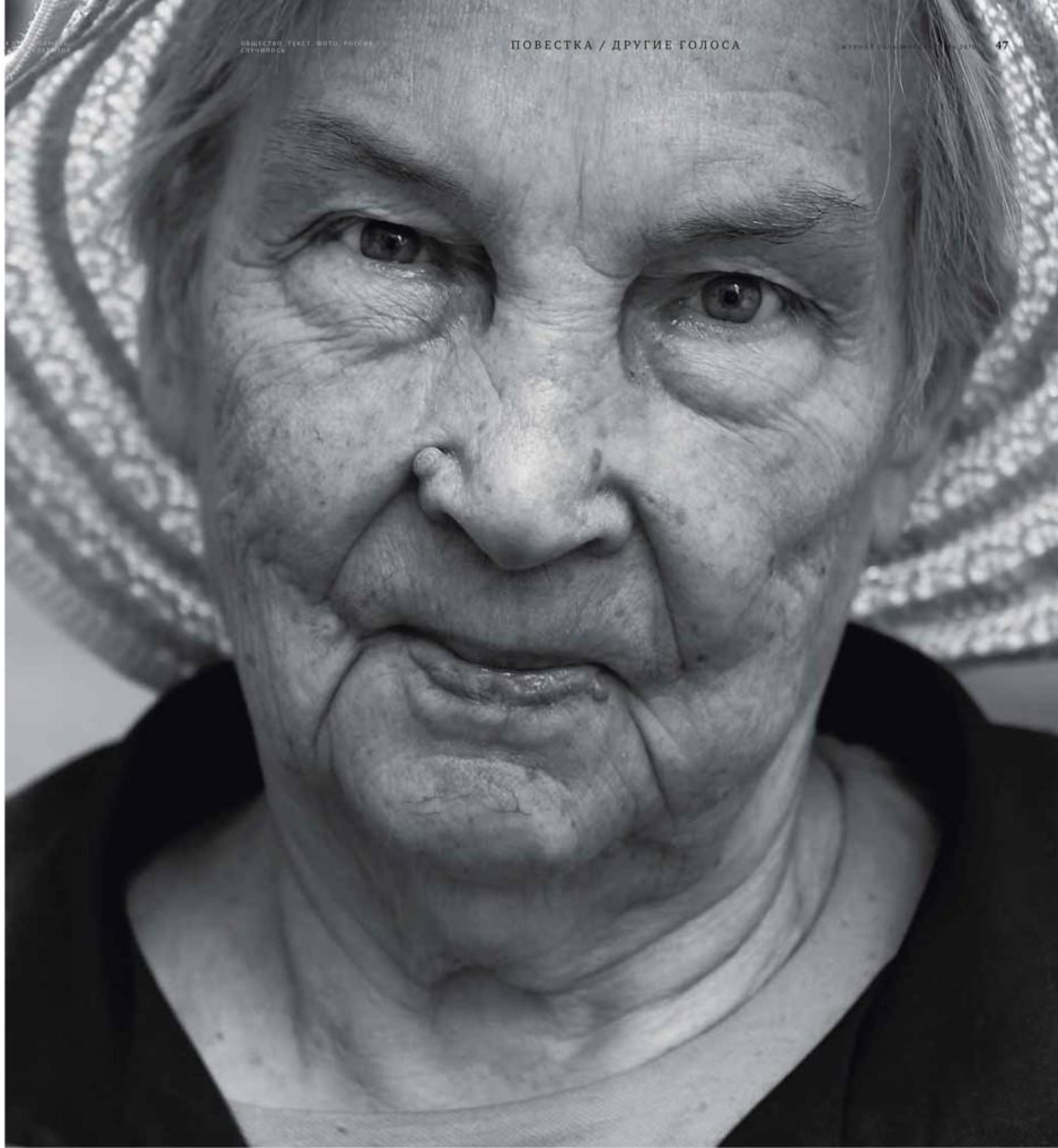
Как-то к родственнице в Сибирь ездили – километров на 70 степь, идешь и домов не видно. Жили в землянке. Я сама землянку строила: пол земляной, только одна стена деревянная, все остальное тоже земляное. Зимой в холодину пни пилили. Прожили года два, наверное, и поехали обратно в деревню за Верещагино. Пиканы ломали, ели. Траву ломали, ели. Голод был. Гречиху раз собрали осенью под снегом, высушили на печи, натолкли, намололи, поели и обезножились. Все полегли. Какая-то затхлая была, видимо. Потом ниче, прошло. Ходили с братом, просили милостинку. Приходим, просим. «Вы, – говорит, – вчера были уже». «А мы, – говорим, – сегодня есть захотели». Кто картошку давал. Очень бедно жили.

Сейчас все есть. Хозяйка кухни. Были бы денежки.

Еще рыбочку ловить умею маленькую. Два или три года назад только бросила. Ездили на природу, если ничего не поймаю, хоть с удочкой посижу, душу отведу. Как-то ездила к сестре в деревню. Червячочков накопаю с вечера, утром удочки беру и иду. Это моя любимая работа – дед учил рыбачить. Дети удочки выкинуть хотят, да я ни за что не даю. Может, еще пойду как-нибудь.

Я крещеная, ложусь спать – про себя молюсь. В церковь сейчас не хожу – ехать надо. Боюсь далеко из дому ходить. Хожу с палочкой сейчас. Шатает меня. Но Бог и сейчас нужен, верят в него. Нынче засуха была, так молебны служили – просили Бога, чтобы дождик дал.

››

Людмила Николаевна о последних двадцати годах помнит только то, что после Горбачева стал Ельцин, а после Ельцина – Путин

Галина Александровна к положению дел на свете предлагает относиться без ханжества

Галина Александровна, 61 год

Голубых называли «жопниками»

Защитим шапку от вора. Поймем однополую любовь. Оставим порно молодым.

Году в 91-м я на заводе работала. Тогда еще норковых шапок не было, все одевались стандартно – что в магазинах было. И пошли разговоры, что шапки снимают. А мы на заводе в четыре смены работали, третья в полвторого заканчивалась. Криминал сейчас расскажу. Схожу с автобуса ночью полвторого. И на меня недалеко от дома мужчина прыгнул, развернул. Я его не слышала – мороз был, еще сапоги скрипели. Думаю, ну все, только про шапки разговаривали. И моя – брыыыыысь – упала. Но ему не шапка нужна была, ему я нужна была. Молодой мужик. Потом, видимо, услышал, что другая партия с автобуса идет. Ушел. Я встала, кричу вслед: «Сволочь, сволочь!» Пришла домой, на шапку посмотрела – и только тогда меня начало трясти. И после этого начала бояться. А сейчас такого страха нет. То есть я в таком возрасте, что не хожу в это время.

Мне кажется, у каждого свой лучший возраст. По мне – в 20 лет самое хорошее. Я старшую дочь рано родила, в 20. И все. Ума-то не было. Тогда же и замуж вышла. А второй раз вышла в 27 лет. Ни в каком платье не выходила замуж. А во второй раз брала напрокат. Посчитала – зачем это нужно – платье. Правда, не мой размер маленько был – в грудях побольше. Ну ниче.

У меня раньше такая одежда была, что стыдно в ней ходить на свидание. Родители рабочие, материальное положение понятно какое. Поэтому я после девятого класса из школы ушла, пошла работать и в вечерку поступила. И с первой получки сразу купила себе то, что давно хотела: ботиночки модные узконосые. Обувь была made in Кунгур. А первый поцелуй у меня случился в 17 лет – я поехала на Юг. Мы не уединялись никуда – нас пятеро было из Перми. И познакомились с парнями-москвичами. Очень заносчивые попались. Сказали, представьте, что мы не умеем целоваться.

Я порно смотрела, что, не живой человек, что ли. У дочери старшей взяла кассету.

Я не думаю, что раньше и сейчас по-разному любили, просто разные ценности были. Хотя однополая любовь, конечно, неестественно. Но не осуждаю. Мне не хочется, чтобы мои близкие... но как уж выйдет. Если вдруг так случится, я не скажу «пошла вон». Просто так, видимо, природа распорядилась. Сейчас говорят, что это не зависит от человека. Но раньше за это в тюрьму сажали. Педерастами называли, какой-то срок давали. У меня лежит книга Бушкова «Бешеная», там девчонка молодая, милиционер, расследует дело о серийном маньяке. Как раз девяностые годы, у милиционеров даже выражения специальные – называют голубых «жопниками». «Срок за жопничество» – так и написано, это не мои слова.

Раньше если фильм для взрослых – детям до 16 смотреть не то что не рекомендуется – не разрешается. А ведь когда так пишут, еще больше хочется посмотреть. Но мне не нравится, когда по телевизору показывают сцены... не эротические, а грубее *(понижает голос)*. Внучка может увидеть, а мне зачем это. Я порно смотрела, что, не живой человек, что ли. У дочери старшей взяла кассету, она у меня продвинутая во всех отношениях. И то нашла, она младшей давала посмотреть. Мне ничего человеческое не чуждо. Раз посмотреть можно, потом постоянно повторяется, ничего хорошего нет. Было бы мне лет 20, я, может, что-то брала для себя на будущее. Это вам как стимулятор, а мне-то уже что.

Вопросы: Катя Князева
Фотографии: архив группы «Мумий Тролль»

Большая Россия. Очень долго ехать

Музыкант и востоковед Илья Лагутенко провел урок личной географии.

Лидер первой рокопопсовой группы «Мумий Тролль», видный герой нулевых Илья Лагутенко думает все больше не о времени, а о пространстве. Последовательно пишет одну за другой «Книги странствий» – о Востоке, Западе, Севере и Юге. Причем, называя сторону света, обязательно прибавляет личное местоимение – «Мой Восток». Себя Лагутенко числит гражданином мира, что не мешает ему нежно любить Транссиб, Тихий океан, да и вообще – Россию, хоть времена почище в ней так и не наступили.

– Россия большая, ее жители мысленно делят страну на зоны. Какие локальные центры зафиксированы, по-вашему, в массовом сознании?

– Питер, Москва, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Камчатка, ЮгА (с ударением на «а»). Вот так мне представляется...

– Вы и сами занимались зонированием (придумывали структуру четырех «Книг странствий»). Сформулируйте родовые особенности юга, севера, запада и востока России.

– Юг неоправданно дорог и лишен шарма, Север – суров и мужественен, Восток – суров и далек, Запад – все, что налево от Байкала.

– А какие у вас ощущения по поводу Транссиба? Любите его?

– Он хороший такой *(улыбается)*.

– О России часто говорят, что ее история – это история ландшафта, географии, климата, наконец, но не реальных людей, событий, свершений. Так и есть?

– В ландшафт можно правильно вписаться. Но у нас редко получается... Вернее, почти никогда. А история – она как факт всегда интерполируема. Я же по образованию историк, да еще и Китая. Так что я давно расслабился. Как партия скажет – вот и «правда», вот и «история». А для нас, для каждого человека, она потом «своя».

Океан во Владивостоке, Японии или Калифорнии определенно всегда одного и того же родного цвета.

– Когда вы жили во Владивостоке, какой страна вам была видна оттуда? Где вы себя ощущали – в центре, на краю?

– У моря. Большая Россия. Очень долго ехать. Везде. И сейчас такая же. Большая. Хочется всегда куда подальше. От центра. Где бы он ни был. Не центровой я, видимо, по натуре.

– Чем отличается стереотипное восприятие Владивостока (море, флот, граница, китайцы с японцами на подступе) от реального города?

– «Владивосток 2000» – песня такая есть. В принципе все сходится. До сих пор. А «Круизер» – это так называли в наших кругах – Toyota Land Cruiser – до сих пор любимый транспорт дальневосточника. После «УАЗ Патриот», конечно *(улыбается)*. ››

– Да, в ваших текстах полно владивостокских маркеров – начиная с буквальных, как во «Владивостоке 2000», – и заканчивая менее очевидными: всей этой морской атрибутикой. Как считаете, ваша неявная агитационная работа изменила имидж Владивостока в глазах российских обывателей?

– Жизнь такая моя морская. Я готов ее положительно мифологизировать, потому что она для меня самого органична. Что касается имиджа – если уж у меня заграничные журналисты спрашивают: «Владивосток – это там, где ядерные боеголовки направлены на Америку и мэры-правители – организованные преступники?» – тут, к сожалению, песнями не отделаешься, чтоб рассказать басни о приморском «санфранциске». И даже новый мост – хочется, чтоб он был буквально в новую жизнь. А пока он ведет на безлюдный остров Русский. Я бы снимал там фильмы про хоббитов и «чужих» прямо сейчас. Тогда, может, туда и народ потянется через несколько лет.

– Антропологи ввели термин – «кормящий ландшафт». Якобы человек может испытывать эстетическое удовольствие от неродного пейзажа и любоваться пальмами, но трогает его исключительно родное пространство. У вас есть кормящий ландшафт?

– Тихий океан. Я заметил, что он отличается от других. Но во Владивостоке, Японии или Калифорнии определенно всегда одного и того же родного цвета. Надо еще доехать до какого-нибудь Чили и Австралии, чтоб окончательно убедиться в этом.

– То, что в России очень выражена градация «провинция – столица», и все, что не две столицы – провинция, – это развитию творческой мысли в плюс или, наоборот, как палка в колесе, удручающая дискриминация и безнадега?

Хипстеры-шмипстеры — это всего лишь термины на сегодня. В мое время это называлось «попперы», а кто не поппер — тот «крест».

– Я не считаю, что вся жизнь обязана быть сосредоточена в одном месте. Мне кажется, это не безнадега, а просто какая-то бестолковщина. Люди должны запросто перемещаться и иметь возможность быстро и недорого совершать такие перемещения из одного места в другое. Провинция имеет свои плюсы по отношению к столицам. И свою специальную гордость. Но столицы обязаны иметь некий заряд, а лучше оба – с плюсом и минусом, нам ведь постоянно нужно познавать в сравнении, чтоб творить.

– То есть для «Мумий Тролля» фактор провинциальности вообще никогда ничего не определял?

– Действительно – не определял никогда и ничего. Особенно учитывая, что все первые альбомы мы записали в Лондоне.

– Когда вы играете на «Пикнике «Афиши», какой вы себе представляете аудиторию? Вы для хипстеров играете или для россиян?

– Я пригласил своих хороших друзей на «Пикник» – они ввиду своего более чем зрелого возраста и рода серьезных занятий, не посещали подобных мероприятий. И, знаете, какой отзыв я услышал? «Мы так удивились, что здесь так много нормальных людей». Я счастлив, что «Афиша» – по-своему очень нишевое издание с очень четко очерченным кругом интересов – собирает по несколько десятков тысяч человек (заметьте, по билетам). Хороший пример для подражания кому угодно. А хипстеры-шмипстеры – это всего лишь термины на сегодня. В мое время это называлось «попперы», а кто не поппер – тот «крест».

Илья Лагутенко, когда не пишет музыку – пишет путеводители: по всем четырем частям света, начиная с Востока

– Какой мир устроен более справедливо: провинциально-патриархальный, где фриков бьют, или столично-либеральный, где не-фриком быть стремно?

– Что за крайности? Я всегда пытаюсь найти общий язык там, где что-то непонятно. Справедливо – это когда друг другу дали высказаться и еще и послушали.

– Кстати, примерно с тех пор, как Владивосток стал 2000, эта модель рушится. И даже региональные фрики могут чувствовать себя частью мейнстрима, не опасаясь, что «пацаны» не поймут.

– Если это моя заслуга – я действительно счастлив. Пацаны, кстати, поймут.

– Наступили ли «времена почище» для российских регионов?

– Мне кажется – наоборот... Уж и столицы подошли к следующей строчке: «бьется родная, в экстазе пылает...»

– Но все-таки где лучше (в Москве или за ее пределами): родиться, взрослеть, молодеть, зреть и стареть?

– Родиться – там, где дано. Потом по ситуации. А в конце концов – я не знаю. Нужно то, что сможешь. C

Илья Лагутенко, «Книга странствий: мой Восток» (отрывок)

Япония всегда была как бы рядом. Рядом на географической карте. Но попасть туда было почти невозможно. Записывая первые домашние концерты еще только зарождавшейся группы «Мумий Тролль», я почему-то здоровался не с ребятами из нашего двора, а с вымышленными японскими зрителями – видимо, считал, что двор уже завоеван! Конничива, дорогие японские друзья! Жвачка – мечта и лакомство для любого ребенка. Конечно же, за неповторимый запах, возможность надувать шары баббльгума и, конечно же, за фантики! Жвачные обертки открывали целый новый мир! В 1970–80-х японская жвачка была рекламным двигателем всей подростковой индустрии. Была своеобразная градация – девочки/роботы/машинки. Фантики были предметом обмена и игр. Каждую перемену каждый подоконник в школе был занят игрой в фантики. Для начала ты должен предъявить сопернику, что у тебя есть в наличии – скажем, у тебя в руке «пача» обыкновенная (обертка от комплекта в 5 пластиков без картинки), а у соперника – «пача машинка» (т. е. обертка с изображением машинки). Тогда начинает машинка. Задача – ладонью ударить о подоконник так, чтоб фантик подлетел и накрыл другой. Чтоб взять пачу соперника необходимо, чтобы твой фантик закрыл его пачу как минимум три раза. Еще были пивные баночки с картинками. Я до сих пор помню такие у нас дома с изображением разных птиц на природе. Вкуса их я никогда не знал – все пиво доставалось взрослым. Но баночки имели продолжительную жизнь. Как, например, карандашница. Или вот еще у нас на батарее такая висела под вечно протекающим вентилем – эдакая «водособиралка» с необычным дизайном. Пеналы. Сложно сконструированные пеналы для хранения миллиона карандашей, ручек и фломастеров – мечта каждой девочки. А еще в них лежали стиралки – стирательные резинки, которые пахли, как жвачка, и поэтому мальчишки всегда хотели их сгрызть. Японский автомобиль. Без слов. Когда первые автомобили появились на улицах Владивостока, их рассматривали так же внимательно, как если бы это были космические корабли.

<...>

Что мы забыли? Рок-концерт любой популярной японской группы! Это как прочитать учебник по шоу-бизнесу. Несколько, как говорится, «без души», но зато с отточенной дисциплинированностью во всем – от шуток во время концерта до высокой технологичности шоу. Но, пожалуй, самое прекрасное в Японии – это sea view. Там так же, как и в городе, где я вырос, в Японии практически ОТОВСЮДУ ВИДНО МОРЕ.

Стихи: Всеволод Емелин

Желание быть премьер-министром

Окуджавщина

Солдат возвращается с войны
В притихшие города,
Спрашивает: «Я победил в войне?»
Одни говорят, что да,
Другие, что не...

Солдат возвращается с войны
По весне.
Как всегда
Спрашивает у жены:
«Ты изменяла мне?»
Она говорит, что не...
Соседи, что да.

Солдат возвращается с войны,
Смотрит туда-сюда
И спрашивает, словно во сне:
«Осталось что-нибудь от страны?»
Одни говорят, что да,
Другие, что не...

А самые умные говорят:
«Ты опоздал, командир,
Это тебе не сто лет назад
И даже не пятьдесят.
Сейчас вопросы так не стоят,
Кто в войне победил.

Давным-давно написал граф Толстой
Прославленный свой роман,
Сейчас граница между войной
И миром – это обман.

И зря бросал он в романе другом
Изменщицу под паровоз:
Сейчас граница промеж мужиком
И бабой – большой вопрос.

Настали новые времена,
И хуй разберешься, блядь,
Где своя страна, где чужая страна,
Да и незачем разбирать.

Ты можешь сказать, что я пидарас,
Ты можешь сказать, что я жид,
Но другого мира господь не создаст,
Придется здесь тебе жить».

Баллада о коктейле Молотова

Из текстов, написанных по заказу «Театра.doc» к 70-летию Финской войны

Я случай один вам сейчас опишу
Простыми словами солдата,
Чтоб на уши вам не навешал лапшу
Какой-нибудь фальсификатор.

Я помню, все было как будто вчера,
Мы шли по лесному раздолью,
И все города, городки, хутора
Встречали нас хлебом и солью.

Привольный, озерный и ягодный край,
Родная сестрица Суоми,
Скорее в объятия нас принимай,
Так пели бойцы в батальоне.

За стол мы сажали их пленных солдат,
Делились пайковой свининой.
Ведь финн – это наш же трудящийся брат,
Страдающий под белофинном.

Доставил однажды я к нам языка,
Затратив большие усилья.
Но радость была в блиндаже велика,
Он был с заграничной бутылью.

Был быстро по кружкам напиток разлит,
Консервы открыты штыками.
Лишь финн не по-русски истошно кричит
И машет своими руками.

Чего он кричал, мы понять не могли,
Подумали – водки жалеет.
Такой уж народ, все они куркули,
Как наши хохлы и евреи.

Насилу скрутили собаку. Здоров!
Держали и слева, и справа.
Из слов разобрали лишь: «Нет! Молотофф!»
Премьер ему наш не по нраву!

Мы выпили залпом чужое вино,
Внутри что-то вспыхнуло жутко.
И сразу мучительно стало темно
В глазах, голове и желудке.

Сначала решили, что вражий снаряд
Разрушил блиндаж наш укромный.
Потом догадались, что это был яд,
И гнев ощутили огромный.

Какой же, однако, подлец белофинн!
Хотел отравить нас, ребята,
В бутылке его оказался бензин.
Была это, в общем, граната.

Но красноармеец – он не таракан,
Его так легко не отравишь.
Не та это доза – бензина стакан,
Ты здесь просчитался, товарищ!

Врага отвели мы к высокой сосне,
Где выслушал свой приговор он.
Оттает когда-нибудь труп по весне,
Чтоб сделаться пищей воронам.

Потом заливали вскипевшую злость
Российскою водкой под сало.
И как-то со временем все улеглось,
Хотя сохранился осадок.

Подражание Д. А. Пригову–5

Я снова юный пионер,
Мне хочется сойти с ума,
Когда стоит милицанер –
У ног огромные дома.

Он грозен, словно Эверест,
И, словно Вертикаль, высок,
И копошащийся протест
Не достает ему до ног.

Благополучий наших страж,
Для жителей почти не страшный,
Он не допустит «Русский марш»
И злобных несогласных марши.

Пусть недовольны неудачники,
А что им нравится на свете?
Ему спасибо скажут дачники,
Вручат цветы больные дети.

Пока стоит боец милиции
На страже интересов нации,
В страну приходят инвестиции
И происходят инновации.

Ведь им добро вознаграждается,
И им карается порок,
Им Маяковский восхищается –
Милицанер его сберег.

Не знает корысти и страха,
Вручив стране свою судьбу,
Что вдруг его пристрелят на хуй –
Не умещается в мозгу.

Вдруг не стоит он, а лежит,
Как будто яблок на снегу,
Направо меч, налево щит,
Пускай «Кто может, тот вместит»,
Я не могу.

Ведь это же не мент лежит,
А мирозданье.

Август 2010

Средь ясного дня за окошком темно,
Не светят кремлевские звезды.
И воздух в столице такое ж гавно,
Как тексты в журнале «Воздух».

Сегодня я в Интернете прочту
Про пылающий лес,
Про птиц, умирающих на лету
И падающих с небес.

О том, что пшеницы, овса и ржи
Сгорел на корню урожай
И вымерли от жары все ежи
До одного ежа.

И что по внешней обочине МКАД,
Пока не взойдет луна,
Мертвые с косами в ряд стоят –
И тишина.

И среди трупов ежей и синиц
Сквозь желтоватый чад
Плывут пятна в маски закутанных лиц,
Вдыхая легкими яд.

Химический кашель и кожный зуд,
Сплошной санитарный барак.
Кого не хватит сегодня инсульт,
Того сожрет завтра рак.

Молились, молились, а дождь не пошел,
Как видно, слаба наша вера.
И нету в Москве, как мечтал Макашов,
Ни мэров, ни пэров, ни херов...

Желание быть премьер-министром

Если б был я примером,
Занимался дзю-дом,
Я бы мог стать премьером,
Ну а стал мудаком.

Каждый лидер наш прежний
Был на собственный лад.
Леонид Ильич Брежнев
Вечно делал доклад.

До десятого пота,
Окружен референтами,
Борис Ельцин работал
По ночам с документами.

Каждый пел свои песни,
Каждый рвался из жил,
Но никто интересней,
Чем В. Путин не жил.

Не сложилась карьера,
Микро я организм.
Но хочу я премьера
Интересную жизнь.

Не стучали б дубиной
По башке мне менты,
А рулил бы «Калиной»
Я до самой Читы.

Не дышал бы я газом,
Не толкался с толпой,
Красной краской не мазал
Череп стриженый свой.

И копытами с горя
По асфальту стуча,
Не ходил в сторону моря,
Где белеет причал.

Я тушил бы пожары
С неба, как демиург,
Мне бы руку пожал бы
Знаменитый Хирург.

Отдавая Россию
На съеденье ментов,
Я бы сам биопсию
Брал у серых китов.

Одним выстрелом метким
Поразил бы я цель
И стоял с арбалетом,
Как Вильгельм на хуй Телль.

Я бы был славный парень,
Но с врагами суров.
Сладко б в ейные хари
Целовал осетров.

Я б летел на «Калине»,
Тормозил, где хочу,
И не знал бы фамилий
Ходорковский, Шевчук.

Шли бы белые снеги,
Как по нитке, скользя,
Собрались бы коллеги,
Но не там, где нельзя.

Олигархов в сторонку
Равно бы удалил,
Но зато пастушонку
Я б часы подарил.

Несогласных всех на фиг
Я б легко посылал
И нырял в батискафе
В пресноводный Байкал.

В истребителе реял
Я бы выше всех птиц,
В уссурийской тайге я
Усыплял бы тигриц.

С Берлускони и Блэром
Пил бы красное я.
Я б хотел быть премьером,
А живу как свинья.

И распив в магазине,
Я свой дом не найду.
Среди скрещенных линий
На асфальт упаду.

Я себя успокою,
Телом землю нагрев,
Прижимаясь щекою
К равнодушной РФ.

Всеволод Емелин

Москва

Поэт

Стихи: Иван Давыдов

Пепел

Оратория для балалайки

От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша,
и дани тяжкия и насилства, и тивуни, и довотщици, и приставници?
Житие Стефана Пермского

Пыльный тракт. Вдали – дрянной провинциальной город вроде Перми: гнилые развалюхи, коровы, козы, ряд гигантских вентиляторов.
По тракту бесконечной чередой идут понурые оборванные москвичи.
На обочине сидят д е д – Иван Колпаков, и в н у ч е к – Колпаков Ванятка.
Дед кутается в телогрейку и задумчиво перебирает струны балалайки.
Внучек размазывает по чумазой рожице сопли.

В н у к *(ковыряя в носу)*:
– Деда, а кто они – москвичи? Куда они? Что за люди такие? Что такое была она – Москва?

Д е д *(ударяя по струнам)*:
Многие нас угнетали, внук, – татарва, мордва,
Били кнутами, хавали, будто снедь.
Но того, что творила с Русью Москва,
Не узреть Батыю и в страшном сне.

Москва – как гниющий струп,
Как гнойный нарыв.
Как будто уселся труп
На того, кто жив.

Деньги в Москву – вагонами,
Баб в Москву – караванами.
Билась страна в агонии
С вывернутыми карманами.

Обобранная, опозоренная
Алчными москвичами,
Плакала – беспризорною
Девочкой на причале.

Не выходя из кофеен
Через трубочки через коктейльные
Вынюхали, как фен,
Фермы наши, котельные,

Заводы заглатывали, не давясь,
Запивали нефтью.
После себя оставляли грязь
Пополам со смертью.

В н у к *(ковыряя в носу)*:
– Дак вон оно чо. Ну а ты?

Д е д *(ударяя по струнам)*:
Был и я в Москве. Принимали грубо.
Принимали, то есть, за какого-то тролля.
Фейс-контроль меня мутузил у клуба,
В котором вовсе нет фейс-контроля.

Били менты потом, били весело, с песнями,
Да так старательно, что едва не отлетела душа.
В общем, пришлось отдать половину пенсии
Просто за право московским воздухом подышать.

А я-то мечтал, дурак,
Справить от «Эрмеса» портянки с бахромой.
Денег хватило только на «Доширак»
И билет домой.

В н у к *(ковыряя в носу)*:
– Эвона чо. А потом?

Д е д *(ударяя по струнам)*:
Решили мы эту нежить выжить,
А то иначе самим не выжить,
Решили, хватит их греть да нежить,
Дурак – да знаешь, зовут Ефимом,
Сказал: иначе не выжить нежить,
Как только дымом.

В н у к *(ковыряя в носу)*:
– Ну дак чо?

Д е д *(ударяя по струнам)*:
Собрали последнее, кровное,
Кто скажет теперь – по глупости?
Колокола церковные
Переливали на лопасти.

Держали посты недельные,
Сняли с себя исподнее,
Кресты заложили нательные...
И вот оно – чудо подлинное.

Вот оно, наше деяние:
Пугая коров с телятами,
Ангелами воздаяния
Встали в полях вентиляторы.

Взмахнули крылами коваными,
Погнали благую весть:
Кровью, потом, целковыми
Мы приблизили месть.

В н у к *(ковыряя в носу)*:
– Вота чо. А после?

Д е д *(ударяя по струнам)*:
А после сами – ты понял, сами –
Зажгли леса, хутора, станицы.
Да черт бы с ними, вообще, с лесами,
Гори, Россия, вдыхай, столица!

Погибли люди, конечно, куры,
Конечно, жертвы, а как иначе?
Но не ушла и Москва от кары:
И днем их небо чернее ночи.

Застряли в пепле теперь их «Бентли»,
Забиты пеплом их рестораны,
Их кегельбаны, их автобаны,
Кто тонет в пепле, гляди, не мент ли,
Не пидарас ли с телеэкрана?
Стилист, певица?
Смирись, столица, –
Нам этот пепел – бальзам на раны...

От толпы идущих отделяется М о с к в и ч .

М о с к в и ч *(робко)*:
У нас вот тоже лес, например, был в городе Химки,
Так мы относились к нему любовно:
На каждое деревце надели стринги,
Колыбельные кустикам пели Шевчук и Боно.

Как же это можно – жечь деревца?
Они ведь такие нежные, как у вокзала Курского провинциальные, пардон, дурехи.
Кстати, добрый пейзанин, у вас не найдется для странника хлеба, яйца,
Молока, же не манж па сис жур вообще ни крохи.

Д е д *(ударяя по Москвичу балалайкой)*:
Не вы ли волками выли,
Пялясь в Россию с воли:
«Боже, как много пыли,
Дьявол, да сколько ж моли!»

Плевали в наше исконное,
Ковыряли исподнее,
Лепили гнусные байки.
Не вы ли, не вы ли, подлые,
Рубили наши иконы,
Жгли балалайки?

Не город – горе, где вор на воре,
И все расслаблены в вечной неге,
И все воспитаны в странной вере:
«Москва раздвигает любые ноги,
Москва открывает любые двери!»
Так что же ныне стоите, наги,
Скулите, звери?

Москвич падает в пыль. Струны балалайки рвутся.
Раздается довольно противный звук.

Иван
Давыдов

Москва

Директор
по развитию
интернет-
газеты
«Соль»

Фотографии: Иван Козлов

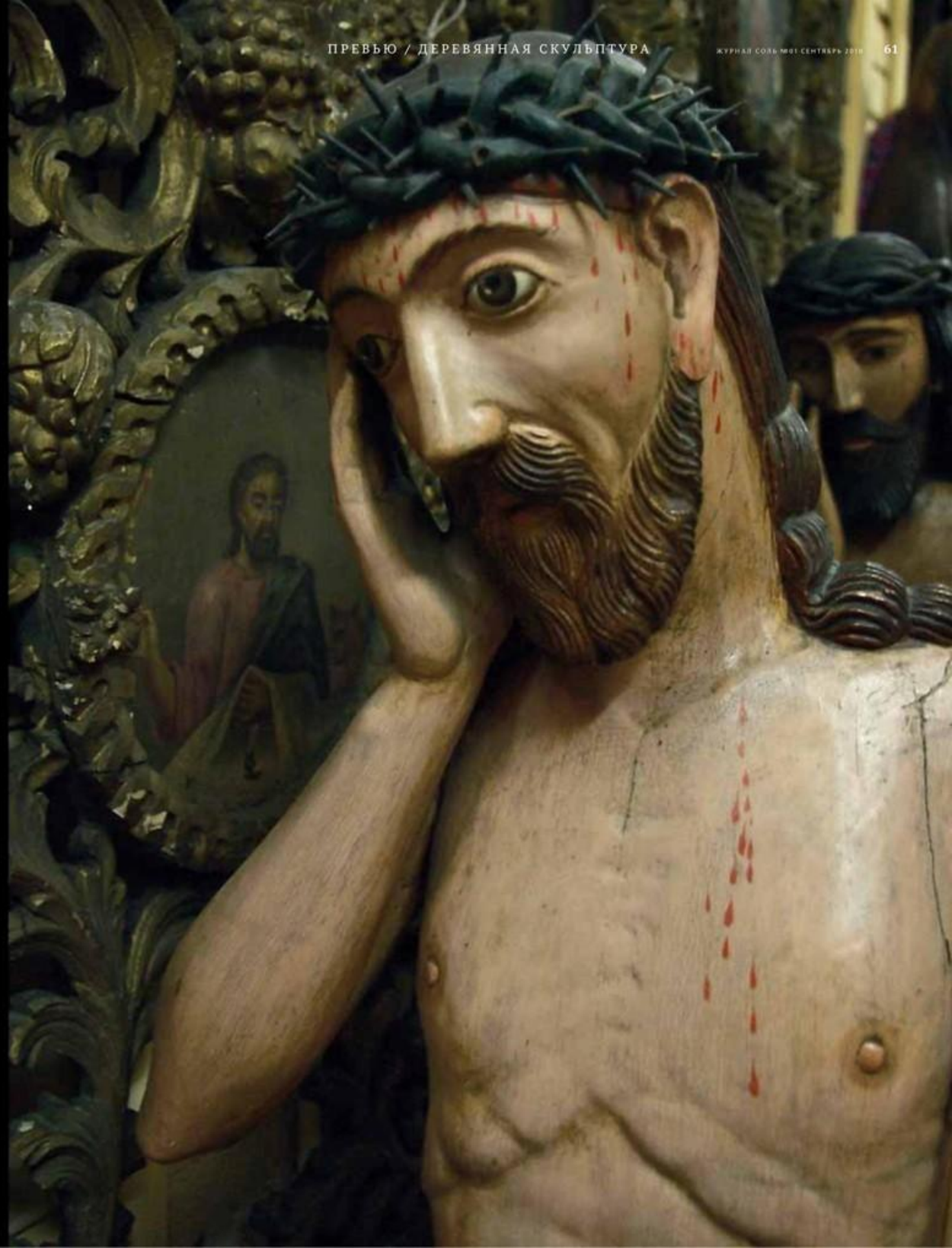
Пермская деревянная скульптура: святые, ангелы и Бог

Хоть православная церковь и осуждала объемное изображение Бога, уральские мастера в XVII–XIX веках ничтоже сумняшеся ваяли себе сакральное 3D. Никола Можайский, Иисус, Саваоф – все как один не то с башкирскими, не то с коми-пермяцкими скулами.

Первый собиратель храмовой скульптуры Николай Серебренников съездил в шесть экспедиций по Уралу, обшарил чердаки и подвалы сельских церквей и привез в Пермскую художественную галерею солидную партию изваяний. Над беспалыми ангелочками, киотами, распавшимися на отдельные детали, и распятиями, покрытыми толстым слоем голубиного помета, реставраторы трудятся до сих пор.

Целые или контуженные, деревянные фигуры святых, ангелов и Бога – гордость галереи, главная интернациональная визитка. Иностранные туристы, прибыв в Пермь, первым делом идут смотреть «old wooden sculpture of Perm». Чтобы увидеть коллекцию, нужно подняться на самый верх кафедрального собора, в здании которого уже почти сотню лет существует музей. Но не все знают, что, кроме основной экспозиции, есть еще и запасники, где крыло к крылу, крест к кресту – стоят ангелы и распятия. Ждут своей очереди на реставрацию и нового помещения (в старом весь фонд все равно не помещается).

«Журнал Соль» побывал в хранилище и свел со спрятанными от широкой публики деревянными ангелами личное знакомство.

ДС-377

ДС-385

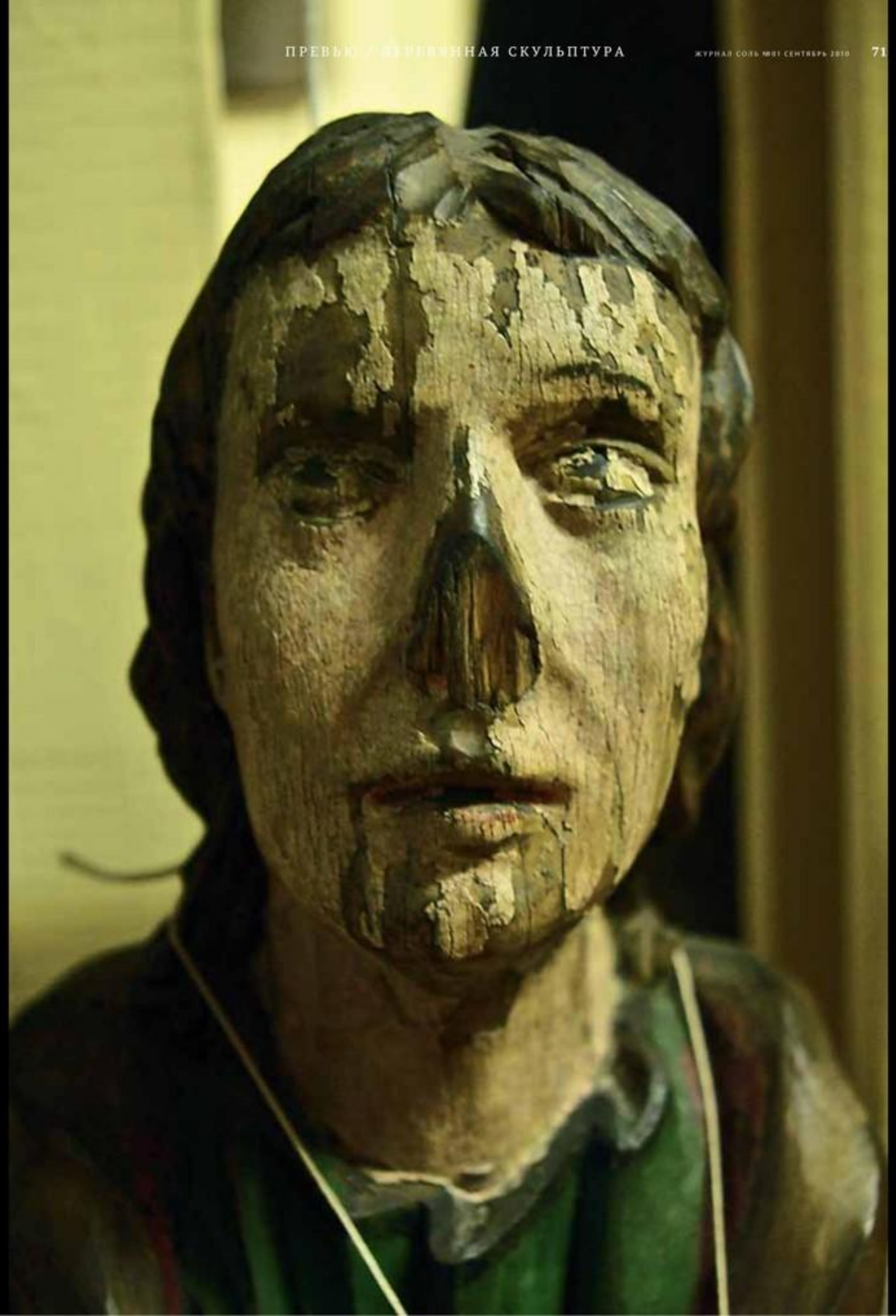

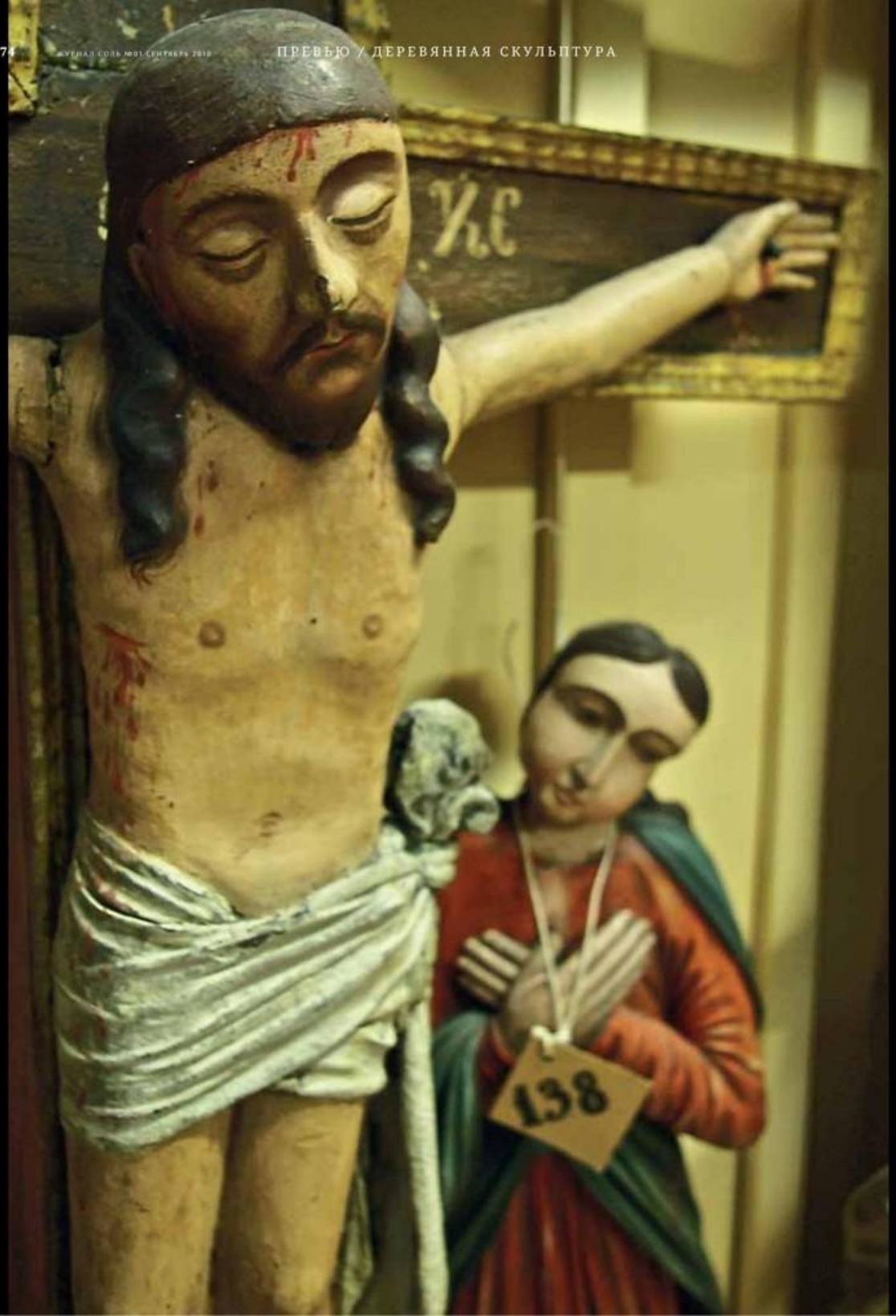

AC-375

ИС
138

КИНО, СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО, ТЕАТР, ТЕКСТУРА, ЭДУАРД БОЯКОВ, ФЕСТИВАЛИ

Текст: Наталья Овчинникова
Фотографии: Алексей Гущин, фестиваль «Текстура»

Бояков и черепаха

Эдуард Бояков запускает в Перми фестиваль кино и театра «Текстура», пытающийся поймать современность за хвост.

В середине – конце сентября 2010-го в Перми впервые пройдет фестиваль «Текстура», который одновременно и про театр, и про кино. По правилам «Текстуры» фильмы не делятся на категории «игровой» и «документальный», «короткометражный» или «полный метр», а пьесы и киносценарии презентуются в одной и той же форме читок. «Текстура» не бубнит про виды и жанры, и это принципиально: она за размывание границ – процесс, в культуре вполне легализованный. Общее свойство у всех пунктов фестивальной афиши только одно – привязка к современности.

Пока не объявили программу, сложно было понять, что вообще такое фестиваль «Текстура». От традиционных кинофестивалей он отличается тем, что не опирается на географию и дату выпуска фильмов. С театральными фестивалями его разнит «внебрачная», как выразился киновед Кирилл Разлогов, связь с кино. Чем ближе к открытию, тем яснее, что «Текстура» – «сын полка», со своим характером и своими целями.

Главнокомандующий фестиваля (а заодно и пермского театра «Сцена-Молот», основной площадки «Текстуры»), продюсер и режиссер Эдуард Бояков уверен, что давно уже пора было столкнуть в честной борьбе театр и кино:

– На «Текстуре» мы стараемся создать контекст рефлексии, ситуацию творческого разговора, в котором участвуют все, кто делает искусство: драматурги, режиссеры, актеры, продюсеры. Мы хотим найти настоящих героев, но таких, которые еще не осмыслены как лидеры. Миссия непростая, однако мы попробуем разобраться в том, кто сегодня наиболее актуальная фигура.

Эксперимент собираются проводить на основе четырех программ: фильмы, спектакли, сценарии и пьесы. В каждой – свой отдельный конкурс.

«Таквакоры» – экранизация романа Майкла Мухаммеда Найта об исламских панках, живущих в США

Между Санденсем и Канном. В кинопрограмме фестиваля 14 фильмов из России, Украины, США, Южной Кореи, Польши, Великобритании, Бразилии и Франции. Большая часть – премьеры 2010 года, несколько сняты в 2009 году, один фильм относится к 2008-му. Этот уникальный экземпляр – документальная картина француза Кристиана Поведы «Безумная жизнь». Поведа снимал жизнь бедных кварталов Сальвадора, где молодые ребята, мечтая о будущем, хотят стать бандитами, участниками преступных группировок, которым в маленькой республике несть числа. Нырнув на социальное дно, как нырял на дно морское Кусто, Поведа увидел там жизнь – непонятную, красивую, пугающую. Как зрители приняли «Безумную жизнь», режиссер не узнал: за месяц до премьеры во Франции он был застрелен в Сальвадоре в собственной машине.

Интересно, что сыграло свою роль при выборе этого фильма для фестиваля: судьба смельчака-автора, решившегося стать посредником в примирении банд с правительством, или показанная им жизнь бандитов, для которых пистолет ближе к телу, чем рубашка.

– Критериями отбора были, прежде всего, честность выражения и интерес автора к окружающей его современной действительности. Естественно, к этим критериям прибавлялись еще требования художественного содержания, то есть оценка фильма как сугубо художественного произведения, – объясняет куратор кинопрограммы «Текстуры» Мария Гаврилова.

Гаврилова признается, что такую свободу выбора при составлении кинопрограммы могут себе позволить лишь немногие отборщики международных фестивалей. По ее кураторскому решению в конкурсный список попали: ››

Спектакль «Чукчи» Григорьяна – первая и главная удача нового пермского театра «Сцена-Молот»

фильмы, которые демонстрировались в Каннах (южнокорейский фильм «Поэзия», режиссер Ли Чан Дон, обладатель приза за лучший сценарий; украинская картина «Счастье мое», режиссер Сергей Лозница), участник фестиваля в Сандансе («Таквакоры», режиссер Эйад Зара, США). Добрался наконец до России и фильм неуловимого граффитиста Бэнкси «Выход через сувенирную лавку» – житие художников стрит-арта.

– Если посмотреть внимательно, не так много авторов сегодня по-настоящему серьезно исследуют тему современности и задумываются над тем, что же происходит с людьми, с обществом, с ними самими именно в этот самый отрезок времени – сейчас, – комментирует Мария Гаврилова.

Право первого «Гоп-стопа». В фестивальный конкурс включена и новая картина режиссера (и члена совета «Текстуры») Павла Бардина, снявшего нашумевший фильм о неонацистах «Россия 88». Фильм называется «Гоп-стоп». В Перми состоится его мировая премьера – и в этом при желании можно найти свою логику.

После грандиозного интернет-успеха репера Сявы – пародийного персонажа-гопника – Пермь обрела репутацию «столицы гоп-культуры». А предпосылкой тому, в свою очередь, послужило глубокое ссыльно-тюремное прошлое города.

– Сегодня социальный герой – это отражение реальности, которая на самом-то деле сопротивляется тому, чтобы ее запихивали в кино. Кино идет по следам свершившегося явления – в отличие от театра, которому удается быстрее реагировать на изменения, – рассуждает Павел Бардин.

То, что Бардин считает недоступным для кино (формирование социального героя), действительно происходит в театре. Кухню этого процесса на фестивале «Текстура» можно будет увидеть на примере специального проекта «Человек.doc». Проект этот – сложно устроенный механизм. В основе – пьеса-портрет, которую драматурги пишут с данного конкретного человека, скажем, перфомансиста Александра Петлюры или рэпера Смоки Мо. Пьесу они создают, пользуясь техникой verbatim, то есть записывая на диктофон разговоры с выбранным человеком. Затем в работу включается режиссер: он ставит читку новоиспеченной пьесы. Обязательное условие эксперимента – играть в готовом спектакле должен сам исповедавшийся.

Мировая премьера фильма «Гоп-стоп» Павла Бардина закономерно состоится в Перми, которую репер Сява единолично провозгласил гоп-столицей

«Чукчи» в театре. Так же, как и фильмы, в фокусе современности выбирались и спектакли для театральной программы. Получилось 10 постановок из разных городов России. Среди них – «Третья смена» в интерпретации режиссера Юрия Муравицкого и труппы Лысьвенского театра драмы (Пермский край), «Хлам» режиссера Марата Гацалова и московского «Центра драматургии и режиссуры», «Запертая дверь» Дмитрия Волкострелова и питерского Молодежного центра театрального и киноискусства МИГ и другие.

Уместно смотрится в программе «Текстуры», например, спектакль «Чукчи» режиссера Филиппа Григорьяна, поставленный в пермском театре «Сцена-Молот». Григорьян олицетворяет собой поколение художников, которым тесно размышлять в рамках одного вида искусства (как раз в духе «Текстуры»). Он эти рамки раздвигает, наполняет новым содержанием. Его спектакль «Чукчи» – это смесь чеховской драматургии, видеоарта и постмодернистского отношения к слову.

Куратор театральной программы «Текстуры» критик Тимур Хакимов объясняет: для того чтобы увидеть современную жизнь, нужно настроить внимание в разнонаправленных ракурсах. И один из таких ракурсов – прочтение гипертекста на основе программ театра и кино.

– Одна из «идеальных» пар фестиваля – фильм «Школа» (Валерии Гай Германики, на «Текстуре» будут показаны 66 и 69 серии – *«Журнал Соль»*) и спектакль «Контрольный диктант» (режиссер Дамир Салимзянов, театр «Парафраз», Глазов – *«Журнал Соль»*). Там и там речь идет о школе, о проблемах подростков, о способах воспитания, о том, что значит вообще быть современным ребенком, – подчеркивает Тимур Хакимов. >>

Артист и режиссер Дмитрий Волкострелов недавно поставил пьесу «Запертая дверь» одного из самых модных и непростых современных драматургов Павла Пряжко

Сценография спектакля «Хлам» организована как тотальная инсталляция

Пространство режиссуры

Череду осенних пермских фестивалей продолжит театральный форум «Пространство режиссуры», который пройдет в Перми с 8 по 14 октября. Фестиваль состоится во второй раз и соберет начинающих режиссеров и мастеров первой лиги из России и Франции. В 2010 году «Пространство режиссуры» проводится под эгидой Года России во Франции и Франции в России.

«Пространство режиссуры» – это фестиваль-школа. В этом году в лаборатории «Молодая режиссура и профессиональный театр» участвуют старшекурсники Российской академии театральных искусств (ГИТИС): десять начинающих режиссеров мастерской Евгения Каменьковича и десять будущих художников, учеников Дмитрия Крымова. Разбившись на группы, они с помощью профессиональных артистов пермских театров ставят одну пьесу, затем эскизы частей будущего спектакля показывают профессиональной публике на фестивале. Для начинающих режиссеров эта лаборатория – не только своего рода обряд инициации, погружения в профессию, но и «ярмарка вакансий», где к ним присматриваются представители крупнейших театров страны. Коронное правило «Пространства режиссуры»: представители четырех ведущих театральных профессий – режиссер, актер, критик и продюсер – выбирают для показа на фестивале лучшие, на их взгляд, спектакли из ныне существующих. Спектакли могут быть из разных частей света – бюджет позволяет привезти артистов откуда угодно.

На «Пространстве режиссуры–2010» будут показаны: «Пиноккио» (Россия-Франция, режиссер Жоэль Помра), «Наш террор» (Франция, режиссер Сильвен Крезево), «Хиросима, любовь моя» (Швейцария, режиссер Кристин Летайер), «Соня» (Латвия, режиссер Алвис Херманис). А также: «Вороны» (Франция, режиссер Жозеф Надж), «Медея. Материал» (Россия, режиссер Анатолий Васильев), «Жизнь Человека» (Россия, режиссер Борис Мильграм) и «Реквием» (Израиль, режиссер Ханох Левин).

Впрочем, выбрать отличный спектакль – не все, модератор должен еще убедительно обосновать свое решение. После каждого спектакля во время дискуссий зрители обсуждают предложенные им постановки.

Один день на фестивале будет посвящен творческому наследию выдающегося французского режиссера и философа Антонена Арто – автора концепции «крюотического театра» (иначе – «театра жестокости»). Арто в значительной мере повлиял на европейский театр XX века, но для России до сих пор остается terra incognita. Ключевым событием дня станет семинар на тему «Театр и его Двойник в XXI веке», нацеленный на новое осмысление театральной системы Арто.

КИНО, СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО, ТЕАТР, ТЕКСТУРА, ЭДУАРД БОЯКОВ, ФЕСТИВАЛИ

В погоне за черепахой. Запуская фестиваль «Текстура» Эдуард Бояков продолжает погоню за современным, день ото дня меняющимся языком. Тем же самым, собственно, занимался и фестиваль «Новая драма», который Бояков делал совместно с драматургами Еленой Гремиграфические и прочие. Злободневное искусство может быть хорошее и плохое. Актуальное – соединяет сегодняшний день с вечностью, актуальное – априори хорошее искусство. Мы постарались поставить в нашу афишу произведения или уже хорошие, или претендующие на это.

нет только тот, кто отсмотрит все фильмы или все спектакли – в зависимости от того, в какой «категории» он заявлен.

К чему такая сложная система? Чтобы избежать в оценках кумовства, которым, как успела заметить команда «Текстуры», грешат многие современные фестивали. Кому-кому, а

ной и даже немного опережающей наше время реальности.

– Ни Платон, ни Гегель не могли дать понимания того, что такое реальность. И если мы сейчас скажем, что мы в состоянии дать ответ на этот вопрос, это будет выглядеть комично, – вклинивается скептик из числа членов со-

Пьесу Вячеслава Дурненкова «Экспонаты» поставили уже в нескольких российских театрах. На «Текстуре» – спектакль из города Прокопьевска

ной и Михаилом Угаровым. С современным материалом работают московские театральные проекты «Театр.doc» и «Практика», а с недавних пор еще и пермская «Сцена-Молот». И хотя погоня эта напоминает преследование Ахиллесом черепахи, ее ни в коей мере нельзя считать бесполезной.

При этом координаторов программ, как собственно, и самого Эдуарда Боякова можно упрекнуть во вкусовщине. Что это за отбор, где главным критерием служит «современность»? «Современность» – что это вообще такое? Это злободневное, это актуальное? Бояков об этом думает вот что:

– Злободневно – то, что более остро ставит социальные вопросы: политические, де-

Словом, еще один вопрос для дискуссии. Но, кажется, на это и рассчитывает оргкомитет «Текстуры». Главное – чтобы не молчали, чтобы говорили и спорили.

Ради этого – и нетривиальный подход к формированию жюри. У «Текстуры» есть совет, в который входят разные лояльные к фестивалю люди, по совместительству – известные в своих творческих сферах персоны: Александр Любимов, Олег Кулик, Виталий Манский, Роман Волобуев, Андрей Родионов, Екатерина Деготь и другие. Совет многочислен: из одной только Перми Эдуард Бояков пригласил порядка 30 человек. Роскошный жест доверия. Однако это доверие нужно оправдать. Настоящим членом жюри фестиваля стапредседателю совета актрисе Ингеборге Дапкунайте, которая то и дело появляется в числе членов жюри международных фестивалей, это должно быть известно.

Помимо четырех конкурсных программ, на фестивале «Текстура» запланирована специальная программа «Имя», предусматривающая ретроспективы авторов. На «Текстуре-2010» этими авторами станут драматург Иван Вырыпаев (Россия; фрагмент его новой пьесы «Танец Дели» можно прочитать в этом номере «Журнала Соль» – см. стр. 102) и режиссер Корнель Мундруцо (Венгрия). Оба, по мнению Боякова, – «авторы прорыва», в пьесах, спектаклях и фильмах которых формируются принципы понятия современвета, кинокритик Антон Долин. – Та же Венеция ведет наблюдения в том же направлении. В программу «Горизонты» нынешнего Венецианского кинофестиваля включены 68 фильмов: документальные, анимационные, видеоарт – всех их будет оценивать одно жюри. Так что мы на фестивале «Текстура» делаем то же – с жутким опозданием пытаемся догнать мировую тенденцию.

– Согласен, – кивает Бояков. – Но в России мы первые объявили это как принцип отдельного фестиваля.

Победители «Текстуры» получают награды «СегоДНЯ» – приз в виде соединенных стеклянных листов формата А4, между которыми проложена ткань. Имеется в виду, наверное, ткань современности.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ, МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ
ПЕРМЬ/2010
ТЕКСТУРА
ФЕСТИВАЛЬ ТЕАТРА И КИНО О СОВРЕМЕННОСТИ
театр
ткань КИНО
любовь
общение
идея
тенденция
жизнь
бояков
твори сегодня!
совесть
развитие
дапкунайте
реальность
кислород
настоящее
здесь и сейчас
СМЫСЛ
герой
думать
тексты
быть
чувствовать
вырыпаев
человек.doc
мундруцо
сорокин
РЕКЛАМА
/ www.texturefest.ru /
НАЦИОНАЛЬНЫЙ БИЛЕТНЫЙ ОПЕРАТОР KASSIR.RU ПЕРМЬ 270-00-10 ЗАКАЗ БИЛЕТОВ
СЦЕНА МОЛОТ
ПЕРМСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР-ТЕАТР
МОДНЫЕ ЛЮДИ ОДЕЖДА И АКСЕССУАРЫ
NEW YORK FILM ACADEMY
ART ROSA
acer
Kodak
AMAKS Premier Hotel
Эноб.
ЖУРНАЛ РУССКИЙ РЕПОРТЕР
Компаньон
ТЕЛЕКОМПАНИЯ РИФЕЙ ПЕРМЬ
Europa plus
СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЖДЬ 98.9 FM
VETTA
QUALITY
горчица
malina
PROPERM.RU
National Business
ШПИЛЬ
ФедералПресс
LIVEJOURNAL
Соль
Пермская кинематека
CINEMOTION
газета.ru
генеральный интернет-партнер

Текст: Вадим Левенталь, Ирина Постникова

Понаехали в Рашку

Россия глазами иностранцев с X по XXI век. Шесть эпох – шесть травелогов. Авторы всех времен и народов сходятся в одном: здесь творится какое-то мракобесие. Араб Ахмад ибн-Фадлан шарахался от женщин, которые едят яблоки и от этого жиреют, японские моряки жалели деток за то, что тех травят коровьим молоком, а австралийские редакторы путеводителя Lonely Planet полагают, что русские мужчины сексуально опасны.

Ахмад ибн-Фадлан, «Путешествие на Волгу»

Иран, X век

«Книга Ахмада ибн-Фадлана ибн-аль-'Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента Мухаммада ибн-Сулаймана, посла аль-Муктадира к царю славян», она же – «Путешествие на Волгу» – осталась от похода послов багдадского халифа в Волжскую Булгарию.

Надо понимать, что халифат в 921 году – центр цивилизованного мира. Пока Европа мучительно переживает распад империи Карла Великого, княгиня Ольга жжет в бане охамевших древлян, а Харальд Прекрасноволосый долго и нудно объединяет Норвегию, у арабов процветают наука и искусство. В общем, путешествовать из Багдада на Волгу в десятом веке – это примерно как сейчас из Нью-Йорка в Уганду: чудеса не заставят себя ждать.

Генрих Семирадский. Похороны знатного руса. 1892. ГИМ

На Волге живет народ, который не сеет и не жнет; каждый день выходит из моря рыба, от которой человек отрезает столько, сколько ему надо, после чего рыба возвращается обратно в море. Там девушки едят яблоки и от них жиреют. Там каждую ночь в небе сражаются друг с другом отряды верующих и неверующих джиннов.

Наряду с поражающими воображение сведениями, в достоверности которых, правда, сомневались даже арабы, современники автора, в «Путешествии...» куча очаровательных бытовых деталей. Подробное описание похорон знатного руса, например, станет не только фетишом для этнографов, но и источником вдохновения для художников, писателей и кинорежиссеров. Взять хотя бы плохонький, увы, блокбастер 1999 года «13-й воин», где «клиента Мухаммада ибн-Сулаймана, посла аль-Муктадира» играет Антонио Бандерас.

Самого царя русов (Игоря, стало быть, Рюриковича?) ибн-Фадлан не видал. Так что рассказ о «порядках» владыки, – это, видимо, интерпретация услышанного от русов-торговцев.

Цитата:
«К порядкам царя русов относится то, что вместе с ним в его дворце находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, и находящиеся у него надежные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты, сражаясь за него. И с каждым из них девушка, которая служит ему, и моет ему голову, и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, которую он употребляет как наложницу. И эти четыреста мужей сидят под его ложем. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет, как наложницу, одну из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы выше упомянули. И он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить потребность, то он удовлетворяет ее в таз».

Сигизмунд Герберштейн, «Записки о Московии»

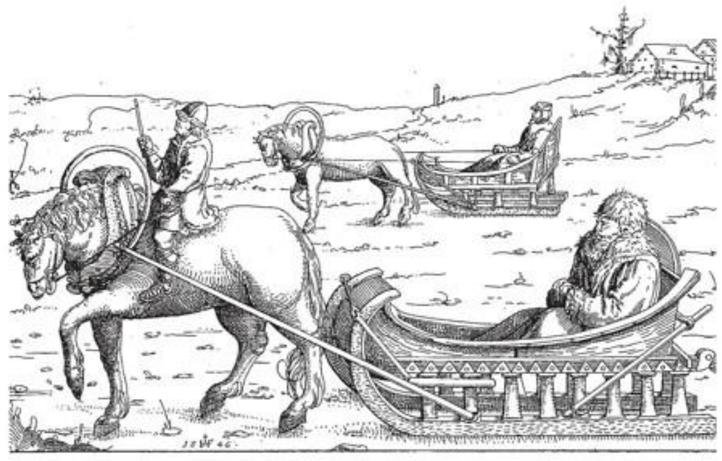
Австрия, XVI век

Австрийский барон Сигизмунд Герберштейн был в России дважды – в 1517-м и в 1526-м. А в 1549 году в Вене отпечатали первый экземпляр его «Записок о Московии» – книги, которая будет переиздана десятки раз едва ли не на всех европейских языках и почти на три столетия станет для европейцев главным источником знаний о России.

Влияние «Записок о Московии» ощущается и до сих пор – это ведь Герберштейн придумал модель путеводителя, которую эксплуатируют авторы современных травелогов. Краткая история страны от мамонтов до наших дней, политическая система, бытовая культура, религиозные обычаи, кухня, денежное обращение, описание крупнейших городов.

Ну и, разумеется, характеристика населяющего Московию народа. Спокойным языком опытного дипломата Герберштейн излагает, что русские хитры и жестоки, трусливы и бесчестны, безнравственны и глуповаты. Смачно пересказывает истории русских военных неудач, с удовольствием несколько раз повторяет, как Василий Третий прятался от татар в стогу сена, искренне жалеет о падении Новгородского и Псковского княжеств: «просвещенные и даже утонченные обычаи псковитян сменились обычаями московитов, почти во всех отношениях гораздо более порочными».

Одна из титульных тем (которая потом перекочует к автору «России в 1839 году») – холопский менталитет русских. Едва ли не самая знаменитая цитата из Герберштейна: «Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе».

Герберштейн во время путешествия по России. С редчайшего офорта Гиршфогеля, 1546 г., из собрания П. Я. Дашкова // Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. – СПб., 1908

Великий князь отбирает у своих послов подарки, которые они получили заграницей, освободившиеся по смерти господина холопы заново продают себя в рабство, служивые люди не получают жалования, а наоборот, тратят свои деньги на государевы нужды, – везде внимательный взгляд австрийского дипломата замечает признаки отсутствия у москвитян личной свободы. Даже форма калачей, поданных послу на торжественном обеде в его честь, «знаменует для всех, их вкушающих, тяжкое иго и вечное рабство».

В общем, «трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким».

Кто разделяет мнение барона Герберштейна – не патриот однозначно, хотя с некоторыми упреками дипломата трудно не согласиться: «неизменный обычай московитов – держать все под спудом и ничего не приготовлять заранее, но если приступит нужда, тогда только все делают впопыхах».

Да и русская женщина, добровольно уходившая вслед за своим господином в мир иной, как это описано у ибн-Фадлана, ничуть не изменилась за прошедшие шесть столетий.

Цитата:
«Есть в Москве один немецкий кузнец, по имени Иордан, который женился на русской. Прожив некоторое время с мужем, она как-то раз ласково обратилась к нему со следующими словами: «Дражайший супруг, почему ты меня не любишь?» Муж ответил: «Да я сильно люблю тебя». «Но у меня нет еще, – говорит жена, – знаков любви». Муж стал расспрашивать, каких знаков ей надобно, на что жена отвечала: «Ты ни разу меня не ударил». «Побои, – ответил муж, – разумеется, не казались мне знаками любви, но в этом отношении я не отстану». Таким образом немного спустя он весьма крепко побил ее и признавался мне, что после этого жена ухаживала за ним с гораздо большей любовью. В этом занятии он упражнялся затем очень часто и в нашу бытность в Московии сломал ей, наконец, шею и ноги».

››

Оцуки Гэнтаку, Симура Хиорюки, «Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях»

Япония, XVIII век

Маленькое торговое суденышко из Японии в 1773 году выбросило к берегу русского острова Атка (который теперь штат Аляска). Моряков препроводили в Охотск, а потом в Иркутск, где они прожили восемь лет. В 1802 году Александр I искал повод отправить посольство в Японию и нашел.

Несколько недель жертв кораблекрушения принимали в Петербурге как дорогих гостей – показали город, отвезли в Царское Село, в театр, в планетарий, в Кунсткамеру, – а потом посадили на корабль до Японии. Корабль назывался «Надежда», капитанил там Крузенштерн, и это было первое русское кругосветное путешествие.

Русское посольство, по традиции, успехом не увенчалось: японцы не хотели ни торговать, ни даже просто общаться с соседями. Четверых «дрейфовщиков» мигом доставили в резиденцию главы клана Мияги для допроса. По факту эти четверо были не только первыми японцами, совершившими кругосветное путешествие, но и вообще первыми в истории Японии ее гражданами, которые побывали в Европе и вернулись на родину.

Медный всадник, нарисованный по описанию японских рыбаков. К рисунку японцы сделали пояснение, что изображенный на нем монарх убил белую змею, творившую зло, что и отражено в памятнике.

Аттракцион в парке

Оцуки Гэнтаку и Симура Хиороюки, значащиеся на обложке книги как ее авторы, допрашивали моряков сорок дней. Кроме того, к ним был приставлен и художник, который со слов моряков зарисовывал жилища чукчей, виды Петербурга и жителей Полинезии, причем «дрейфовщики» поправляли художника, если он рисовал неточно.

«Умственно ограниченные дрейфовщики, увидев то, что попадало в их поле зрения, видимо, не могли оценить ничего. Можно только пожалеть, что их внимание привлекало, почему-то, одно лишь несущественное», – сетуют допрашивающие, но Бог его знает, что показалось бы существенным им самим. Моряков же взволновало, среди прочего, что в стране Оросийсукой люди пьют коровье молоко; мало того что сами пьют, еще и детям дают (почему у тамошних матерей так мало молока, что они не могут выкормить сами?). Женщины никогда никому не показывают грудь, а жениться на той, которая была проституткой, почему-то нельзя. Если кто-то чихает, то ему желают здоровья. Примерно в тех же выражениях, наверное, рассказывали бы о землянах вернувшиеся на Альфа Центавру инопланетяне.

Цитата:

«Яйца красят, варя их в скорлупе с деревом сухо. От других людей яйца получают в подарок со словами: кэрэсутосу осу кэрэсу, и сами отвечают: исутэнно кэрэсу, дарят яйца и друг с другом встречаются ртами. Однако этого никогда не делают те, кто к такому вероисповеданию не принадлежит. Моряки слышали, что единоверцы обязательно приносят в этом клятву.

Кэрэсуто дзэн означает тот день, когда воскресло к новой жизни главное божество, будда-основатель. Когда говорят на упомянутой дороге, – то, что произносят вначале, означает: поздравляю с праздником будды-основателя. Тот, кого приветствуют, как будто, отвечает: действительно, так оно и есть».

Астольф де Кюстин, «Россия в 1839 году»

Франция, XIX век

По официальной версии, второстепенный французский литератор Астольф де Кюстин посетил Россию просто из любопытства. По неофициальной – хотел уговорить Николая I вернуть родовое поместье своему молодому польскому любовнику. А публикация «России в 1839 году» – не что иное как месть Николаю за то, что отказал.

Так или иначе, опубликованная в 1843 году книга католического фанатика, убежденного монархиста и французского патриота де Кюстина стала без всякого преувеличения самой известной книгой о России всех времен и народов.

Запрет на печать ее в Москве де-факто продержался аж до 1996 года, что, естественно, только подогревало интерес к тексту. Для русских либералов маркиз де Кюстин стал иконой, а его книга – источником, из которого удобно таскать умные цитаты для новых колонок. Для патриотов и почвенников француз – воплощение зла и герой разоблачительных сюжетов.

В России маркизу не понравилось решительно все – от климата и архитектуры до нравов и женщин. Петербург мерзок, деревья уродливы, крестьяне жулики, в гостинице клопы, матраца не достать, но главное – рабский менталитет русских, их глупость, ханжество и подобострастие, их заискивание перед Европой.

По душе маркизу пришелся один только император Николай – «жандарм на троне» – Первый («по правде сказать, я изо всех сил противлюсь влечению, которое он во мне вызывает») – божественный, тонкий человек, интеллектуал, он все понимает, но вынужден смириться со своей ролью головы шестидесятимиллионного тела.

Стиль письма выдает тщательное знакомство автора с лучшими образцами литературы сентиментализма, что сделало бы маркизу честь, родись он лет на пятьдесят пораньше.

Мстислав Добужинский.Город в николаевское время

Группа российских крестьян за столом. Астольф де Кюстин записал: «Россияне намного больше обеспокоены тем, чтобы заставить нас поверить в их цивилизованность, чем тем, чтобы на самом деле стать цивилизованными»

Цитата:

«Чем больше я узнаю Россию, тем больше понимаю, отчего император запрещает русским путешествовать и затрудняет иностранцам доступ в Россию. Российские порядки не выдержали бы и двадцати лет свободных отношений между Россией и Западной Европой. Не верьте хвастливым речам русских: они принимают богатство за элегантность, роскошь – за светскость, страх и благочиние – за основания общества. По их понятиям, быть цивилизованным – значит быть покорным; они забывают, что дикари иной раз отличаются кротостью нрава, а солдаты – жестокостью; несмотря на все их старания казаться прекрасно воспитанными, несмотря на получаемое ими поверхностное образование и их раннюю и глубокую развращенность, несмотря на их превосходную практическую сметку, русские еще не могут считаться людьми цивилизованными. Это татары в военном строю – и не более».

››

Герберт Уэллс, «Россия во мгле»

Англия, XX век

Хоть Герберт Уэллс прибыл в Советскую Россию к своему другу Максиму Горькому как частное лицо, от писателя-фантаста, суперзвезды и безусловного морального авторитета ждали (и тут, и там) ответа на вопрос: с кем он? С Черчилем («задушить большевизм в колыбели») или с бастующими английскими рабочими («руки прочь от России»)?

Приговор Уэллса, опубликованный сначала в шести номерах The Sunday Express, а потом и отдельной брошюрой «Россия во мгле», был таков: притом, что Маркс идиот, а большевики не умнее его, – в русской катастрофе виноваты не они (на чем настаивал Черчилль), а империалистическая война, хищнический капитализм и бездарный царский режим. Как бы ни было неопытно советское правительство, люди в нем работают честные и увлеченные, никакое другое правительство в России невозможно, пытаться его «задушить» – бессмысленно и опасно.

Трамваи обвешаны людьми – кто не удержался, падает на рельсы, под колеса. Нобелевский лауреат Павлов проводит эксперименты в заваленном картошкой и брюквой кабинете. «У крестьян сытый вид». Заваленные никому не нужным антиквариатом особняки. Неорганизованность и разгильдяйство. Расстрелы, без которых была бы анархия. Вкусный обед в школе. Падение нравственности среди молодежи. Шаляпин умудряется вести почти такую же жизнь, как прежде. Похожее на веселый митинг заседание Петросовета. И, наконец, «кремлевский мечтатель» – человек «поразительной творческой силы» – «щурит один глаз», допытывается, когда же в Англии вспыхнет революция, и обещает за десять лет полностью электрифицировать страну. Россия, которую увидел Уэллс, – это каша из нелепостей и противоречий.

Попав в Петроград 1920 года, в это карнавальное поле, невозможно было не вляпаться в скандалы и курьезы. Ночью в комнату, где спал Уэллс, пробралась Мария Будберг, любовница Горького и это было началом многолетней мучительной l'amour de trois. На торжественном обеде в уэллсову честь в бывшем Елисеевском магазине пожилой писатель Амфитеатров устроил истерику, предложив присутствующим снять пиджаки и показать заморскому гостю, какое под ними «грязное рванье», а вслед за ним поднялся юный Шкловский: «Вы нам устроили блокаду, мы это не забудем!»

Герберт Уэллс (в центре) с героями Октябрьской революции

Герберт Уэллс и кремлевский мечтатель

Цитата:

«Объем книги не позволяет мне остановиться на всей той работе в области просвещения и воспитания, с которой мы познакомились в России. Я хочу сказать лишь несколько слов о доме отдыха для рабочих на Каменном острове. Это начинание показалось мне одновременно и превосходным и довольно курьезным. Рабочих посылают сюда на 2-3 недели отдохнуть в культурных условиях. Дом отдыха – прекрасная дача с большим парком, оранжереей и подсобными помещениями. В столовой – белые скатерти, цветы и т. д. И рабочий должен вести себя в соответствии с этой изящной обстановкой; это один из методов его перевоспитания. Мне рассказывали, что, если отдыхающий забудется и, откашлявшись, по доброй старой простонародной привычке сплюнет на пол, служитель обводит это место мелом и предлагает ему вытереть осквернённый паркет...»

Lonely Planet, «Russia and Belarus»

Австралия, XXI век

Австралийское издательство – мировой лидер по выпуску путеводителей – взялось за гид по России еще в начале двухтысячных. Англоязычный авторский коллектив состоял из семи страстно любящих нашу страну мужчин и одной закутанной в меха девушки. Они ездили по Транссибу, бродили по Камчатке, пробирались на Чернобыль и пили в московских клубах. В итоге получился почти 800-страничный талмуд, призванный дать иностранцам исчерпывающую информацию о том, чем же хороша страна, занимавшая в свое время одну шестую часть суши.

Россия в путеводителе Lonely Planet – это новая Греция: в ней есть все. Есть самое глубокое озеро в мире (Байкал) и самая высокая гора Европы (Эльбрус). Есть мегаломанские мемориалы советских времен и буддийские храмы. Есть насквозь коррумпированная милиция и железобетонная бюрократия. Есть удивительной душевной широты люди.

Есть и новая для российского читателя информация – хорошо все-таки работает транснациональная разведка Lonely Planet. Новгород, например, это первая столица нашей родины, а Томск – самый обаятельный город Сибири.

Россияне в большинстве своем зарубежным экспертам не верят. Блогеры посмеиваются над предостережениями типа: «Женщинам-путешественницам стоит знать, что большинство русских мужчин агрессивны, не знакомы с правилами приличия и склонны рассматривать женщин в качестве сексуальных объектов». А московские чиновники так и вовсе оскорбились за златоглавую, вычитав в путеводителе Lonely Planet, что Москва «пронизана коррупцией» и в ней «разрешена проституция».

Впрочем, на судьбе гида Lonely Planet это никак не сказалось – он выдержал уже 5 переизданий и, скорее всего, переживет еще как минимум столько же.

Matryoshka dolls for sale at souvenir market on waterfront in Listvyanka village on Lake Baikal

Moscow. Soviet era motor car advertising a clothing store

Moscow. Fluffy shapka for sale in Escada

Цитата:

«Не ездите в Россию без:

1. Визы;
2. Уверенности в безопасности места, куда вы отправляетесь: путешествовать по таким регионам, как Чечня и Дагестан может быть опасно;
3. Очень теплой одежды и длинного пальто, если вы отправляетесь в Россию зимой;
4. Водонепроницаемой, удобной обуви на толстой подошве;
5. Сильного и проверенного репеллента – если вы едете летом;
6. Чувства юмора;
7. Запасов обезболивающего и других средств, которые могли бы спасти вас от похмелья.

<...>

«Нормально» – именно так русские чаще всего отвечают, на вопрос о том, как им живется. Не «хорошо», не «плохо» – а «нормально». Так стала ли Россия, пережив авторитарный советский режим и экономический хаос ельцинских 90-х, более нормальной при Владимире Путине? В чем-то да, а в чем-то и нет». ◘

Антинародный поэтический режим

Хокку Дмитрия Медведева.

В распоряжении «Журнала Соль» оказалась рукопись, способная произвести сенсацию в русском литературном мире. Это сборник хокку (хайку), написанных президентом России Дмитрием Медведевым. Авторство не вызывает сомнения: на подлинность документа указывают опрошенные журналом эксперты-филологи. Они также отрицают слухи о том, что хокку могли быть созданы группой «литературных рабов», либо анонимных авторов, решивших повторить успех Козьмы Пруткова: публикуемые ниже стихи выдают поэта с головой. Перед нами – образчик высокого царского стиля поздних нулевых; документ в своем роде совершенный, уникальный; если угодно – недописанная поэма о стране и ее народе.

Отрадно, что стихи президента Медведева, несмотря на заигрывание с восточными мотивами (а какой начинающий, только нащупывающий свою тему автор хокку не заигрывает с восточными мотивами), припадают к лону русской гуманистической традиции. В этих строках – внимание и любовь молодого литератора к маленькому человеку: моряку, солдату, терпящему бедствие украинцу, поедающему гамбургер негру. В этих изысканных хокку – словно в зеркале – отражается жизнь огромного государства и каждого его отдельного гражданина.

Отметим также, что поэту не всегда удается уложиться в классическое трехстишие слоговой структуры 5–7–5, но к чему эти тонкости. Ведь перед нами пусть неумелая, однако настоящая поэзия.

Кстати, японский опыт учит: пока сегун управляет страной, император сочиняет стихи.

1.
Когда беда – сторонних нет.
Был разговор с Сердюковым.

Минобороны
разворачивает помощь
в тушении пожаров.

2.
Переименование милиции в полицию –
вещь смысловая.
Это переход от советской системы
к современной,

честной
и дееспособной.

3.
Перед президиумом Госсовета
побывали на нескольких предприятиях АПК
в Саратовской области,

заехали в продуктовый магазин
и на рынок.

4.
Рабочие профессии у нас, мягко говоря,
не популярны.

Это неправильно.
Такие специалисты –
очень важная часть
экономического процесса.

5.
Должна заработать очень простая
логика:

образование должно отвечать
запросам экономики.

Нужен очень четкий заказ
на конкретных специалистов.

6.
Боно рассказал о своих проектах.
Это действительно большие дела.

Говорили о борьбе со СПИДом
и полиомиелитом.

Эти проблемы касаются
всех стран.

7.
По большому счету
во многих деревнях, пострадавших от пожаров,
и раньше жизнь была не сахар.

Возродить их нужно
уже на новом уровне.

8.
Без инвестиций и новых рабочих мест
в Дагестане не будет спокойно.
Без борьбы с бандитами
не будет инвестиций
и развития экономики.

9.
Каждая семья – это не только муж и жена,
но еще мама и папа,
бабушки и дедушки,
и главное – дети.

10.
Давно не ел гамбургеров.
Завтрак с Бараком Обамой
в Ray's Hell Burger.

11.
Наградил сегодня
моряков-тихоокеанцев
за мужество в борьбе с пиратами.

С этой угрозой
Россия будет бороться и дальше.
Отсиживаться не будем.

12.
Встретились с Саркози и Меркель.
Обсудили общие подходы
к темам G20.

Поздравил Ангелу с победой
на ЧМ в ЮАР.

13.
Их снимки видят все, а их самих – мало кто.
Тем более они всегда
прячутся за объективами.

14.
Депутаты должны следить
за явкой на заседаниях парламента.
Просто стыдно смотреть
на пустые кресла.

На работу надо ходить.

15.
Миграционные правила
должны быть четкими и понятными –
чтобы их было проще соблюдать,
чем нарушать.

16.
Наводнение на Украине: затоплены тысячи домов,
в зоне бедствия – около 250 тысяч человек.

МЧС РФ
поручено оказать
необходимую помощь.

17.
Пока я фотографировал коттедж,
фотографировали
меня.

18.
Считаю, что борьбу с наркотрафиком
нужно вести глобально,
а не отдельно – в Афганистане,
Колумбии или где-то еще –

тогда будет результат.

19.
«Кремниевая долина» –
это, прежде всего, люди,
а потом – деньги,

какие-то иные возможности.

20.
Наше Сколково должно превратиться
в систему, которая как губка
впитывает самых разных
людей и их идеи.

Но это не делается
по распоряжению.

Источник:
http://twitter.com/KremlinRussia
Другие хокку Дмитрия Медведева
читайте на сайте http://saltt.ru

Подготовили Иван Колпаков и Иван Давыдов

Вопросы: Андрей Громов
Фотографии: Митя Алешковский, личный архив Глеба Павловского

Режим нулевых мыслил себя как временный

Главный политтехнолог России Глеб Павловский считает, что нулевые – это апофеоз девяностых.

Глеб Павловский, наверное, самый влиятельный и, безусловно, самый известный политтехнолог нулевых. Собственно, в самом начале этих самых нулевых его имя было чем-то вроде символа политических технологий в России. А сам он представлялся демоном-демиургом, создающим не только образ новой власти и ее идеологию, но едва ли не саму власть. Тем интереснее было говорить с Глебом Павловским о 2000-х. Причем не в жанре политтехнологических баек (про то, «как они устроили дефолт», «как мы придумали Путина» и проч.), а про то, что живо и насущно сейчас, когда нулевые силятся сами себя завершить.

– Глеб Олегович, позволю себе сразу задать максимально общий вопрос. Что такое Россия нулевых? Не конкретные детали, а, что называется, с высоты птичьего полета, с высоты истории?

– Нулевые – зенит утопии новой России. Государства, в котором мы живем и о котором говорим, никогда раньше не было. Даже идеи такой не было. Идея о России в пределах РСФСР явилась сперва как нелепица, злая шутка Распутина в 1989 году «о выходе России из состава СССР». Но пошла лавина, и шутка перестала быть шуткой, немыслимое стало бытом. Чтобы выжить, пришлось бежать впереди лавины. Импровизируя, чтобы выжить. Россия строилась и продолжает строиться на основе импровизации, где в дело идет абсолютно все, что есть под рукой. Советская жизнь такому выучила – «лепить из того, что было». Нет никакой разницы между нищим московским инженером в майке и трусах, который в жару 1972 года спасался так – обливал марлей деревянную рамку, ставил в тазик с водой, а с другой стороны включал вентилятор, – и тем же человеком в 1989-м, который, став милостью перестройки выборным директором завода, вывозит автобусами рабочих митинговать на Манеж против Горбачева, а тем временем переписывает завод на себя лично через незаметный троицкий кооперативчик. Мы иногда с ним встречаемся на международных авиарейсах, и он улыбается мне улыбкой авгура. Он все тот же импровизатор. И далее, от 90-х – к нулевым, весь инжиниринг России основан на импровизации. Импровизация стала идеологией – что из того, что мы ничего не знаем? Сделаем, и узнаем! Try it – пусть это ненаучно, незаконно, пусть неверно вообще! Нулевые в основе своей – продолжение 90-х, продолжение процесса строительства новой России на основе импровизации.

Миллионы девяностых превращаются в миллиарды нулевых, но вместо проработанных планов — по-прежнему импровизации из подручной дряни.

Основную идею нынешней российской власти Павловский сформулировал так: нам нужна неуничтожимая Россия, а какая она будет – плевать!

– Продолжение и завершение этого процесса?..

– А нет никакого завершения. Нулевые – это, скорее, триумф 90-х, но никак не финал. Принципы и механизмы – те же. Позавчера марля, вчера миллионные кредиты Мирового банка на «реформы»... Затем полная безнадега и страх конца 90-х – как вдруг победа Путина с избавлением от страха. Миллионы девяностых превратились в газомиллиарды [нулевых]. Но вместо проработанных планов – по-прежнему импровизации из подручной дряни: марля или миллиарды, разницы нет. Формула нулевых та же, что и в 90-х – проще сделать, чем доказывать; проще победить, чем договориться. Лучшее из доказательств – успех, свершившийся факт.

– Значит, различия между 90-ми и нулевыми не так значимы, как принято считать?

– Глобально их вообще нет. Зато есть ряд рубежей. Во-первых, важен был сам переход. При переходе власти в конце 1999-го так развивались события, что когда обозначился выбор, на него были сделаны максимальные ставки – все или ничего. В итоге победители восприняли свою победу как абсолютную. Впрочем, проигравшие – и это тоже важный момент – свое поражение как абсолютное не восприняли. Они-то чрезвычайных ставок не делали. Некоторый страх поначалу был, а ощущения катастрофы не было. Первые три года – это время инклюзивной политики – все, кто не против нас, те с нами. Идите к нам, места и дел всем хватит. Еще не был выбран президент, а в Думе по факту сформировалась коалиция из недавних непримиримых соперников на выборах – «Единства», «Отечества» и КПРФ. С одной стороны, инклюзивный порыв – всех поймем, всех включим! А с другой – сектантский дух собственно команды Путина. Здесь вот, между 1999-м и 2000-м, есть важный порог, где импровизированный штаб выборов переходит в импровизацию команды власти. Имя команды – Путин. Механизмы импровизации закрепляются новым режимом, но остаются прежними. И кстати, был ли режим? Режим или театральная имитация «диктатуры свершившихся фактов» – просто чтобы отвязались и не мешали работать?

Команда узка, слишком отличает себя от остальных – вот «наши», а вот «не наши». Окончательно оформляется жестко выделенный центр в Кремле – нигде кроме! Здесь, и только здесь еще возможна свобода конструирования. Принцип конструирования, в то же время, окончательно перестает быть публичным, каким был до 1999-го. При этом само конструирование еще достаточно открыто и использует все инструменты публичной политики. Импровизация на подручной основе – что легло под руку, то и идет в дело. ››

Нулевые

2000-е были, конечно, запоминающимся временем, но каким-то бессмысленным. Эпоха сама себя уравновесила, сама себя отменила. Результатов и правда немного (что-то около ноля). Но наблюдать, а тем более участвовать в происходившем, было крайне интересно.

«Нулевые» – проект интернет-газеты «Соль», в котором важные для нулевых персонажи (герои, участники событий) вспоминают, какой была эта эпоха – и, что более существенно, пытаются понять, почему она была именно такой. «Журнал Соль» представляет проект «Нулевые» беседой с политтехнологом Глебом Павловским. Полную версию этой беседы, а также другие интервью (с Александром Приваловым, Алексеем Навальным, Максимом Кононенко, Михаилом Боярским, Андреем Ковалевым и прочими) читайте на сайте http://saltt.ru.

– То есть видимая ставка путинской команды на воспроизведение советских образцов – это не сознательный выбор, а просто всего советского было много непосредственно под руками?

– Ну да. Группа юных техников попала на склад стратегических запасов и 20 лет с ними играла. Играла с промышленностью, с деньгами, с политикой и идеологией. Детки росли, средства убывали, а принцип конструирования – перанто – и разговор пошел. На основе советского здравого смысла возникает импровизированный дискурс – Союз в могиле и не вернется, так устроим себе несоветскую, но нормальную жизнь. Возникает дискурсивная нация. С советским пониманием нормы как зажиточного невмешательства.

– А насколько было значимо усиление силовых структур и изменение их роли в государстве с приходом Путина?

структуры, Путин вобрал их внутрь власти такими, какие были. В том деградированном виде, куда они скатились за 90-е, когда либерализацию исполнительной власти сдали, разменяв на «либерализацию экономики».

Вообще, садизм в исполнительной власти после советского времени вырос на порядки. Интересно, что никто у нас не исследует, почему и как из демократической повестки тихо выпал либеральный раздел – гуманизация исполнительной власти, десадификация ее, приоритет защиты личности. После 1993-го весь либеральный пакет, за жалким исключением «экономических реформ», – идет лесом. Исполнительная власть деградирует. Зато президентство, став коленным валом «реформ», закрепляется как особая ветвь власти. Элементы, из которых строилось государство нулевых, взяты из 90-х. Инструменты, принципы действия те же. Верховная власть президента как «власть властей» – это вообще ельцинское наследство. Россия Ельцина существовала только в границах власти главы государства. Конституция это двусмысленно закрепила, а Путин подхватил и развил.

Но других ментов и прокуроров не было, а в импровизациях, когда собираешь силовой контур из чего ни попадя, некогда быть разборчивым.

Идею «зафиксировать суверенную прибыль» В. Сурков (справа) воплотил в концепции суверенной демократии

тот же. Читай «Повелителя мух». Но что действительно важно: советские образцы позволили решить вопрос языка. Ведь в 90-е ни у власти, ни у общества нет общего языка. От одних требуют признать себя красно-коричневыми, других клеймят либерастами, война рас – общий разговор исключен. Тут вдруг приходит Путин со своим ленинбуржским эс-

– Любой президент в 2000-м столкнулся бы с фактом, что власть главы государства выронила исполнительную власть. Выронила армию, выронила правоохрану – страшный риск. Что там у силовиков творилось 10 лет, пока заводы отгружали бартерную картошку в казармы по звонку губернатора, вообще мало кто знал. Возвращая силовые

– Ну да, это не очень надежная конструкция, когда детали от разных типов конструктора прилажены друг к другу. По-моему, это очевидно...

– Зато есть «люди дела», со связями и знанием, что к чему, они и прилаживают. Импровизированные системы в каждый отдельно взятый момент безальтернативны – решения

оцениваются «на зубок» и вытягиваются «на зубах». Сегодня у нас единственно возможное решение, а назавтра другое, но также единственно возможное. В итоге система беспамятна: сделанное вчера решало вчерашние задачи, а решать сегодняшние не помогает, часто мешает. Система памяти не имеет, потому что вынесенная память у нее в одном месте – в Кремле. Кремль переигрывает всех по быстроте импровизаций (активность, быстрота маневра, всегдашняя фора, пока все ошеломленно соображают, что стряслось). Он первым ставит проблемы заодно с предлагаемыми решениями. И мало-помалу привыкает к первенству, недоброжелательно глядя на альтернативных импровизаторов. Тем более в бездействующем обществе представление о рисках выветривается. Зато в Кремле помнят все. Здесь единственное место, где риски и кризисы прошлого сохраняют актуальность. Здесь помнят все, от Горбачева и Беловежья до Югославии и «оранжевой революции». Генералы готовятся к прошлой войне? Да у нас тут генштаб подготовки ко всем войнам прошлого сразу!

– Поддержание стабильности системы напрямую зависит от концентрации власти и полномочий в этом центре?

– Да. И система на это активно работала. Собственно, могла бы работать и дальше. Идеальным вариантом самосохранения системы был третий срок Путина. И еще большая концентрация власти. Однако Путин не пошел по этому пути и этим в каком-то смысле сам остановил машину импровизаций. Не знаю, насколько он догадывался о последствиях. Разумеется, он не думал демонтировать систему – достаточная концентрация власти сохранялась. Скорее, думал взять паузу и спокойно разобраться, что же такое у него вышло. Поставим корабль в сухой док, спокойно все системы проверим, поменяем запчасти, может, даже закажем новый двигатель – модернизированный. И двинемся в путь дальше, уже как нормальное государство. Другое дело, что спокойно не вышло, сухого дока не нашлось – кризис! А мирового кризиса-то наш генштаб не помнит, мы к нему не готовились.

– А если бы не кризис?

– Я думаю, путинская мечта о передышке на модернизацию была утопична. Для успеха советских погребов недостаточно – там почти ничего не осталось. Но ведь есть не только советские погреба. Мы застаем систему в интересный момент, когда устами Медведева она объявила себя отсталой. Это парадоксальное признание – мы успешно реализовали утопию, и вдруг – мы отстали! Система пытается взбодрить себя пугающим термином «отсталость». Подстегнуть себя к новому туру импровизаций. Она обращается к привычному перфомансу.

В центре нулевых — ослепительная власть Путина, которая сперва загадочным образом усиливается, а потом становится совершенно безальтернативной.

– Каковы механизмы работы этого перфоманса?

– Транс чрезвычайности. В центре нулевых – ослепительная власть Путина, которая сперва загадочным образом усиливается, становится безальтернативной... Загадочный ужас элит. Откуда взялся этот ужас, не вполне ясно, – еще никого не кошмарили, а страх ведь был очень ощутим, и в бюрократическом классе, и в бизнесе.

– Но все-таки Ходорковского посадили.

– Страх возник задолго до дела ЮКОСа. Опасный Путин – этим повеяло сразу, Волошин уже в 2000-м со смешком предлагал олигархам памперсы. В 2003 году Путин просто материализует и использует этот страх. И не забудем, что с 2001-го, на волне американской войны с террором, возникает мировой Путин. В каком-то смысле Путин – «инфант Буша», военного императора мира. Без 11 сентября феномен Путина не приобрел бы мировой масштаб, и того Путина, каким мы его знаем, не было...

Для импровизатора важен первый момент удачи – когда он цепляет и захватывает дух аудитории. Дальше он должен ее удержать, не дать ее у себя увести. Своим заявлением 11 сентября Путин поймал мировую волну и старался ее не терять. Не терять – означало играть в большую мировую политику на своих условиях. Наверняка была идея о возможности какого-то дуумвирата двух президентов-импровизаторов, пока американцы нас не обломали. Но к тому времени Путин уже сам вышел на большую сцену, с интуицией глобального куша. Убежден, что если б не вторжение американцев в Ирак, ЮКОС был бы жив.

– Как повлияла эта история на внутреннюю импровизацию Путина? Имело ли значение для внутренний политики его глобальное движение?

– Думаю, у нас была бы менее яркая и более прозаическая политика. Возможно, менее импровизированная. Но ведь с 2001-го мир просто взбесился, одновременно с ценами на нефть и газ. Кто только не пытался на этом сыграть, и руководство ЮКОСа одним из первых. Вся эта проамериканская, пестрая среда, для которых нулевые казались конечным подтверждением их правоты в девяностые... На деле политически страшно слабые, они путались под ногами в глобальной игре, особенно когда стало ясно, что американцы не станут играть с нами вместе. А это спровоцировало вал импровизаций внутри страны... Была попытка зафиксировать суверенную прибыль, что ли. Здесь появляется мысль о суверенитете как реальной ценности и как мифологическом Левиафане.

При этом Путин не стал прятаться ни в какую «крепость Россию». Наоборот, у него возникает собственная версия глобализма – финансы, энергетика, суверенитет! Идея силы окончательно отделяется от маломощных и вороватых «силовиков», которых он хорошо разглядел. Его формула становится другой – сильные финансы плюс энергетика и порядок. В сущности, и это была импровизация, «газокудринская» вертикаль власти 2004–2007 годов. Но уже в 2007 году она Путина несколько разочаровала. Он утомлен.

– Вот в ваших словах прозвучало определение «газовая вертикаль». На самом деле, если ты сидишь на газовом потоке, если именно эти экономические ресурсы создают и обеспечивают твою власть, именно они обеспечивают силу России, то, наверное, на все остальное будут обращать внимание постольку поскольку. Какие институты нужны для газовой вертикали? Какая милиция? Какая налоговая служба? Похоже, что никаких нормальных институтов не нужно, а нужно именно то, что есть. При этом менять что-то – газовая вертикаль может повалиться, а вместе с ней и власть определенной группы, или, если не столь меркантильно, – сила России. ››

– Ну, провала бояться – в Кремле не бывать. Ядро команды собралось из тех, кто – раз не побоялся, два не побоялся... Импровизировали всегда из внезапно найденного ресурса и выигрывали. Да, это черта временной власти. Газ обеспечивал лишь временную гегемонию, однако дело в том и состоит, чтобы выиграть время!

– Можно ли так сформулировать: кроме сырьевых ресурсов, над которыми установлен жесткий контроль, система держится на личном контроле Путиным важнейшего ресурса – социума. И, более того, – контроль над сырьевыми ресурсами возможен только при контроле над социумом?

– Конечно... Собственно, страх перед Путиным – это страх собственного социума. Стремительность, с которой он получил контроль, обусловлена этим главным страхом. У нас ведь не просто новое государство – у нас государство, в центре которого находится большинство, которое признает гегемонию правящей группы, ассоциируемую с Путиным, а сейчас и с Медведевым. Большинство определяет рамки консенсуса. Согласие на консенсус не абсолютно, у него есть какие-то пределы. На уточнение этих пределов тратят силы и ресурсы, их стараются не нарушать.

– А не связан ли этот феномен десятилетнего путинского большинства с абсолютным безразличием большинства населения? Лояльным безразличием – делайте, что хотите, мы к вам лояльны, потому что вы власть, а что именно вы делаете и что будет со страной – нам все равно. Хуже, чем в начале 90-х, не будет, а все остальное нас не волнует.

– Есть и такое. Но есть и эффект аберрации. Вы видите безразличие в том, что им не является, поскольку у вас ритуальное представление об активности и лояльности. Я вижу в этом нехватку интереса к жизни людей, для которых уже невмешательство власти в их жизнь является ценностью, чудом, исторической новизной. А от них ждут соответствия ритуалам – ритуалам протеста либо ритуалам лояльности. Размножаются поставщики этих ритуальных услуг. Кстати, «охранители» мало связаны с большинством и представляют его не больше, чем несистемная оппозиция. На деле путинское большинство очень плюралистично, оживлено и не представляет собой монолит с общими ценностями. К тому же оно обновляется со временем. Выделяются группы ограниченно лояльных, условно лояльных... И все это вполне измеримо.

Путин вернул людям то, ради чего они голосовали когда-то за Ельцина — мечту о колбасном царстве Ивана-дурака на печи.

– А есть что-то интересное в истории развития и изменения этого путинского большинства, кроме самого уникального факта, что оно держится десять лет?

– Два момента. Первый – превращение ситуативного электорального большинства 2000 года всего за год-два в небывалый социально-политический институт – переход так толком и не объясненный. Вторая странность началась примерно с 2008-го, когда путинское большинство отозвало свой безусловный мандат, хотя и условий никаких не выставило. Большинство возникло в экзальтации 1999-го и поначалу казалось временным. Путин долго об этом помнил. Но потом оказалось, что дело не в предвыборной раскрутке. Ажиотаж спал, а большинство осталось. Оно получило от Путина двойной положительный ответ – на страх перемен, связанных с уходом Ельцина, и на чувство освобождения от его ухода. Со временем это перешло в признание Путина, а затем в признание президентской власти как исчерпывающей Россию.

– Многие говорят, что очень значимо было то, что Путин воспринимался как спаситель России от распада, от злых губернаторов, разрывавших ее на части.

– Мне кажется, роль сценария распада России преувеличена. Хотя угроза была, и такой сценарий среди прочего был реален, особенно в случае победы антиельцинского блока Примаков–Лужков, с неизбежной войной между ними. Распад был возможен, пока Россия сохраняла неполную, условную легитимность. Россия 90-х – это ведь полузаконное государственное формирование, чья легитимность признавалась в границах его слабости. Сил государства должно хватать на сдерживание двух потенциалов – ядерного, во-первых, и русского народа, во-вторых. Последнего на Западе считают за страшного зверя, опасного от природы, вроде оружейного плутония...

Но самим населением угроза распада не воспринималась как значительная. Распад был травмой 1991 года, и даже война в Чечне понималась в народе как реванш за 1991-й. Путин утверждался в сознании как президент, борющийся и повергающий своих врагов. Губернаторов среди прочих.

Куда важнее с точки зрения огромного большинства людей, что Путин был человеком, который восстановил справедливость. Элиты эту сторону дела никогда не воспринимали всерьез. Но в стране была масса людей, у которых задолженности по пенсиям и зарплатам составляли не месяцы, а годы. При Путине, причем с первых же месяцев, когда еще нефтедеенег не было, людям стали возвращать долги. Справедливость восстанавливается, и тут же появляются деньги – чем не формула сбывшейся мечты!

Но тут заработал другой механизм: путинский приход воспринят был как восстановление правильного порядка жизни. До этого одни привычно ходили на завод, где не платили денег, другие бросали все в поисках нового дела, проявляли экономическую и социальную активность. И вдруг выбор неактивных был вознагражден! Их блудные деньги вернулись домой, их социальная и экономическая пассивность подтвердилась как норма порядка.

– Причем, как я понимаю, именно эта группа населения и стала основой путинского большинства.

– Да. И на тех же мечтаниях в 1990–91 годах формировалось ныне забытое, недолгое «ельцинское большинство». Помимо прочего, чудо Путина развернуло людей к их консюмеристской мечте, сгубившей политбюро: мечте о колбасном царстве Ивана-дурака на печи. Путин возвращал людям то, ради чего они голосовали когда-то за Ельцина, и они думали – так вот где они были, наши легкие деньги! Вот где золото партии – нефть, газ и порядок!

– То есть тоже получается, что нулевые – это продолжающиеся девяностые. В данном случае отложенные девяностые...

– И отсюда же соблазн демонизации 90-х, и спрос на нее со стороны путинского большинства. Девяностые казались просто сбоем в распорядке, согласно которому никто не обязан придумывать, где бы взять деньги на жизнь. Наоборот, это деньги должны быть доставлены на дом – в обмен на твое участие в распорядке. При твоем правильном и уместном социальном поведении. Это наименее модернизируемая сторона нашего социума, но она и составляет кредо путинского большинства. И основной заказ для власти – снизу.

– Но все-таки идеальная картина не совсем, чтобы получилась... Деньги, может, и приносят на дом, но не так чтобы достаточно. Та же квартплата съедает большую их часть. При этом нормальной работы как не было, так и нет до сих пор. В итоге люди, в том числе то самое ядро путинского большинства, недовольны, ворчат... Все больше и больше ворчат.

– Да, денег маловато, если не сравнивать вечно свою жизнь с дефолтом. Запасы кончаются. Это проблема, которая, собственно, сейчас становится актуальной. В описываемой картине мира, кроме крана, откуда капают социальные деньги, есть еще приватизированная кладовка, где хранят запас гречки. В кризис запасы гречки и долларов активно расходовались на государственном и на бытовом уровне. Сильно ощутим упадок, обеднение, социальная депрессия. Что, конечно, не значит, что люди переходят в протестное состояние, но они и к такому готовы.

Конечно, нулевые были утопией. Утопией наконец-то сбывшейся России. Господствовал принцип: нам нужна неуничтожимая Россия, а какая она будет – плевать! Лишь бы ее больше нельзя было сковырнуть. Россия, неуничтожимая, как США – думаю, и у Путина более глубокой идеи не было. Но бытом утопии стал поток импровизаций, бег наперегонки с демоном русского саморазрушения. С этим Левиафаном, который то собирается из людей и топчет их, то опять распадается, на них же, запуганных и бессильных. Вот вам вечная Россия, с которой всякий раз заключают пари, и всякий раз его не выигрывают. Сегодня она скреплена этой практикой импровизации государства – и центром, который импровизацию объявил, запустил и ведет. Есть группа, которая создала невозможную страну и ведет ее в будущее, сквозь кризисы и революции. Единственная норма этой группы, единственный ее закон – выдержать при очередном столкновении, отразить атаку на Кремль, сохранив единство проектного центра.

Режим нулевых мыслил себя как временный режим. Россия вечная, а режим – технический, временный. Дать передышку нескольким поколениям, которые потом уже будут что-то строить надолго. Да только ирония русской истории была тут как тут! Все более странные образы «первого непоротого поколения» – вот ютюбовский ролик «приморских партизан», едущих по шоссе, задирая встречных инородцев, навстречу собственной гибели. Вот еще один полуфинал нулевых. Его антиобраз – пентхаусы московских домоскребов. Неуютные чудища, откуда потомки господ положения могли свысока любоваться на людишек внизу. Сегодня их видно издалека, по безнадежным объявлениям-транспарантам, раскинутым меж колонн. Метровыми буквами – срочно продается пентхаус!

«Есть группа, которая создала невозможную страну и ведет ее в будущее»

Текст: Дмитрий Меркушев
Фотографии: архив участниц проекта

Женщина, куда вы прёте?

Девушки при власти: Дрокова, Задемидькова, Плещева, Орлова.

Мария Дрокова: «Канта я читаю с удовольствием»

Федеральный комиссар движения «Наши». В 2008-м награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени. 21 год.

— Вы уже несколько лет участвуете в российском политическом процессе. На ваш взгляд, как изменилась публичная политика?

— Я думаю, что сейчас качественно расширяется дискуссия и политическое поле.

— А о молодежной политике можно говорить как о сформировавшемся явлении?

— Если говорить о молодежной политике, то она стабильно развивается. Теория хаоса учит, что стабильность — явление динамичное. Движение «Наши», например, каким оно было несколько лет назад и сейчас — это разные вещи.

Вместе с этим молодежная политика сегодня развивается не только на уровне движений, но и на государственном, федеральном уровне. Молодежная политика выполняет задачи государственного развития. Три года назад главной задачей страны было недопущение «оранжевых» настроений, революции и вовлечение молодых людей в создание гражданского общества.

— Какие «государственные задачи» стоят перед молодежными движениями сегодня?

— Модернизация и молодежная политика неотделимы, хотя бы потому, что обе имеют дело с пространством будущего. Например, форум «Селигер» меняет свой формат. Он стал больше международным и инновационным, нежели политическим мероприятием. Есть и другие — Зворыкинская премия, «Инновационный конвент». Это все позволяет показать, что молодой ученый, инноватор, нужен государству. Эта задача уже не молодежно-политическая, но не менее сложная, чем задача по сохранению суверенитета и защиты страны от внешних посягательств, и требует больше усилий, квалификации и так далее. Это первое.

Второе. Выросло новое поколение молодых людей. Когда движение еще образовывалось, слово «патриотизм» не имело значения для поколения; молодые люди не идентифицировали себя как патриоты, не имели понятия, как патриотизм должен выражаться. Сегодня они имеют такое представление — они знают, что за патриотизмом должно быть дело, а не просто слова.

Мария Дрокова теперь заметно больше, чем просто «девочка, которая поцеловала Путина»

Проект «Валькирии»
Политика в России — дело традиционно мужское. Но так было до модернизации. Точкой отсчета в процессе феминизации русской власти можно считать март 2009 года. Накануне женского праздника президент Дмитрий Медведев заявил примерно следующее: что-то маловато у нас женщин-политиков. В проекте «Валькирии» «Журнал Соль» с удовольствием разбирается, кто же составляет эту небольшую властную группу. И ждет, когда молодые барышни захватят все ключевые государственные посты. Полные тексты интервью — на сайте http://saltt.ru.

››

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ, ЕДИНАЯ РОССИЯ, ВЛАДИМИР ПУТИН, ОППОЗИЦИЯ, НАШИ, МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ, МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА, ВЛАДИСЛАВ СУРКОВ, ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА, ЖЕНЩИНЫ

– Это какие такие дела?

– Современный молодой человек понимает, что патриот – это непременно профессионал, который заботится не только о развитии страны в целом, но и о собственном личностном росте. И я думаю, что именно появление молодежных движений повлияло на формирование такого отношения.

– Так и должна выглядеть наступившая суверенная демократия?

– Такая риторика – наступила, не наступила – попахивает коммунистическими лозунгами, которые обещали, что к такому-то году мы будем жить в стране социализма, а завтра будет коммунизм. А демократия – это явление, стабильность которого можно поддерживать, только развиваясь дальше. По моему мнению, в нашей стране – да, в политологических терминах сложился режим, который можно называть суверенной демократией, в том значении, в котором его употребляет Владислав Сурков.

– Почему же нынешним «Селигером» не довольны даже постмодернисты (всеми этими гигантскими овощами, купаниями в непонятной коричневой жиже и прочим)?

– Ценнее высказывания только тех, кто был на форуме, и тех, кто форум делал. А есть люди, которые ни разу в жизни не посетили «Селигер». Они вместо того чтобы работать, сидят в блогах каждый день и пишут: «Ах, как все плохо на «Селигере». Кому-то было выгодно, чтобы «Селигер» заметили именно с этой стороны. Эти люди не поленились сделать из этого скандал. Все, что там делалось, – было идеально: впервые приехал президент России, поэтому были завистники, которые хотели попиариться за счет форума, поднять собственный статус. Поэтому просто нашли подходящий повод – скандал на политической смене. В эту смену не было цензуры политического высказывания. И одни из участников форума нашли, скажем так, оригинальный способ донести свою политическую позицию. Для общего содержания форума одна инсталляция, из-за которой разгорелся весь сыр-бор,

Комиссар движения «Наши» считает, что зря недоброжелатели клевещут на «Селигер» – подумаешь, гигантские овощи

не имела значения. 99 процентов тех людей, которые приезжали на форум, вообще этого не видели.

– Вы вот сейчас говорите про головы в нацистских касках. За что же таких людей, как, например, Людмила Алексеева...

– Людмила Алексеева – это человек, безусловно, уважаемый в определенных кругах. Если смотреть ее жизненный путь, она делала полезные вещи для людей, возможно, для страны, но когда Людмила Алексеева открыто поддерживает Эдуарда Лимонова, который, не стесняясь, заявляет, что он фашист, это не может вызывать моего одобрения как члена антифашистской организации.

– Акции на Триумфальной площади – это тоже не оптимальная форма политической борьбы?

– Я думаю, что политическая борьба должна вестись по закону. Но, когда люди выходят на неразрешенные акции, они понимают, что они нарушают закон.

Я видела, как их лидеры себя ведут, когда приходят туда, – находятся полчаса в окружении охраны, потом они уезжают на автомобиле с водителем с площади. А остальные люди остаются, и их, естественно, забирает ОМОН, потому что митинг не был разрешен. Но с точки зрения того, как это выглядит для иностранных СМИ, – это неплохо продуманное шоу: ОМОН забирает мирных граждан, на деле у каждого участника там своя роль. Кто-то затевает драку в толпе и попадает в отделение. Кто-то, как Альбац, кидается на ОМОН с кулаками и криками: «Я – журналист!» Кто-то раздает интервью и получает на этом имя и медийность.

– Можно ли сравнить российскую политику с шоу-бизнесом?

– С одной стороны, можно сравнивать с политическим шоу и, например, говорить, что в Америке шоу лучше – у нас оно скучное. С другой стороны, такое сравнение очень циничное, которое употребляют политологи, политтехнологи, люди, которые делают из политики деньги. Но если к политике будет отношение как к шоу-бизнесу, то это не хорошо. Ведь политика, в конечном счете, определяет, как будут жить граждане, как сложится жизнь страны. Определенная степень цинизма в политике, у политиков должна быть, но это не должно переходить границы. Лично я не отношусь к политике как к шоу.

– После видеоблога «Мария Дрокова о времени и о себе», в котором вы говорите, что вас считают «девочкой, которая поцеловала Путина», как-то поменялась жизнь?

– Честно скажу, что за это время я успела многое сделать. Более серьезно занялась журналистикой, сделала одну из самых популярных программ на Russia.ru и думаю, это не менее интересно, чем политика. Еще есть ряд интернет-проектов, в которых я участвую. Интернет – новая сфера интересов для меня и наиболее динамично развивающаяся площадка, приобретающая все большее политическое значение.

– В том ролике вы еще спрашивали Владислава Суркова, как осилить Канта. Помог совет замглавы администрации президента, осилили философа?

– Канта я читаю сейчас с удовольствием, это не так сложно, как казалось. Но совету, который дал мне Владислав Юрьевич Сурков – «не читать то, что мне не интересно», – я следую.

Марина Задемидькова: «У человека должен быть ум»

Советник руководителя Федерального агентства по делам молодежи Василия Якеменко, федеральный комиссар движения «Наши». В 2008-м награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. 25 лет.

Я не считаю, что красота помогает. Если бы все красивые были бы такими же успешными, тогда можно было бы судить, что красота – условие успеха. Помимо красоты, у человека должен быть ум.

Демократия – это такая форма, которая не бывает один раз и навсегда. Мы ее еще выращиваем, а она у нас растет.
Да, на данный момент суверенная демократия – это лучшее, что мы можем предложить нашей стране.

Я, прочитав какую-то статью или посмотрев политический ролик, могу сразу сказать – это конструктивная оппозиция или деструктивная.

В 2009 году мы начали новую форму обучения активистов – так называемая проектная деятельность. Мы учим их мыслить проектно, учим их реализовывать свои идеи в форме проектов. Это очень серьезная инновация, которую мы открыли.

Наверное, та стабильная жизнь, которая наступила в последние десять лет, когда мы стали жить лучше, – это то, что способствует тому, что люди выбирают «Единую Россию».

Я люблю Россию, искренне люблю Москву – не меньше, чем любила Воронеж. Вообще люблю весь окружающий мир.

Марина Задемидькова выращивает демократию. Оная у Задемидьковой растет

››

Ирина Плещева уверена, что Интернет пагубно влияет на гендерную самоидентификацию

Ирина Плещева: «Я сижу не для мебели»

Член Общественной палаты России с 2008 года. 23 года.

Свой первый созыв в Общественной палате я доказывала взрослым состоятельным мужчинам, что я сижу не для мебели, что могу сама со всем справиться.

Да, в России свобода слова существует. Единственное, не нужно путать свободу слова со словоблудным, словесным беспределом. Если бы у нас не было свободы слова – мы бы об этом не знали.

В России есть много механизмов, с помощью которых можно решать проблемы. Можно писать письма, ходить в Общественную палату и работать в профильных комиссиях, писать в блог президенту, участвовать в санкционированных митингах или одиночных пикетах.

Сегодня же если включить телевизор, зайти в Интернет, то столько всего начитаешься, насмотришься, что уже начнешь сомневаться не только в своих идеологических пристрастиях, но и в гендерных отличиях от другого пола.

Надежда Орлова: «Я пришла из православного журнала»

И. о. руководителя исполкома псковского отделения «Единой России», 30 лет.

Я пришла в «Молодую гвардию» из православного журнала, потому что мне захотелось сменить деятельность. Захотелось вызовов и масштабов. Энергия требовала выхода – и он неожиданно нашелся. Политика стала хобби, а позже любимой работой.

Если вы посидите в пивбаре, где смотрят футбол, то услышите очень много разговоров о политике. Молодых людей интересует политика, но на обывательском уровне.

Сексом, наркотиками и рок-н-роллом надо заниматься, нельзя об этом просто говорить. Если теоретически подходить к сексу, то это смешно. А политика предполагает, что ты можешь подобно теоретику наблюдать и не иметь к этому отношения. Или же ты можешь ей заниматься.

Для меня интеллектуал – это тот, кто не говорит заштатных истин, которые и так мне известны, тот, который имеет собственное мнение, с кем можно поспорить. Человек, который не говорит вот тебе ссылка, погугли это.

Я уважаю двух политиков – лидера партии и президента. А проголосую за того, кто будет стоять в бюллетене.

Я думаю, что успех «Единой России» объясняется одним – жить за последние десять лет стало лучше. Это понимают все. В этом сомнения в партии ни у кого нет.

Хорошие партии нужны – и левые и правые, только не маргинальные, которые спекулируют прошлым, а те, кто строит будущее.

Один из принципов Надежды Орловой: о сексе не надо болтать – им надо заниматься

Текст: Иван Вырыпаев
Иллюстрация: Андрей Носков

Танец «Дели»

Семь одноактных пьес. Новый Вырыпаев.

Пьеса № 1. Каждое движение

Действующие лица:

Екатерина
Пожилая женщина
Андрюша
Медсестра

ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ

Приватная комната для посетителей в городской больнице. В комнате журнальный столик, на котором несколько журналов. Рядом со столиком диван, а чуть дальше кресло. На стене висят несколько рекламных плакатов, рекламирующих медицинские препараты.

Екатерина сидит в кресле. Она смотрит на часы. Несколько раз подряд смотрит на часы.

Входит пожилая женщина.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Катя... К сожалению, все очень плохо... Твоя мама умерла.

ЕКАТЕРИНА. Уф! Это так странно, ощущать. Не знаешь даже, как реагировать.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я сама хотела бы помочь тебе, но чем? Я с тобой, ты понимаешь, ты знаешь это. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Да странно. Вроде бы такое страшное известие, а нет ощущения ужаса. Я вообще ничего не чувствую. Я вот слышу, что ты сказала, я понимаю, да. Я получила известие, – у меня умерла мама. Но что же делать? Я даже не знаю, как реагировать. Я, наверное, должна плакать? Но мне не хочется. Странное такое ощущение. Я ничего не чувствую.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. И я тоже очень странно себя ощущаю. У тебя такое горе. Но чем я могу помочь тебе? Я с тобой. Но что же делать?

ЕКАТЕРИНА. Я не знаю, что делать. Такое странное чувство. Вернее, это даже не чувство, это наоборот, какое-то античувство. Я вообще ничего не чувствую. Наверное, у меня шок, да? Как ты думаешь, у меня шок, да? Такое вот странное, неадекватное поведение, это, наверное, и есть состояние шока. У меня умерла мама, а я ничего не чувствую. Это странная реакция, да?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я не знаю. Все, чего бы мне хотелось, это помочь тебе. Но как? Что я могу сделать? Я с тобой. С тобой. Может быть, тебе нужно выпить? Давай я схожу в магазин, куплю что-нибудь выпить?

ЕКАТЕРИНА. Зачем? Тем более, если нужно идти в магазин. Нет, в этом нет никакой необходимости.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Тебе станет легче, когда ты выпьешь. Поверь. Давай. Я схожу, куплю виски.

ЕКАТЕРИНА. Да, нет, ничего не нужно, спасибо. Мне не плохо. Странно, да? Мне совсем не плохо. А ведь должно же быть совсем наоборот, да? Мне ведь должно быть очень плохо, правда? Тот, кому сообщают, что у него умерла мама, тому ведь должно стать плохо, так ведь? А мне ничего. Мне не плохо. Я вообще ничего не чувствую. Ты помнишь нашу встречу с Андреем, год назад? В Киеве? Помнишь?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Конечно. Очень хорошо помню. И этот прекрасный ресторан, и как ты танцевала, для всех нас. Андрей такой милый, такой настоящий. Он очень надежный, разве нет?

ЕКАТЕРИНА. Да. Правда. Он очень надежный и он святой. Ну, не святой, конечно, но близок к тому, чтобы стать святым. Во всяком случае, он никогда не врет. В это трудно поверить, но это правда. Я знаю, что вот он такой человек, который никогда не врет.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да, он удивительный. И то, как он смотрел на твой танец. Как он чувствовал каждое твое движение. Знаешь, когда я смотрю, как ты танцуешь, я всегда стараюсь слиться с каждым твоим движением, я как бы стараюсь стать с тобой одним целым, что ли. И это так захватывает, так увлекает. И только так и нужно смотреть на танец. По-моему, все должны только так и смотреть на танец. Ну, конечно, так мало кто смотрит, почти никто. А вот он смотрел именно так. Тонкий, чувствительный человек.

››

Эрос и Танатос Вырыпаева

У смерти и страсти, видимо, общая природа. И то и другое – приступ, системный сбой. Драматург и режиссер Иван Вырыпаев больше многих преуспел в части исследования этих состояний. Взяв паузу после «Кислорода» и «Эйфории», где люди эпически любили и эпически умирали, он в июле 2010-го закончил «Танец Дели», семь одноактных пьес. «Журнал Соль» публикует первую из них – «Каждое движение».

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Конечно, я помню.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Так вот, он вчера позвонил мне, спустя полгода, как мы не виделись.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Вы полгода не виделись? Почему?

ЕКАТЕРИНА. Ну, это не суть важно. А важно то, что он вдруг решил позвонить. И мы так хорошо поговорили. Правда, по телефону. Но даже по телефону. Я давно уже ни с кем так не разговаривала. И для меня, для меня это был очень важный разговор. Важный и серьезный разговор, который состоялся вовремя.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Как говорится, – что может быть лучше? «Важный разговор, который состоялся вовремя», что может быть лучше.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Кстати, он с минуты на минуту должен прийти.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Что, что? Кто? Андрюша? Сюда? Сейчас?

ЕКАТЕРИНА. Да. С минуты на минуту. Который час?

Пожилая женщина смотрит на часы.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Без двенадцати минут пять.

ЕКАТЕРИНА. Ну, вот, уже через двенадцать минут.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша придет сюда?

ЕКАТЕРИНА. Да. Мы договорились здесь. Я думала, что пробуду здесь до пяти, и потом он за мной заедет, и мы где-нибудь поужинаем.

Входит медсестра. В правой руке она держит тоненькую папку с бумагами.

МЕДСЕСТРА. Простите. Мне очень жаль, что это произошло. И я хотела бы...

ЕКАТЕРИНА. Извините, вы не могли бы зайти чуть позже? Через полчаса, хорошо?

МЕДСЕСТРА. Да, да, кончено. Просто нужно, чтобы вы кое-где расписались, это такая формальность...

ЕКАТЕРИНА. Через полчаса, если можно?

МЕДСЕСТРА. Но, еще я хотела сказать вам...

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Мы вас просим, можно нам еще поговорить здесь вдвоем примерно полчаса? Хорошо?

МЕДСЕСТРА. Хорошо. Я зайду позже. Может быть, вам нужно воды?

ЕКАТЕРИНА. Нет, нет. Ничего не нужно.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Нам нужно поговорить.

МЕДСЕСТРА. Извините.

Медсестра уходит.

ЕКАТЕРИНА. Так что, вы скоро снова увидитесь.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Боже мой, как неожиданно.

ЕКАТЕРИНА. Сколько вы не виделись?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ровно год. Мы вообще виделись лишь однажды, тогда в Киеве, когда ты танцевала.

ЕКАТЕРИНА. Ну, вот, а теперь через несколько минут он придет.

Пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Извини, что я вмешиваюсь в твою личную жизнь, но я не могу не спросить тебя?..

ЕКАТЕРИНА. Да?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Он что? Кажется, он влюблен в тебя, да? Это ведь не просто ухаживания, это что-то серьезное с его стороны?

ЕКАТЕРИНА. О, боже мой! О нет! Ты что?! Нет! Конечно, нет. Он же женат. Да и вообще, это совсем не то, что ты...

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Андрюша женат? Ты серьезно? Он женат?

ЕКАТЕРИНА. И у него дети. Кажется, двое. И у него хорошая семья. Мы с ним вообще не в этих отношениях. О господи! Ты все время думала, что у нас с ним роман?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ну, конечно. Я была просто уверена. А что, разве это не так? Скажи мне честно, ты просто прячешься, просто скрываешься? Понимаю, он ведь женат.

ЕКАТЕРИНА. О господи! Нет. Неужели ты такая дура? Нет! О нет, ты не такая дура?

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Я уверена, правда.

ЕКАТЕРИНА. Нет!

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ты просто скрываешь. Я уверена. Ты и сейчас так себя ведешь, потому что ты скрываешь...

ЕКАТЕРИНА. Ты дура, господи, ну какая дура! Ха-ха!

Екатерина смеется.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ну-ну. Я не верю этому смеху. Ты специально!

ЕКАТЕРИНА. Ой, нет. Не нужно меня смешить.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Это не настоящий смех, это притворство. Я вижу тебя насквозь.

Екатерина смеется все сильнее, у нее приступ смеха.

ЕКАТЕРИНА. Я не могу этого слышать, прошу тебя, перестань молоть глупости, я сейчас умру от смеха.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Этот смех на меня не действует. Тем более теперь я окончательно вижу, что у вас роман. Этот смех – доказательство этому. Признавайся!

Екатерина умирает от смеха.

ЕКАТЕРИНА. Я прошу тебя!

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Ага! В этом смехе есть что-то трагически нездоровое! Ага! Попалась! Твоя тайна раскрыта!

ЕКАТЕРИНА. Я прошу тебя!

Екатерина смеется и не может остановиться. Входит Андрей. Он останавливается в дверях, с удивлением смотрит на смеющуюся Екатерину.

ЕКАТЕРИНА. Не удивляйся моему смеху, если ты узнаешь причину, то тоже будешь хохотать.

АНДРЕЙ. Я могу принести воды? Хотите?

ЕКАТЕРИНА. Не нужно никакой воды, перестань. У меня не истерика, а мне на самом деле смешно. Фу!

Екатерина немного приходит с себя, успокаивается. Андрей проходит в комнату, садится на диван рядом с Екатериной.

ЕКАТЕРИНА. Фу- у! Это не потому что у меня умерла мама и у меня истерика, как ты, наверное, подумал. Это не то. А это потому, что вот видишь эту особу. Вы знакомы, ты помнишь?

АНДРЕЙ. Ну, конечно. Вы были в Киеве.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Мы только что вспоминали об этом.

ЕКАТЕРИНА. И она решила, что у нас роман. Она думает, мы с тобой любовники.

АНДРЕЙ. Н-да. Смешно.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. На самом деле это не мое дело.

АНДРЕЙ. На самом деле это не так.

ЕКАТЕРИНА. Это просто невозможно.

АНДРЕЙ. Ну, теоретически, это конечно возможно...

ЕКАТЕРИНА. У тебя же дети. И потом ты любишь свою жену.

АНДРЕЙ. Ну, да. Вроде бы все так. Хотя.... Хотя, что есть любовь? Это, как говорится, большой вопрос.

Долгая пауза.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. А что, по-вашему, есть любовь? Вы знаете об этом?

Пауза.

АНДРЕЙ. Я знаю, что случилось. Алина Павловна скончалась. Мне сказали там внизу. Прими мое соболезнование. Я даже не знаю, что сказать.

ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА. Да я тоже хотела бы помочь, но как? Но чем?

ЕКАТЕРИНА. Странно. Вот уже полчаса прошло, а я по-прежнему не чувствую ничего такого трагического. Я вообще чувствую что-то совершенно другое. Это очень странно. Когда я смеялась, мне было так смешно. Так по-настоящему смешно. И вот, даже во время смеха я подумала, вот сейчас, я, наверное, выгляжу, как женщина, у которой истерика из-за смерти матери. А это не так. Я смеялась, правда, я смеялась просто от шутки. Оттого, что вот она подумала, что у нас роман. Какая глупость. И смешно. Правда, смешно. И странно. Я ведь очень люблю маму. Любила. У нас были такие отношения, такие откровенные, до самого вчерашнего дня, когда у нее случился приступ. Но я ничего не чувствую. Я смеялась, правда, из-за шутки. Правда. Из-за шутки. Правда, правда. Это так смешно! Подумать, что у нас с Андреем роман. Какой роман? Господи! Смешно.

Пауза.

ЕКАТЕРИНА. Тогда в Киеве, я смотрела на него и думала, господи, это же он. Да, Андрей. Я тогда именно так и думала «это он». И когда я стала танцевать, я стала это чувствовать. Чувствовать, что это Ты. Я начала свой танец, просто, как обычно. Сначала для всех. А потом я вдруг почувствовала... Это если вы мне поверите, если вы сейчас поймете, что я не преувеличиваю, – это вдруг мое сердце мне сказало: «Это он!» Как в литературе это бывает часто описано – «сердце ей шепнуло», и это именно вот так. Это произошло именно так. Как описано в литературе. Сердце мне шепнуло во время танца. Танец, вы знаете, это все для меня. Мой танец – это ведь моя истина, мой смысл. И вот во время танца я услышала свое сердце. И сердце мне сказало: «Это Он».

Екатерина берет руку Андрея в свою руку. Смотрит ему в глаза.

ЕКАТЕРИНА. Это ты. Я тебя люблю, Андрей. Я собиралась тебе сказать это сегодня и вот сказала.

Андрей молча смотрит на Екатерину. Пожилая женщина отвернулась от них и плачет. Входит медсестра.

МЕДСЕСТРА. Извините меня, пожалуйста. Я понимаю, у вас сильное горе. Но нам нужно вам помогать. И чтобы мы могли вам помогать, вам нужно подписать вот эти бумаги. О том, что вы не будете делать вскрытие, и еще несколько документов. И только после этого мы отдаем тело в морг. Это нужно сделать.

Медсестра подает бумаги Екатерине. Екатерина читает. Подписывает одну бумагу. Потом вторую. Потом она смотрит на Андрея. Андрей смотрит на нее. Екатерина снова подписывает бумагу. Пожилая женщина сидит в углу и плачет. Екатерина подписывает бумаги.

ЗАНАВЕС ЗАКРЫВАЕТСЯ

АКТЕРЫ ВЫХОДЯТ НА АВАНСЦЕНУ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ, КЛАНЯЮТСЯ ПУБЛИКЕ

Москва, 2009

Иван Вырыпаев
Иркутск – Москва

Драматург, сценарист, режиссер.
Одним из первых представителей движения «новая драма» вышел в люди, то есть начал вещать на широкую аудиторию, обрел известность.
Первый крупный успех – пьеса «Кислород» (2002), следом – «Бытие № 2» (2004) и «Июль» (2006). Апогей – дебютный фильм «Эйфория» (2006), который получил приз на Венецианском фестивале. О Вырыпаеве пишут статьи, снимают передачи, он становится модным медийным персонажем – точнее, по-арт-хаусному модным.
Сотрудничал с московским «Театром.doc», с театром «Практика», основал собственное художественное движение – Kislorod. Последние работы – все в кино: фильм «Кислород», новелла для сборника «Короткое замыкание».
Как драматург и сценарист активно работает с культурными и религиозными архетипами, не менее активно при этом использует живую повседневную лексику. Содержание в целом классическое, форма в целом авангардная.
Со своими персонажами – что в театре, что в кино – обходится по-христиански. Люди у Вырыпаева любят и за это умирают, с ними – свобода воли и личная ответственность за выбор, а над ними – Бог.

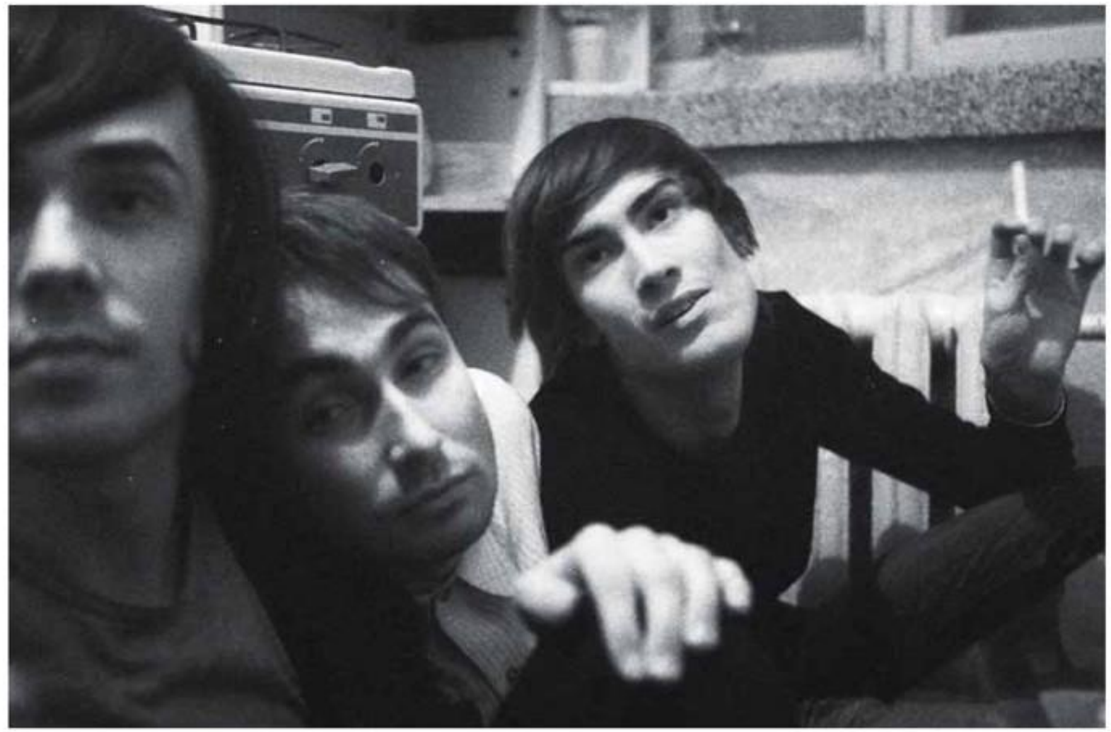
Фотографии: Ольга Сорокина

Коммуниканты

Предметные миры хрущевок, панелек и новостроек в фотопроекте «Журнала Соль».

Люди в квартирах вместе курят и выпивают, рисуют на обоях и кипятят чайник, разбрасывают обувь в прихожей и спят на полу неровными рядами. Фотокорреспондент «Журнала Соль» выхватывает из общей массы объектов узнаваемые атрибуты квартирных тусовок, маркеры среды: ботинки, бутылки, компьютеры, кофты с капюшоном, тарелки с едой, шахматы, детское домино. Если допустить, что близость людей – следствие близости к одним и тем же вещам, это не просто набор случайных предметов, а социальный клей. Ниточки, которые тянутся от человека к человеку.

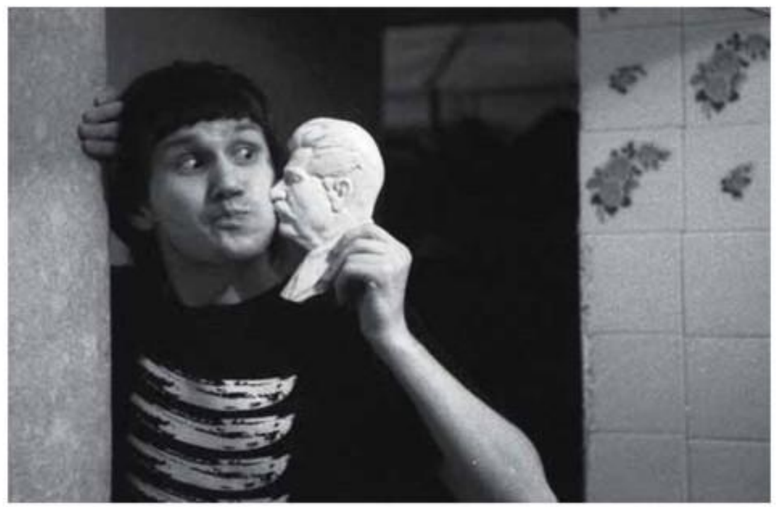

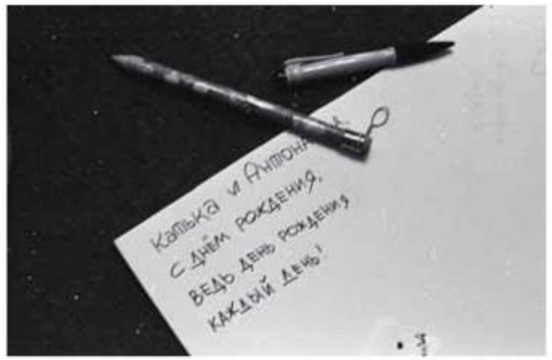

Катька и Антоха
С Днём рождения,
ведь день рождения
каждый день!

Текст: Леонид Юзефович
Иллюстрации: Андрей Носков

Самодержец пустыни

Барон Унгерн писателя Леонида Юзефовича. Фрагмент книги.

Первый извод документального романа о белом генерале, восстановившем независимость Монголии, вышел в 1993 году. Почти десять лет спустя обновленную и дополненную версию издает Ad Marginem. Леонид Юзефович первым в России взялся исследовать феномен Унгерна. «Палача и неврастеника», который всерьез пытался создать монгольскую империю — и именно благодаря ему Монголия сегодня — сама себе страна, а не одна из провинций Китая.

В начале 1930-х годов Арвид Унгерн-Штернберг начал собирать материалы для задуманной, но так и не написанной биографии своего знаменитого кузена. Когда он обратился к общим родственникам с просьбой прислать воспоминания о нем, последовало предостережение одного из них: «Если писать биографию Романа, опираясь только на достоверные факты, она будет бесцветной и скучной. При более художественном описании появляется опасность пополнить и без того большое количество рассказываемых о нем историй».

Однако даже авторы, не претендовавшие на «художественность», вставали перед загадкой внезапного превращения заурядного белого генерала в монгольского хана и Бога Войны. Истоки этой метаморфозы искали в его первой поездке в Монголию, расцвечивая ее совершенно фантастическими подробностями. Врангель писал, что в боях с китайцами он проявил чудеса храбрости, получил в награду княжеский титул и был назначен командующим всей монгольской кавалерией; другие утверждали, будто барон с шайкой головорезов грабил караваны в Гоби; третьи отсылали его к хунхузам. На самом деле, поскольку служить у Джа-ламы ему запретили, он поступил сверхштатным офицером в Верхнеудинский казачий полк, частично расквартированный в Кобдо, и жил здесь без особых приключений, надеясь, видимо, что затухающая война вспыхнет вновь, но этого не случилось. Вскоре было подписано русско-китайское соглашение об автономии Внешней Монголии, и весной 1914 года, получив из Благовещенска документы о своей отставке, Унгерн уехал в родной Ревель.

Как сообщает его кузен Арвид, уже тогда он «приобрел обширные познания о стране и населяющих ее людях». По словам Князева, Унгерн «услыхал голос подлинной, мистически привлекавшей его Монголии» и «до краев наполнился настроениями», которые вызывают «ее причудливые храмы» и «зеленые ковры необъятных падей, и люди ее, как бы ожидающие могучего толчка, чтобы пробудиться от векового сна». Если отбросить красоты стиля и прозрачный намек на то, что в итоге монголы дождались-таки человека, давшего им этот «могучий толчок», все примерно так и обстояло. Унгерн не раз говорил, что еще во время первой поездки в Халху «вера и обычаи монголов ему очень понравились».

В Кобдо он стал изучать монгольский язык, на котором впоследствии изъяснялся достаточно сносно. Писали, будто ему удалось завязать «большие знакомства с князьями, гэгенами и влиятельными ламами», но это вряд ли. Еще сомнительнее известие, что тогда же, «не будучи ревностным сыном лютеранской церкви», он втайне «принял ламаизм». Увлечение буддизмом — всего лишь вариант обычного для людей его типа дилетантского интереса к «мудрости Востока». ››

Леонид Юзефович
Пермь — Москва
Писатель, сценарист, историк

Затяжной роман Леонида Юзефовича с Монголией начался, когда он служил в Забайкалье. Собственно с этих самых пор он и занимается исследованием монгольской истории и буддистской ментальности. Опыт этого долгого контакта, понятно, ретранслируется в его тексты, а иногда и вовсе становится основным их движком. Так было, например, с документальным романом «Самодержец пустыни» (2003), где Монголия чуть ли не главный герой.
После выхода цикла исторических детективов о сыщике Путилине (2001) писателя начали закономерно сравнивать с Борисом Акуниным, но уже очень скоро аналогия забылась за бессмысленностью. С 2005-го по 2007-й вышли фильмы по мотивам путилинской серии и романа «Казароза» плюс телесериал «Гибель империи» по оригинальному сценарию Юзефовича.
Роман «Журавли и карлики», действие которого вновь частично разворачивается в Монголии (правда, уже современной), получил в 2009 году престижную премию «Большая книга».

Этот интерес разделял знаменитый впоследствии философ, граф Герман фон Кайзерлинг – земляк и дальний родственник Унгерна, по матери происходивший из рода Унгерн-Икскюлей. Он был пятью годами старше, но они могли познакомиться еще в детстве или в ранней юности. Во всяком случае, Кайзерлинг не раз упоминал об Унгерне в своих книгах. Оба принадлежали к тесному кругу эстляндской аристократии; не случайно, видимо, позднее младший брат Унгерна, Константин, женился на дочери Кайзерлинга. В 1911–1912 годах тот совершил кругосветное путешествие, побывал в Японии, в Китае и в Индии, а по возвращении в Эстляндию написал прославивший его имя двухтомный «Путевой дневник философа». По впечатлению, которое эта книга произвела на современников, ее можно сравнить разве что с «Закатом Европы» Шпенглера. Из-за начавшейся вскоре войны она увидела свет лишь в 1919 году, но была закончена пятью годами раньше; Унгерн, вернувшись из Кобдо, мог читать ее в рукописи. «Я был настолько одержим Востоком, что долго не мог представить себя западным человеком», – тогда же заметил Кайзерлинг. В этом Унгерн был его духовным двойником.

В отличие от Кайзерлинга, он не пытался перенести на бумагу свои монгольские впечатления, но ему, должно быть, приятно было чувствовать себя странником, прикоснувшимся к совсем иному миру. Восток был в моде, интерес слушателей подогревал воображение. Недаром в родственном кругу бытовало мнение, что Роман обладает богатой фантазией и сам верит в собственный вымысел. Как правило, это свойство приписывают тем, кому симпатизируют, заблуждаясь относительно степени самообмана, но в любом случае оно предполагает горячность и увлеченность рассказчика. Обычно молчаливый, замкнутый, Унгерн с близкими людьми бывал другим. При их сочувственном внимании он мог возбуждать в себе волнующее сознание пережитых в Азии чудес, как герой «Дара» Владимира Набокова, путешественник по Монголии и Тибету: «Во время песчаных бурь я видел и слышал то же, что Марко Поло – «шепот духов, отзывающих в сторону», и среди странного мерцания воздуха без конца проходящие навстречу вихри, караваны и войска призраков, тысячи призрачных лиц».

Впрочем, Унгерна больше занимали азиатские чудеса иного рода. Однажды, беседуя с кузеном Эрнстом о ситуации на Дальнем Востоке, он заметил: «Отношения там складываются таким образом, что при удаче и определенной ловкости можно стать императором Китая». Имелся в виду генерал Юань Шикай, президент Китайской Республики, пытавшийся основать собственную династию, но слышится тут и какая-то личная нота, иначе собеседник не запомнил бы эту фразу и не повторил бы ее два десятилетия спустя в разговоре с биографом Унгерна. Пример Юань Шикая показывал, что в разрушенных структурах власти путь к ее вершине может быть сказочно короток.

Еще в Кобдо, говорил Унгерн, он впервые задумался о возможности с помощью монголов восстановить в Китае маньчжурскую династию. В то время это были вполне умозрительные размышления, но под конец жизни план реставрации Цинов, чтобы мощью возрожденной Поднебесной Империи воздействовать на революционную Россию и буржуазную Европу, станет его навязчивой идеей. Умрет он в убеждении, что «спасение мира должно произойти из Китая».

Барон Альфред Мирбах, муж единоутробной сестры Унгерна, писал о нем, ссылаясь на мнение жены: «Только люди, лично знавшие Романа, могут объективно оценить его. Одно можно сказать: он не как все».

Если тут легко заподозрить преувеличение, вызванное родственными чувствами, то схожее свидетельство оставил живший в Монголии русский поселенец Иван Кряжев, лицо абсолютно не заинтересованное. Он помнил Унгерна по жизни в Кобдо в 1913 году и рассказывал, что барон вел себя «так отчужденно и с такими странностями, что офицерское общество хотело исключить его из своего состава, но не смогли найти за ним фактов, маравших честь мундира».

И далее: «Унгерн жил совершенно на особицу, ни с кем не водился, всегда пребывал в одиночестве. А вдруг ни с того ни с сего, в иную пору и ночью, соберет казаков и через весь город с гиканьем мчится с ними куда-то в степь – волков гонять, что ли. Толком не поймешь. Потом вернется, запрется у себя и сидит один, как сыч. Но, оборони Бог, не пил, всегда был трезвый. Не любил разговаривать, все больше молчал».

Рассказ Кряжева об Унгерне завершается точным и выразительным наблюдением: «В нем будто бы чего-то не хватало». Ошибки тут нет – не ему чего-то не хватало, а именно «в нем». Эта пустотность выдавала себя в глазах. Бурдуков говорит о «выцветших, застывших глазах маньяка»; другой мемуарист описывает их как «бледные», третий – как «бездушные, оловянные», четвертый вспоминает о «водянистых, голубовато-серых, с ничего не говорящим выражением, каких-то безразличных». По-видимому, у него плохо развиты были окологлазные мышцы, чья игра придает взгляду бесконечное множество оттенков. Обычно этот физический дефект связан с недоразвитием эмоциональной сферы.

«Сердце, милосердие в нем отсутствовали», – писал служивший под началом Унгерна полковник Торновский. Он же одной фразой очертил тип этого человека, едва ли сложившийся только под влиянием ницшеанства, без опоры в органике: «Сирых и убогих не терпел».

По словам современника, не однажды с Унгерном встречавшегося, тот «совершенно не заботился о производимом впечатлении, в нем не замечалось и тени какого-либо позерства». Это столько же говорит о силе характера, сколько об отсутствии потребности в чисто человеческих связях. Унгерн не корректировал свое поведение реакцией собеседника, она его не интересовала. Эмоциональная блеклость позволяла не замечать чужие чувства, считать их не заслуживающими внимания, не имеющими ценности.

Здесь же берет начало его странная для немецкого аристократа неопрятность, даже неряшливость – нестриженые усы и волосы, грязная, а то и рваная одежда, но тут не было и намека на вызов унылой мещанской аккуратности или условностям военной касты. Он неделями не менял белья и не отдавал его в стирку, а выбрасывал, когда оно превращалось в лохмотья. Комнаты, где он жил, содержались в ужасающем беспорядке и почти не имели мебели. Многие отмечали его «умеренность в питье и пище, особенно в последней». Рассказывали, будто он, как монгол, питается лишь бараниной и чаем, хотя не может обходиться без хороших папирос. Враги называли его кокаинистом и наркоманом, но прямых свидетельств об употреблении им наркотиков нет. Правда, в одном из писем упоминается курение опиума в дружеской компании, членом которой он был, однако редкий европеец в Китае обходился без такого опыта. Есть лишь один аргумент в пользу того, что эта сторона жизни была ему знакома: мечтая создать «орден военных буддистов» по типу монашеских орденов, Унгерн исключал употребление его членами алкоголя, но допускал гашиш и опиум, чтобы «дать возможность русскому человеку тешить свою буйную натуру».

Общеизвестны его неприхотливость, бессребреничество, отсутствие интереса к женщинам, однако этот житейский аскетизм тоже был формой мизантропии – привязанность окружающих к земным благам и усладам оправдывала отношение к ним как к существам низшего порядка. «В его небрежности в одежде для чуткого ума ясно звучали горделивые ноты сознания своего превосходства», – неуклюже, но проницательно замечает Князев. Так, Наполеон на вершине могущества продолжал носить простой серый сюртук, не скрывая, а напротив, подчеркивая обтянутое им брюшко.

Впоследствии Унгерн попытается сравнивать себя с Николаем I и Фридрихом Великим, другие найдут в нем сходство с Павлом I, хотя в роли начальника Азиатской конной дивизии и диктатора Монголии он больше всего будет напоминать шведского короля Карла XII с его неукротимой воинственностью и презрением к радостям плоти. Многие Унгерн-Штернберги в прошлом служили шведской короне, Даго и Ревель – бывшие владения Швеции. Мальчиком Унгерн наверняка прочел немало книг о великих полководцах, жизнеописание самого прославленного из шведских королей он мог знать с детства и помнил, что Карл XII был человеком высокообразованным, но отличался солдафонской грубостью манер, крайней неопрятностью, неряшливостью в одежде, невзыскательностью в пище и абсолютным равнодушием к женщинам. Тот же набор воинских и одновременно монашеских добродетелей числился и за Унгерном. Это не значит, что он сознательно подражал королю-аскету, скорее – представлял собой схожий тип личности, но какая-то память об оригинале, с которого снята копия, в нем, возможно, присутствовала.

Своих солдат и офицеров Унгерн считал «жалким подобием людей», «толпой голодных кровожадных шакалов, рыскающих в поисках добычи», а изредка попадавшихся среди них интеллигентов презирал за мягкотелость и чрезмерную разборчивость в средствах. Неспособность подняться над предрассудками современной морали была таким же грозным обвинением, как отсутствие моральных принципов. Унгерн постоянно жаловался, что окружен не теми людьми, каких ему хотелось бы видеть возле себя, но таких, похоже, не существовало в природе. Возможно, его болезненная тяга к оккультизму была порождена еще и поисками опоры за пределами человеческого круга общения. Интимный контакт с иной реальностью мог восполнить ущербность отношений с людьми.

Нет смысла противопоставлять жестокость Унгерна его бескорыстию или идеализму, как то делали современники, старательно сортируя его достоинства и пороки, раскладывая их на разные чаши весов, чтобы установить точное соотношение в нем добра и зла. Одно тут вытекает из другого и связано с важнейшей особенностью личности параноидального склада, каковой, несомненно, являлся Унгерн – сознанием собственной исключительности как объективного факта. Человек такого типа смотрит на себя как на единственно живого в окружении фантомов, применительно к которым позволено все, поскольку они – лишь эманация неких сил и начал, а не такие же люди, как он сам.

О проблемах с психикой говорит и безумная энергия Унгерна, какой обладают люди с навязчивыми идеями. Эта энергия, порой превосходящая, кажется, меру физических возможностей, тем более изумляла в сочетании с астеническим сложением барона. «Худой и изможденный с виду, но железного здоровья», – заметил о нем Врангель.

Его внешность все описывают почти одинаково, в то же время, в зависимости от симпатии или антипатии к нему, по-разному акцентируют одни и те же черты. Это человек высокого роста, сухой, тонкий, держится очень прямо. У него короткое туловище и длинные ноги – «кривые», как характеризуют их недоброжелатели, или «кавалерийские», как предпочитают выражаться поклонники. Руки тоже длиннее обычного, а голова непропорционально мала по сравнению с шириной плеч. Волосы светлые, с рыжеватым оттенком, не слишком густые. Такого же цвета лохматые брови и довольно большие («свисающие») усы. Высокий выпуклый лоб, правильной формы нос. Между узкими губами, при молчании плотно сжатыми, в разговоре видны торчащие вперед верхние передние резцы. Впрочем, враг Унгерна может описать его нос как «тупой», волосы – как «редкие», усы назвать «желто-серыми», а зубы – «гнилыми, лошадиными».

Авторы беллетризованных воспоминаний, рассчитанных на широкого читателя, рисовали портрет барона в соответствии с представлениями о нем как о фигуре демонической. Колчаковский офицер Алешин при первой же встрече с Унгерном сумел заметить, что один его глаз выше другого, что их взгляд свидетельствует о «зловещем безумии» и «опасной силе читать мысли людей». Шрам на лбу, который вовсе не бросался в глаза, Алешин изображает как «ужасный, пульсирующий налитыми кровью венами».

Эмигрантский журналист, видевший Унгерна только на фотографиях, замечает, что такие лица, «дышащие свирепостью и дикой волей», были у викингов, «рубившихся на кровавых тризнах». Оссендовский, напротив, говорит о лице, «похожем на византийскую икону». Спокойный наблюдатель находит в нем родовые черты: лицо «достаточно ординарно, с сильно выраженным тевтонизмом остзейского типа, но отнюдь не прусского». Он же добавляет: «Походная жизнь и привычка повелевать, жизнь в условиях узковоенной среды, все это наложило на него отпечаток солдатчины, хотя и не очень заметный».

Ты, конечно, спросишь: «В чем соль?»
Соль, конкретно, в самой газете.
Вс. Емелин

SALTT.RU

Соль

РЕКЛАМА

АСТЕР типография
современные технологии полиграфии
614041, г. Пермь, ул. Усольская, 15; т./ф.: (342) 249 54 01
e-mail: aster@aster.perm.ru www.aster.perm.ru

РЕКЛАМА

3 Porsche Cayenne на персональных условиях

Узнайте больше. До 31 октября 2010 года

Начиная с 1948 года, конструкторы Porsche AG создавали спортивные автомобили по одному простому принципу: они должны быть эффективными. Это действительно и для новых моделей Cayenne: Cayenne, Cayenne Diesel, Cayenne S, Cayenne S Hybrid, Cayenne Turbo. По-прежнему отличные ходовые качества, но с меньшим потреблением топлива. Применение легких сплавов в конструкции всех пяти новых моделей Cayenne делает их на 185 кг легче, а в комбинации с передовыми технологиями такими, как функция Avto Start Stop, обеспечивает снижение расхода топлива до 23% и уменьшение выбросов CO2 до 26%. Вне зависимости от того бензиновый, дизельный или гибридный двигатель – принцип остается неизменным.

Мы называем его Porsche Intelligent Performance.

PORSCHE

Порше Центр Пермь
ул. Героев Хасана, 81 А
(342) 249 40 00

Расход топлива* в смешанном цикле, л/100 км: Cayenne 9.9 · Cayenne Diesel 7.4 · Cayenne S 10.5 · Cayenne S Hybrid 8.2 · Cayenne Turbo 11.5
Выбросы CO_2, г/км: Cayenne 236 · Cayenne Diesel 195 · Cayenne S 245 · Cayenne S Hybrid 193 · Cayenne Turbo 270

* Определяется по стандарту 80/1268/EEC в действующей редакции